

Центр системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

Ассоциация по комплексному изучению русской нации
(АКИРН)

Южнороссийское обозрение
Выпуск 14

75-летию академика
Евгения Сергеевича Троицкого
посвящается

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
НА ЮГЕ РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Сборник научных статей

Ответственный редактор
В.В. Черноус

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ

2003

ББК

Н

Редакционная коллегия серии:

Акаев В.Х., Арухов З.С., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам. отв.ред.), Попов А.В., Черноус В.В. (отв.ред.), Ненашева А.В. (отв. секретарь)

Рецензенты:

Д.и.н., проф. В.П. Крикунов (г. Георгиевск)

Д.с.н., проф. РГЭУ С.И. Самыгин

Д.и.н., проф. СКАГС С.А. Кислицын

Н. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 14. Ростов-на-Дону, 2003. 160 с.

Д-01 (03) 2003. Без объявл.

ISBN 5-87872-141-4

Освещаются различные аспекты обеспечения региональной безопасности на Юге России в связи с новыми вызовами в результате деятельности центров международного терроризма, войны в Ираке и внутрирегиональными процессами. Сборник посвящен 75-летию основателя и бессменного руководителя Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН) академика Евгения Сергеевича Троицкого.

Адресован регионоведам, этнополитологам, государственным служащим, сотрудникам правоохранительных органов.

ISBN 5-87872-141-4

© Центр системных региональных исследований
и прогнозирования
ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

**АМЕРИКАНО-БРИТАНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ИРАКА И ПРОБЛЕМА
ПРИОРИТЕТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
(вместо предисловия)**

*... война США против Ирака является прямой,
нарушающей международное право агрессией,
которая полностью подпадает под определение агрессии,
содержащееся в резолюции № 3314,
единогласно принятое 14 декабря 1974 года XXIX
сессией Генеральной Ассамблеи ООН.
Эта агрессия является грубым международным преступлением,
организаторы и исполнители которой должны предстать
перед международным уголовным судом.
Из пражской резолюции Европейского Форума мира. 21 марта 2003 г.*

Неопределенность трансформационных процессов в России в конце XX – начале XXI вв. перманентно влияет на оценку вызовов и угроз национальной безопасности, выборов стратегии и тактики ее обеспечения. Более того, длительное время не удавалось выработать Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, адекватно отражающую реальное внешнеполитическое и внутреннее положение страны, что определялось как динамикой глобальных изменений, геополитической переструктуризацией мира, так и кризисом личной, общественной и государственной идентичности, расколом в национальной российской элите.

Наигранный романтизм начала 90-х гг. XX в. сказался на содержании Закона Российской Федерации «О безопасности» (1992 г.). С одной стороны, он отразил процесс демократизации и гуманизации российского общества, определив, что в системе безопасности на первом месте стоит «состояние защищенности жизненно важных интересов личности», а затем формы социальной системы (общества) и лишь потом государства от внутренних и внешних угроз. С другой стороны, понятие национальной безопасности рассматривалось философски, как абстрактная форма выражения состояния жизнеспособности и жизнестойкости России, что не соответствовало деструктивным социальным процессам в 1992 – 1996 гг., обвальному падению международной роли и

утрате Россией важнейших традиционных геополитических позиций. Внутривластическая борьба по проблемам дальнейшего развития России блокировала принятие разрабатывавшихся тогда различных проектов Концепции национальной безопасности¹.

Принятая в 1997 г. Концепция национальной безопасности Российской Федерации была поэтому важным шагом в осознании роли России в мире, но в целом носила благостно-утопический характер. В частности, в ней был сделан вывод, что угрозы национальной безопасности России «в настоящее время и обозримой перспективе не имеют военной направленности, носят преимущественно внутренний характер и сосредоточены во внутривластической, экономической, социальной, экологической, информационной и духовной сферах»². Расширение НАТО на Восток, военная агрессия НАТО против Югославии с последующим установлением контроля над Балканами, угрозы Средней Азии со стороны движения талибов в Афганистане, деятельность международных террористических центров, а под их прикрытием западных и турецких спецслужб в Чечне и др. свидетельствовали, что первый «концептуальный блин безопасности» вышел комом.

Поэтому уже в январе 2000 г. была принята новая редакция Концепции национальной безопасности, которую отличает глубокая характеристика приоритетов национальной безопасности России и обоснованная стратегия обеспечения национальных интересов. В ней четко определена глобальная борьба двух взаимоисключающих тенденций в современных мировых процессах:

1. Построение многополярного мира на основе региональных интеграционных процессов (экономических, политических, научно-технических и информационных факторов).
2. Доминирование в международном сообществе развитых Западных стран при лидерстве США и расчет на односторонние, прежде всего, военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики.

В соответствии с этим анализом мировых процессов в Концепции было отмечено, что «Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира»³. Главной целью обеспечения национальной безопасности России Концепция определила создание такого национального, политического, международного и военно-стратегического положения страны, которое бы создавало благоприятные условия для развития личности, общества и государства и исключало опасность ослабления роли и

¹ Попов В.Г., Путилов А.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 1995. С. 34.

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Сборник Законодательных и нормативных документов по состоянию на февраль 1998. М., 1998. С. 19.

³ Российская газета. 18 января 2000 г. (I раздел Концепции).

значения Российской Федерации как субъекта международного права, подрыва способности государства реализовать свои национальные интересы на международной арене. Среди основных задач Концепция значительное внимание уделяет отражению военных угроз и угроз со стороны международного терроризма. Концепция учла трагическую судьбу Югославии, агрессию банд международных террористов с территории Чечни на Дагестан и другие внешнеполитические и внутренние события.

Загадочный террористический акт 11 сентября 2001 г., последующее создание антитеррористической коалиции, разгром талибов и оккупация Афганистана имели неоднозначные последствия для национальной безопасности России. Мифологема международного терроризма превратилась в кривое зеркало, через которое искаженно стали восприниматься многие последующие международные процессы. Существование международных террористических организаций очевидно, но их реальная угроза национальной безопасности государств, глобальной безопасности не имеет ничего общего с тем грандиозным монстром вселенского масштаба, который изобрели политтехнологи США и раздули СМИ в духе самых примитивных вариантов теорий мирового заговора. С одной стороны, подыгрывание американскому террористическому мифотворчеству позволило России несколько изменить в свою пользу позицию США и Западной Европы по отношению к Чеченскому кризису и к процессу восстановления суверенитета России над Чечней, т.к. в отличие от не очень убедительных «уток» США по поводу международных террористов в странах изобретенной ими «оси зла», в Чечне не признавать следы деятельности последних невозможно.

Разгром талибов в Афганистане на первой фазе казалось, отвечал интересам безопасности России, т.к. создавал предпосылки для ослабления угроз государствам Средней Азии, безопасность которых в значительной степени обеспечивалась силовыми структурами России. Однако, с самого начала было ясно, что США не столько ликвидируют созданные ими, но частично вышедшие из-под контроля террористические базы в Афганистане, сколько стремятся окончательно завершить построение однополярного мира, установить и закрепить свое безусловное глобальное лидерство – Pax Americana. В этом контексте излишняя активность России, по сравнению с большинством стран НАТО, в поддержке «антитеррористической» операции США оказалась геополитическим просчетом. В результате был нанесен серьезный удар по всей системе международного права, сложившейся после II Мировой войны, а по периметру границ России в Афганистане, Средней Азии, Грузии расположились американские базы. Показательно, что если в войне с Югославией Запад выступил практически единым фронтом, действуя в рамках концепций атлантизма – как системы коллективной

безопасности и мирового лидерства после крушения биполярного мира, то в случае с Афганистаном они ограничились скорее политикой благожелательного нейтралитета, учитывая едва скрываемые гегемонистические устремление янки. Вероятно, такая же политика была бы оптимальной и для России, т.к. позволяла избежать прямой конфронтации с США, но и не втягиваться в сомнительную с правовой точки зрения акцию.

Агрессия США и Великобритании против Ирака в марте 2003 г. вопреки позиции Совета Безопасности ООН, Мировой общественности и фактически без повода подтверждает данный вывод. Очевидно, что **США окончательно превратились в источник глобальной агрессии**, что будет определять международные отношения на ближайшую перспективу. Дело здесь не столько в параноидальных типах личности Буша-младшего, Кандолизы Райс или Д. Рамсфельда, а в самой генетике социальной системы США, которая прошла пик своего развития и может поддерживать свое функционирование на достигнутом уровне только в результате перманентного поиска врагов и осуществления агрессии, организации маленьких победоносных войн с целью консолидации разлагающегося общества. Стратегия национальной безопасности России должна исходить из этого неприятного, но объективного фактора.

Обеспечивая сотрудничество с другими странами, включая США в борьбе с терроризмом нужно освободиться от гиперболизации этого феномена. Существующая Концепция национальной безопасности в целом реалистично отражает угрозы России со стороны международного и внутреннего терроризма, хотя законодательство по борьбе с терроризмом и экстремизмом нуждается в существенном совершенствовании не в ужесточении, а выборе гибких правовых механизмов профилактики и силового подавления.

Большого внимания заслуживает проблема отражения военных угроз России. Особое значение для совершенствования системы безопасности России имеет трезвый анализ подготовки и агрессии США и Британии против Ирака. Предварительно можно сделать следующие выводы из развития военного кризиса в Ираке.

- США не способны осуществлять мировое лидерство, нести миссию единственной сверхдержавы ни в военном, ни в политическом, ни в экономическом, ни тем более моральном плане в рамках правового поля. Последние события показали, что не существует правовых механизмов, которые способны удержать США от попытки военно-силового разрешения любого конфликта. Они должны четко осознавать возможные экономические и военные последствия для США очередной воной авантюры.

- Военные действия в Ираке в 2003 г. развеяли миф, созданный вокруг операции «Буря в пустыне», о неуязвимости высокотехнологичных войск США и их безусловной победе. Миф, в который поверили многие эксперты в России и других странах и в который, судя по всему, в конечном счете, уверовала сама американская элита. Теперь убедительной представляется известная точка зрения, что американцы остановили свою наземную операцию после первой же контратаки иракской республиканской гвардии, а не из опасений развала Ирака.
- Независимо от того, чем закончится военная составляющая агрессии США и Англии против Ирака приходится вспомнить изречение Мао Цзэдуна – «США – это бумажный тигр». Агрессоры уже потерпели политическое, информационное и моральное поражение, вызвав во всем мире неприятие англо-американских ценностей, навязываемых в качестве универсальных всему миру.
- Война в Ираке продемонстрировала примитивный уровень военно-стратегического мышления американского генералитета, неэффективность серийной американской военной техники, низкий моральный и профессиональный уровень солдата. Военные действия в Ираке показали, что эффективность гигантских военных расходов США выглядит просто смехотворной. Это свидетельствует о тотальной коррупции в данной сфере, определяющей все функционирование социальной системы США. Минимум оборонительной техники, особенно систем «земля-воздух», позволила бы иракской армии, отлученной на 10 лет от современных видов вооружений, разгромить оккупантов в 3-4 дня. Все государства имеют возможность и, несомненно, сделают из этого правильные выводы. Нас ожидает бум на рынке военной техники.
- Использование США в Ираке запрещенных Женевскими конвенциями вооружений лишний раз подтверждает, что США – единственное государство, которое в XX-XXI вв. систематически использует оружие массового поражения, политику государственного терроризма и неспособно самостоятельно отказаться от их использования впредь.
- Варварство американской военщины в Ираке, уничтожение культурных ценностей мирового значения ничем не отличается (разве что еще большими масштабами) от преступлений против культуры их же учеников-талибов. Впрочем, тотальные бомбардировки городов – традиция американо-английских войск со времен бессмысленного уничтожения Дрездена в годы II Мировой войны.
- Развейте миф о продажности арабов, и их неспособности создать эффективные вооруженные силы, что требует немедленного дипломатического решения вопроса о

сознании Палестинского государства и разрешения палестино-израильского конфликта на основе соответствующих резолюций ООН.

- Исламский мир не запуган, но он будет ускоренно радикализироваться, что может коснуться и мусульман в России.

К сожалению, российская внешняя политика и мировое сообщество пока не замечают отмеченные факты, точнее делают вид, что не замечают их. Международное сообщество уклонилось от использования имеющихся механизмов, которые бы поставили агрессоров в изоляцию. Сказались преувеличенные представления, точнее иллюзии по поводу военной и экономической мощи США. Повторяются ошибки 30-х годов XX в., когда агрессоров пытались удовлетворить жертвой малых стран – Австрии, Чехословакии, Испании. Стремясь не запачкаться соучастием в откровенно колониальной войне в Ираке, ООН и российская дипломатия не сделали тем не менее никаких конкретных шагов по обузданию агрессоров. Кажущийся реализм такой позиции обманчив. Не только на США, но и на ООН лежит ответственность за геноцид иракского народа в результате несправедливых десятилетних санкций, инспекторы ООН фактически были использованы для разведывательных целей США и дальнейшего ослабления оборонительного потенциала Ирака. Сохранение любой ценой партнерства с США или институтов ООН, если она продолжит превращаться в послушного исполнителя воли сверхдержавы, вряд ли отвечает стратегическим интересам России и большинства других стран. Утверждение Президента РФ В.В. Путина, что Россия не заинтересована в поражении США по политическим и экономическим мотивам справедливо в той же степени (последующая дестабилизация мировой финансово-экономической системы и обострение региональных конфликтов), какой очевидной была незаинтересованность России и всего мира в победоносном блицкриге США в Ираке (окончательное утверждение однополярного мира и нового мирового порядка – беспрецедентного диктата США по типу древневосточных деспотий). Последний сценарий перечеркнут героической борьбой иракской армии и народа, судьба которых несмотря на бурные протесты по всему миру напоминают при молчаливой санкции правительств ведущих держав кровавое жертвоприношение времен Ветхого Завета. Стремление же поучаствовать в послевоенном переустройстве Ирака, точнее дележе его природных богатств, отдает рационализмом скупщиков краденого, что всегда отличало политику козыревых, кунадзе и прочих, но не укладывается в традиционную российскую политическую культуру..

Не используются благоприятные возможности по созданию новой системы мировой безопасности. Постепенно в ведущих европейских странах растет понимание, что НАТО – инструмент реализации глобальных амбиций США, а не обеспечения

безопасности Европы. Иракский кризис четко разделил Европу на атлантистов, поддержавших США и континентальные державы, осознавшие свои национальные и общеевропейские интересы (здесь мы не говорим о маргинальных постсоциалистических и постсоветских государствах восточной Европы, понимание суверенитета «элитами» которых ограничивается возможностью дороже продать свою «позицию»). Казавшиеся утопическими еще недавно теории создания оси Париж – Берлин – Москва начали приобретать в перспективе вполне реалистические черты. В то же время интеграция России в Европу представляется проблематичной, т.к. самоидентичность России всегда носила более широкий характер, также полностью с собой не идентифицирует Россию и Европа.

Более привлекательным выглядит создание Большой Евразийской системы безопасности, состоящей из трех подсистем: европейской (ось Париж – Берлин – Минск – Москва), Малой Евразии (Москва – система безопасности СНГ – Тегеран) и дальневосточной (Москва – Пекин – Дели с включением обеих Корей, Вьетнама и в перспективе Японии). В значительной степени теоретически эти подсистемы достаточно разработаны и в известной степени имеют уже и практическую основу. Геополитический статус России делает ее хребтом и сердцем этой системы безопасности, сохраняет ее самоидентичность при равноприближенности к европейской и дальневосточной подсистемам. Такая система обладает необходимыми финансовыми, экономическими, военными ресурсами, превосходящими возможности любого потенциального агрессора. В случае выстраивания такой системы, она, несомненно, привлечет к себе и другие страны Евразии. Определенные противоречия существуют в каждой из подсистем Евразийской безопасности. Но они не являются неразрешимыми, как и проблема исламского (суннитского) мира, который как четвертая подсистема со временем также может стать органичной частью Большой Евразийской системы безопасности. Атлантическая система безопасности из-за своей однополярности не может иметь конструктивный глобальный статус и постепенно ограничиться треугольником Вашингтон – Оттава – Лондон. Такая архитектура глобальной безопасности будет позволять эффективно противостоять глобальным и региональным вызовам безопасности, придаст новый импульс ООН. Это длительная, но неизбежная задача российской внешней политики и стран Европы и Азии.

По вектору Юг геополитическое конструирование должно быть направлено на укрепление связей с Арменией, Сербией, Грецией и Италией, вывод из названной США изоляции Ирана, нормализацию отношений с арабским миром и поддержку здравых сил в Турции, которые, включая офицерский корпус, тяготятся военными авантюрами и растущим антиисламизмом США.

Надежды н то, что США после военной победы вернутся в лоно международного права беспочвенны. Агрессия в Ираке не зигзаг во внешней политике США, а системный шаг. США не будут одним из партнеров институтов ООН или России, но безусловно попытаются использовать их в своих интересах, в частности, чтобы переложить расходы на послевоенное восстановление и борьбу с партизанами, которая из справедливой превратится в «неадекватный» терроризм. Не имеют под собой почвы и утверждения, что идет глобальная межцивилизационная война, и России, Франции, Германии необходимо консолидироваться вокруг США. Если рассматривать события в Афганистане, Ираке как проявление войны христианского и исламского мира, то США мало кто из специалистов рискнет отнести к христианской цивилизации. США рождались в борьбе с основными христианскими ценностями, американская идея – золотой телец и успех любой ценой лежат в противоположной плоскости. Не подвести эти события и к борьбе процветающего модернизированного Севера с архаичным и нищим Югом. Ирак был одним из самых модернизированных арабских государств, процветающего до эмбарго ООН под давлением США. Ориентация на партнерство с глобальным агрессором сама по себе является угрозой национальной безопасности, если конечно Россия уже не попала в полуколониальную зависимость и не мечтает о полной.

В предлагаемом читателю сборнике, не все авторы придерживаются такого дискуссионного и пока воспринимаемого как слишком радикальный подход к проблеме геополитической реструктуризации Евразии. В статьях авторов из Москвы, Махачкалы, Ростова высказываются различные видения проблем национальной и региональной безопасности.

Сборник статей посвящен 75-летию со дня рождения основателя и бессменного председателя Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН) академику Евгению Сергеевичу Троицкому. Будучи известным специалистом по проблемам неокOLONIALИЗМА (многие результаты его исследований и выводы в современных условиях получили второе дыхание) с 80-х годов переключился на проблемы русской нации. В 1983 г. он основал АКИРН. Ассоциация ежегодно проводит декабрьские чтения по проблемам русского народа и славянского единения, которые являются узловыми для развития России и обеспечения национальной и во многом глобальной безопасности. Евгений Сергеевич является автором более 500 научных публикаций, 20 монографий и брошюр, в том числе книг «Русская нация» М., 1989 г., «Возрождение Русской Идеи» М., 1991 г., «Что такое русская соборность?» М., 1993 г., «Соборная сила многонациональной России» М., 1995 г., «Русский народ в поисках правды и организованности» М., 1996, двух томов фундаментального учебника «Русская этнополитология» (М., 2001-2003 гг.)

Евгений Сергеевич один из авторов и друзей «Южнороссийского обозрения», который всячески поддерживает Центр, другие научные подразделения Ростова, Юга России. Его книги, сборники АКИРН активно используются в учебном процессе. В дни юбилея мы желаем выдающемуся ученому здоровья и новых достижений в изучении проблем русского и других коренных народов России.

З.С. Арухов

ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОСТРАТЕГИЯ США НА КАВКАЗЕ И УГРОЗЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

С течением времени все очевиднее, что активные попытки закрепления на Кавказе сил евро-атлантического блока являются результатом спланированной Западом глобальной геостратегической политики. Прежде всего, она направлена на ослабление позиций России в этом регионе и дальнейшее продвижение евро-атлантических сил на Восточное побережье Каспия, в Центральную Азию. Вспомним, что такая же политика проводилась США и государствами НАТО на Балканах, при одновременном закреплении своего присутствия и оказания существенного влияния на развитие социально-экономических, этно-религиозных и военно-политических процессов в этом регионе мира. Вероятно, именно такого подхода требует тактика целенаправленного прорыва в хартленд, к сердцу Евразии.

В данной статье с приложением на Республику Дагестан рассматриваются некоторые проблемы, связанные с характером продвижения сил Евро-Атлантики в так называемый хартленд – нынешнюю Центральную Азию с отдельными прилегающими к ней территориями. По нашему мнению, Дагестан в этом глобальном геостратегическом проекте освоения материка представлял именно ту часть ландшафта, которая до 1999 года оставалась как бы не освоенной. Иными словами, Дагестан рассматривался в качестве мелкой детали, находившейся вне общей геополитической картины евразийского континента, нарисованного в свое время З. Бжезинским¹. Именно поэтому 1999 году была предпринята попытка силового освоения и этой уникальной территории. Однако уникальность Дагестана вновь была подтверждена, и на этот раз тем неоспоримым фактом, что покорить его не удалось даже тем мировым силам, которые вокруг него создали управляемые «мини-империи» и новые геополитические коалиции. Не сумев поглотить кавказский хартленд, каковым мы с полным основанием можем именовать

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2000.

Республику Дагестан, силы Евро-Атлантики после 11 сентября 2001 года устремились с западного побережья Каспия к хартленду классическому, хартленду Маккиндера – в Центральную Азию. При этом обратим внимание на то, что в начале XXI века Збигнев Бжезинский рекомендует Соединенным Штатам контролировать Евразию главным образом со стороны ее приморья (римленда), поощряя страны этой полосы удовлетворять свои многообразные аппетиты за счет материковой глубинки. Но, как предполагал В. Цымбурский, Евро-Атлантика в лице Вашингтонской и натовской Брюссельской бюрократии могла предпочесть иной сценарий экспансии: сценарий с прорывом в хартленд через Кавказ и с обеспечением себе возможности одновременного давления на все незападные евроазиатские державы из «новой» Центральной Азии и Каспийского бассейна¹.

Этот блестящий прогноз В. Цымбурского, данный им за три года до начала операции в Афганистане, которая дала США долгожданную возможность наконец-то пробиться в хартленд. Более того, прогноз, данный до событий 11 сентября, сегодня оправдывается в полной мере. Причем вначале, этим силам, действительно, следовало надежно обосноваться на Балканах, что и было достигнуто в результате югославской кампании. Разгромив Югославию при помощи исламистов, Евро-Атлантика взяла под свой контроль весь восточноевропейский коридор. При этом была применена новая для «демократического сообщества» техника экспансии без кооптации в его структуры новых членов, - ведь в противном случае она могла бы грозить размыванием этих структур и снижением их дееспособности. В результате Македония, Болгария, Словакия, Румыния, Албания оказались охвачены натовским пространством, не будучи приняты в члены этой организации и не получив формального права влиять на ее политику².

Исходя из тезиса об «управляемости конфликтов», на определенных этапах развития кризисных ситуаций на Кавказе не исключалось также легитимное расширение зоны военного присутствия Запада через пресловутое миротворчество (Абхазия, Нагорный Карабах, Чечня), так как доступ в Центральную Азию из Восточной Европы НАТО мог получить не иначе, как через Кавказ. Именно здесь «несущими конструкциями этого стратегического моста» охотно могли послужить Грузия и Азербайджан. Они вполне могли бы принять у себя войска «мирового сообщества», хотя бы под предлогом

¹ Этому посвящена обширная статья талантливого российского геополитика Вадима Цымбурского под названием «От Дагестана-99 к будущему Великому Лимитрофа Евро-Азии». Статья расположена на электронном портале <http://www.nikolaev.ru>. При геополитическом анализе ситуации в Дагестане в течение 90-х годов, в особенности событий августа-сентября 1999 года мы исходим из предложенного им научного подхода и его соответствующего теоретического обоснования. (Прим. авт).

² Там же.

умиротворения Абхазии и Карабаха¹. Кроме того, евро-атлантическими силами всячески могли стимулироваться полузатухшие национально-этнические и религиозные конфликты, прямо или через третьи страны разжигаться новые, в результате чего можно было достичь «рассредоточения усилий России и ее экономического изнашивания»².

В период военных событий 1999 года в Дагестане также нельзя было исключать введения на Кавказ войск НАТО с миротворческой инициативой. При радикальном стечении обстоятельств и при расширении географии конфликта иностранные войска действительно могли оказаться в регионе и при этом не обязательно они должны были быть американскими. Это мог быть любой контингент из состава миротворческих сил ООН. Данные войска могли быть введены на территорию Грузии, они же вполне могли оказаться и в Азербайджане, - например, при искусственном обострении проблемы разделенного лезгинского народа. Данная проблема, подчеркивал А. Молотков, принципиально важна для понимания ситуации на Кавказе: лезгины разделены между Дагестаном и Азербайджаном, и при складывании определенных условий «они могут поставить вопрос о том, что нуждаются в поддержке и защите». И тогда на Кавказе появятся иностранные войска, мотивирующие свои действия «необходимостью защиты лезгинского народа»³.

Столь критическое развитие ситуации нельзя было исключать в прошлом, и с этим следует считаться в будущем, потому что подобные гипотетические сценарии некоторыми американскими стратегами рассматривались вполне серьезно. Например, в 1998 году американский политолог Ариель Коэн писал, что «интересы США на Кавказе заключаются в предоставлении гарантий независимости и территориальной целостности Грузии, Армении и Азербайджану; осуществлении контроля над Ираном и любыми проявлениями исламского фундаментализма; обеспечении доступа к энергетическим ресурсам; предотвращении возможного возрождения российских имперских амбиций в регионе». Соединенные Штаты, по его мнению, должны «оградить области своих стратегических интересов от возможных опасностей, усиливая гражданские институты и экономические рынки в трех кавказских республиках, развивая поддерживаемую Турцией и Израилем коалицию Грузии и Азербайджана»⁴. Эти меры, по его мнению, призваны «гарантировать американским энергетическим компаниям возможность строительства нефте- и газопроводов на Запад через Черное и Средиземное моря вместо «северного»

¹ Там же.

² Морозов Ю.В., Лутовинов В.И. Агрессивный экстремизм под прикрытием ислама: авантюра в Дагестане, ее последствия и уроки

³ См. об этом в аналитических материалах движения «Союз народовластия и труда», расположенных по адресу: <http://www.nikolaev.ru>

⁴ Коэн Ариель. Конфликты на Кавказе угрожают интересам США // Российская газета. 1998. 28 ноября.

пути - через Россию и «южного» - через Иран. Если Вашингтону не удастся получить политические дивиденды на Кавказе, американские интересы, так же, как и интересы ключевых союзников США, Турции и Израиля, окажутся в опасности. В выигрыше останутся антизападные силы в России и Иране¹.

Согласно А. Козну, для обеспечения своих интересов на Кавказе Соединенным Штатам необходимо было усилить политическую поддержку проекта трубопровода Баку - Джейхан. Ариель Коэн прямо признавал, что в американских интересах «производить перекачку нефти из Каспийского моря через Грузию и Турцию, нежели через Иран или Россию, так как северный или южный путь создаст возможности для России или Ирана контролировать значительно большую часть рынка энергоресурсов».

Американский политолог предлагал также «начать переговоры с лидерами этнических групп Северного Кавказа, который представляет собой «котел межэтнических противоречий, находящийся на грани взрыва». Следовательно, Соединенные Штаты должны «наращивать свои информационные и аналитические возможности в регионе, наладить диалог с лидерами автономий Северного Кавказа, что гарантировало бы стабильность, взаимопонимание и мир»².

Некоторые российские политики в ответ на подобные американские амбиции предлагали принудить Азербайджан и Грузию считаться с интересами России, в связи с чем следовало бы более решительно поддержать Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах, лезгин в Азербайджане в их стремлении к национальному самоопределению, поддержать русских в сопредельных государствах. Несомненно, эти меры осложнили бы отношения между закавказскими республиками и граничащими с ними субъектами Российской Федерации. Задача же состояла в том, чтобы независимость, экономическое процветание и благополучие граждан были гарантированы вне зависимости от блоковой принадлежности этих государств.

Изучение возможностей использования «миротворческих миссий» в этнических конфликтах стимулируется тем обстоятельством, что после Балкан на пути продвижения в хартленд перед силами Евро-Атлантики стоит глобальная задача закрепления на Кавказе. В этом смысле провоцирование «лезгинского сценария» на севере Азербайджана может быть связано не только с желанием свертывания северных маршрутов бакинской нефти, но и с обеспечением контроля над транспортировкой углеводородов через Грузию в Турцию. Многолетнее присутствие американских баз на территории Саудовской Аравии и ряда государств Персидского залива создает для этого необходимый прецедент. Нетрудно

¹ Там же.

² Там же.

заметить, что и здесь роль Турции как союзницы по блоку НАТО весьма существенна. В данном случае она должна будет играть роль Саудовской Аравии на Ближнем Востоке. Отличие состоит лишь в том, что Саудовская Аравия располагает нефтяными запасами, столь необходимыми экономике США, а Турция, в силу своего географического расположения, имеет транспортные возможности для экспорта каспийской нефти. Ключевое значение приобретает при этом транспортировка нефти и природного газа без пересечения российской территории, на которой находятся, кстати, и лезгинские районы на Севере Азербайджана и Юге Дагестана. Поэтому крупнейшие в мире западные нефтяные концерны «Шеврон», «Мобил» и «Шелл» финансируют изыскания исключительно по проекту трассы Баку-Джейхан. Несмотря на то, что военное обеспечение этой трассы должно быть возложено на члена НАТО – Турцию, Азербайджан также пытался предложить североатлантическому блоку создать свои военные базы на его территории¹.

Среди составных частей сценария по долгосрочному закреплению США и их союзников на Кавказе должны быть упомянуты многие факторы. К ним относятся каспийская нефтяная эпопея; включение Закавказья руководством североатлантического блока в зону ответственности армии США, трактующих Каспий как сферу своих жизненных интересов; непосредственное американо-турецкое участие в военном строительстве Грузии; уверения некоторых политиков Азербайджана о возможности обустройства американских или турецких баз на территории этой республики².

Таким образом, США, пытаясь распространить влияние североатлантического блока до границ Китая и Гималаев, преследуют стратегическую цель вбить клин в отношения между Россией и новыми нефтедобывающими странами Каспийского бассейна. Одновременно под видом насаждения демократии американские миссионеры пытаются оказать влияние на все сферы жизнедеятельности прикаспийских государств. Активизацию своей деятельности в регионе англо-американские силы обычно объясняют озабоченностью проблемами сохранения мира и стабильности. Между тем, как указывает Фабрицио Виельмини, все гораздо проще, так как цель всей политики вокруг Каспия указана в книге Збигнева Бжезинского «Большая шахматная игра» - получить полный контроль над евразийским континентом, помехой на пути к реализации которой стала Россия³.

¹ Герке Вольфганг. Чеченский раунд большой игры Вашингтона // Независимая газета. 2000. 17 февраля.

² Цымбурский В. От Дагестана-99 к будущему Великому Лимитрофа Евро-Азии. <http://www.nikolaev.ru>

³ Виельмини Фабрицио. Границы ислама и Азии могут оказаться перед Европой, если не станет России // Навигатор. Казахстан. 2001. 04-10 июля.

В событиях на Кавказе многие эксперты отчетливо выделяют элементы «югославского сценария» на его раннем этапе. Налицо те же постоянно подогреваемые сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняемые очаги напряженности (Нагорный Карабах, Абхазия, Чечня), взаимные территориальные претензии и т.д.¹ В случае с Чечней в отдельные периоды конфликта также можно было проводить прямые аналогии с косовским кризисом. Намерения англо-американских кругов по развязыванию кавказской войны были ясны уже в 1992-1993 годах. Только необходимость осуществления предварительных шагов и ожидание благоприятного момента задержали кавказское наступление до завершения его предварительного этапа - войны НАТО против Югославии.

С точки зрения стратегической французский публицист Л. Ларуш рассматривает вооруженное вторжение банд чеченских сепаратистов в Дагестан в 1999 году и Балканскую войну как звенья единой цепи, как «естественный вспомогательный этап для общей дестабилизации Закавказья и Центральной Азии»². Таким образом, вооруженный конфликт 1999 года в Дагестане должен быть рассмотрен в контексте «геополитических войн» конца XX века, что свидетельствует не только о геостратегической важности республики, но и о характере реализации глобальных планов сил Евро-Атлантики на евразийском континенте.

С точки зрения геополитической, смысл дагестанской и, шире, всей северокавказской ситуации в 90-х годах XX века Вадим Цымбурский раскрывает в трех взаимодополняющих ракурсах, которые необходимо рассмотреть несколько подробнее. Предварительно надо отметить, что предложенный им подход нам представляется наиболее продуктивным в плане выявления основных причин вооруженного вторжения чеченских банд-формирований в Дагестан. Три ключевых компонента его анализа составили: (1) образование региональных «империй»; (2) геополитическая роль «агентурного ислама» в форме ваххабизма; (3) формирование нового межцивилизационного пояса. Первые два компонента, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к Дагестану и должны быть обсуждены подробно. В то же время мы понимаем, что нельзя недооценивать значимость и третьего ракурса всей этой проблематики, который В. Цымбурский считает даже важнейшим и соотносит с новой и древней реальностью³ - формированием межцивилизационного пояса Евро-Азии, обозначившегося в 90-х годах в качестве собственно геополитической величины. Этот пояс протянулся от Восточной

¹ Морозов Ю.В., Лутовинов В.И. Геополитическое значение Кавказа для России. Агрессивный экстремизм под прикрытием ислама: авантюра в Дагестане, ее последствия и уроки.

² Дагестан - новый этап развала России? <http://www.nikolaev.ru>

³ Подробнее об этом см., например, «Pro et contra». 1997. № 3.

Европы с Балканами через Кавказ, далее через постсоветскую («новую») Центральную Азию и через «старую» Центральную Азию, то есть Тибет, Синьцзян и Монголию до Корейского полуострова. Этот межцивилизационный пояс земель, с которым смыкается и вестернизированная турецкая Анатолия, пролег между платформами «коренной» романо-германской Европы, арабо-иранского Ближне-Среднего Востока, России, Индии и «коренного» Китая. С «основной земли» любой из этих цивилизаций по нему можно достичь любой другой платформы, перемещаясь по их переходящим друг в друга континентальным окраинам.

Геополитический анализ первого компонента проблемы – формирование региональных «империй» – в его северокавказском ракурсе предполагает исследование имперских амбиций Чечни, отразившиеся на военно-политической обстановке в Дагестане. В общекавказском же ракурсе характер геополитической ситуации определялся тем, что после ослабления российского присутствия на Кавказе здесь стали оформляться как суверенные силы местные малые «империи». На начальном этапе это произошло в Закавказье, где на роль таких «империй» вышли еще в конце существования СССР полиэтнические Грузия и Азербайджан. В первой половине 90-х годов Закавказье явно разделилось на причерноморскую и прикаспийскую зоны: каждую такую зону образовывала местная «империя»¹.

Вместе с тем все активнее проявлялся и характер «имперских» амбиций Чечни. Геополитические претензии этой мятежной территории во многом объясняют причины эскалации военно-политической обстановки и ухудшения социально-экономического положения не только Дагестана, но и других приграничных субъектов России. С самого начала 90-х годов Чечня, пытавшаяся сформировать свой особый северо-кавказский центр силы, противостоящий России, была увлечена устремлениями северо-западных кавказцев (кабардинцев, черкесов, отчасти южных осетин), на которые она пыталась распространить свое влияние. Вместе с этими соседями чеченские отряды шли в Абхазию против грузинской «империи». Это было в 1992-1993 годах, позже – во второй половине 90-х годов в Чечне высказывались теоретические обоснования решения проблем другой «мини-империи» – Азербайджана. В частности, не исключалась возможность участия чеченских незаконных вооруженных формирований в карабахском конфликте. В данном случае, надо полагать, что преследовалась цель формирования благоприятного геополитического фона на территории Азербайджана, так как уже к этому времени

¹ См. об этом: Цымбурский В. От Дагестана-99 к будущему Великому Лимитрофа Евро-Азии. <http://www.nikolaev.ru>

отдельными ичкерийскими стратегами вынашивались планы вторжения в Дагестан. Такая политика Чечни в регионе объясняется несколькими причинами.

Во-первых, малые «империи» в лице Грузии и Азербайджана консолидировались внутри себя, преодолели смуту, стали сближаться между собой и с «натовской» Турцией, выступали организаторами контрросийской оси ГУУАМ. В этот же период они участвуют в декларируемых планах транспортировки каспийской нефти на Запад в обход России и, вообще, в контексте идеи Евразийского транспортного коридора заявляют о себе как о наиболее естественном соединительном звене напрямую между Восточной Европой и постсоветской Центральной Азией. Чечня также пыталась принимать в этом активное участие путем создания Кавказского общего рынка, а также формированием новых региональных структур, связанных с использованием энергоресурсов региона при непосредственном активном участии европейского, прежде всего английского капитала.

Во-вторых, Чечня получила возможность полностью развернуться против России и, при намечающемся взаимопонимании с Тбилиси и Баку (а также и с Анкарой), приступить к строительству третьей малой «империи», устремляясь к Каспию. В зону этого строительства попадал Дагестан, до сих пор остававшийся в стороне от большой региональной игры, а теперь оказывающийся в одном из ее фокусов и немедленно выступивший против «имперствующим» соседей.

Действительно, с начала 90-х годов чеченские лидеры открыто претендовали на лидерство в северокавказском регионе. При этом они не скрывали своих политических амбиций и в Закавказье. По некоторым данным, Чечня какое-то время служила мостом для тайных воздушных поставок горючего и вооружения для Армении. Одновременно чеченские добровольцы пытались участвовать на стороне Азербайджана в карабахском конфликте. Свержение Звиада Гамсахурдии послужило толчком к «абхазской эпопее» чеченцев. Неожиданный результат всей этой внешней активности состоял в том, что она в значительной степени содействовала восстановлению политического веса России в Закавказье.

Тем не менее, можно утверждать, что еще до вторжения в Дагестан в августе 1999 года отдельные чеченские идеологи намечали более обширные военные программы. Как отмечал А. Богомолов, исламский военный проект не ограничивался не только рамками Дагестана, но и Северного Кавказа. При любой возможности он готов был распространиться на всю территорию мусульманского Кавказа. Так, по словам М. Удугова, «исламские военные подразделения», не дожидаясь возобновления войны в Нагорном Карабахе, планировали в 2000 году начать кампанию по восстановлению «мусульманских территорий Закавказья». Вторым направлением могла стать «Великая

Адыгея», идею которой артикулировали некоторые радикальные адыгские националисты на Северо-Западном Кавказе¹.

Основная ставка в реализации этих программ делалась на необходимость налаживания контактов с военно-политическими силами за пределами Чечни. Однако надо сказать, что внешнеполитическая активность Чечни не отличалась продуманностью, поэтому подобные декларативные проекты лишней раз свидетельствовали о политических спекуляциях в отношении не только федеральной власти, но и соседних республик. Достаточно сказать, что характер внешних контактов Масхадова после первой военной кампании говорит об отчаянном лавировании в поисках любых возможностей признания за рубежом. На постсоветском пространстве чеченские сепаратисты чаще всего появлялись в странах Прибалтики и на Украине, где в политической элите были наиболее сильны антироссийские настроения.

После неудачных попыток признания на Западе в середине 90-х годов основное внимание было сосредоточено на южном направлении – чеченские эмиссары направились в Саудовскую Аравию, Судан, Турцию, ОАЭ, Пакистан, Малайзию, посещали Ливан, Иорданию и ряд других арабских стран. Здесь они предпринимали шаги в целях признания ее независимости «де-факто» другими государствами. В рамках этой политики Масхадов отправился также в США, где попытался убедить представителей большого бизнеса, прежде всего нефтяного, что именно Грозный, а не Москва может реально защитить их интересы в регионе. В то же время социологический опрос, проведенный в Грозном до первой военной кампании на предмет «с кем чеченцы хотели бы поддерживать свои отношения и жить вместе» ответили: с Россией – 80%, в союзе с Турцией – 5%, с Европой – 3% и 12% респондентов не были готовы к ответу. Результаты опроса руководством Чечни были тщательно засекречены.

Весьма показательными в плане реализации внешнеполитической программы являются визиты чеченского лидера в США и Турцию, а также оценки их значения со стороны представителей политической элиты республики. После возвращения из зарубежного турне было заявлено, что международное признание должно последовать в самое ближайшее время. После визита в Турцию А. Масхадова именовали уже не просто «свободным президентом свободного чеченского государства», но и «лидером мусульман Кавказа». После американской поездки было объявлено о том, что американские, канадские и другие иностранные эксперты в беседах с чеченским руководителем признали

¹ Богомолов А. Кавказский джихад - 99 // Новости Центральной Азии и Кавказа. Бюллетень Ассоциации ближневосточных исследований. 1999. № 3. Сентябрь.

Чечню независимой «де-факто», и предупредили, чтобы она «ни в коем случае не поддавалась влиянию России».

Несмотря на эти декларативные заявления, Чечня находилась в режиме жесткой международной изоляции. Только афганское правительство талибов выразило готовность признать независимость Чечни, что во многом объяснялось тем, что в этот период они рассматривали Россию как главного поставщика вооружения для противостоящей им коалиции.

С точки зрения геополитических интересов России и обеспечения региональной безопасности страны, военные конфликты в Чеченской Республике имеют особое значение. В результате них произошло фактическое разрушение геополитической целостности всего Северо-Кавказского региона, разрыв транспортных коммуникаций, нарушение регионального этно-демографического баланса в связи с перемещением больших масс беженцев и вынужденных переселенцев, превращение Северного Кавказа в своеобразный криминальный анклав, ставший, в свою очередь, одним из важнейших факторов, подрывающих национальную безопасность Российской Федерации¹.

По мнению английского исследователя Анны Матвеевой, последовавшие после первой чеченской войны события показали, что внутренняя суматоха в этой республике, вызванная кровной мстью и клановой борьбой за власть, в значительной степени дестабилизировала ситуацию в Дагестане². К факторам дестабилизации можно отнести насилие в приграничных районах и преследуемые некоторыми чеченскими лидерами территориальные притязания; военная связь между ваххабитами в Чечне и Дагестане; напряженные отношения среди местного чеченского населения; милитаризация Дагестана и транспортная блокада республики. Однако вопреки широко распространенным ожиданиям война в Чечне, которая, начиная с декабря 1994 года, явилась важным фактором в дагестанской политике, не породила в республике сепаратистских настроений. Даже несмотря на то, что Дагестан не был вовлечен в эти события в полном масштабе, война имела серьезные последствия для внутренней стабильности и безопасности республики³.

Несомненно, события в Чечне оказали крайне негативное воздействие на экономику Дагестана: были прерваны все коммуникации, связывающие республики с другими регионами страны, приостановлено железнодорожное движение, в республику и из нее не

¹ Садыки Мухаммед-Ариф. Место Республики Дагестан на геополитической карте России // Власть. 2001. 1 мая.

² Matveeva Anna. The Impact of Instability in Chechnya on Daghestan // Caspian Crossroads Magazine. Volume 3, Issue №3, Winter 1998.

³ Ibid.

отгружались товары транзитом через Чечню, грузовые и пассажирские составы подвергались грабежам. В 1993 году только на грозненском участке Северо-Кавказской железной дороги было ограблено 4 тыс. железнодорожных вагонов и с 559 поездов были похищены контейнеры, что привело к убыткам на общую сумму в 11,5 млрд. рублей.

Война отразилась и на военно-политической обстановке в республике, в особенности на административной границе. 9 января 1996 года в городе Кизляр группой чеченских боевиков во главе с С. Радуевым были захвачены около 3 тыс. заложников. Эта террористическая акция 14-19 января отразилась на селе Первомайское, которое в результате операции по освобождению заложников было полностью разрушено. Кроме того, в результате военных действий в соседней республике Дагестан принял самое большое число беженцев – около 230 тыс. человек.

В ходе и после первой чеченской войны в течение нескольких лет Дагестан оказался фактически в транспортной блокаде. Известно, что через всю территорию Дагестана проходят железнодорожная магистраль, построенная в начале XX века, и автомагистраль федерального значения, связывающие Россию с Закавказьем и дальше - с Ираном. Эти транспортные артерии имеют стратегическое значение, поскольку являются, в сущности, единственными связующими звеньями между Россией с одной стороны, Азербайджаном и Ираном - с другой. Железнодорожный транспорт для Дагестана был и пока остается основным видом транспортных, в основном грузовых перевозок. После многолетнего лоббирования дагестанскому правительству удалось добиться выделения средств на строительство обходной железнодорожной ветки по маршруту Карланюрт-Кизляр, в обход Чечни соединившей Дагестан с Астраханью. Альтернативное железнодорожное сообщение прорвало блокаду, но впоследствии эта дорога также была объектом террористических нападений.

Немаловажное значение имело строительство не только железнодорожной ветки и участка автодорожной магистрали, но также нефтепровода в обход Чечни. Можно только представить, с какими трудностями столкнулась республика, изменяя в северном направлении практически все коммуникации и инфраструктуру, создававшиеся в течение нескольких десятилетий.

Дагестан имеет самое непосредственное отношение к развернувшейся в регионе геополитической игре вокруг разработки и транспортировки углеводородных ресурсов Каспия. Очевидно, что от ситуации в республике, от способности властей как Российской Федерации, так и самого Дагестана обеспечить здесь социальную и политическую стабильность во многом зависел и окончательный выбор основного маршрута для транспортировки на западные рынки азербайджанской нефти. Иначе говоря, в

дагестанских событиях 1999 года невозможно игнорировать четкую взаимосвязь между политикой и главной ценностью Прикаспийского региона - нефтью. Наблюдатели обращали внимание на тот факт, что террористические акты в регионе, как правило, совпадали с активизацией переговоров по поводу выбора маршрутов транспортировки нефти¹.

На транспортировку углеводородного сырья через территорию Дагестана события в Чечне и вызванная ими террористическая деятельность также оказали негативное воздействие. Для России, возможно это был даже более важный вопрос, чем строительство обходной железнодорожной ветки. Несмотря на соглашение с Чечней об обеспечении эффективного функционирования «северного» маршрута каспийской нефти, российские власти стремились избавиться от зависимости от чеченского правительства в этом вопросе. Более того, на мятежной территории широко практиковались масштабные хищения нефти из трубопроводов. Так, по данным российских правоохранительных органов, только в течение 1999 года из проходящих через Чечню трубопроводов было похищено нефти на 20 млн. долларов. Следовательно, на повестке дня стояла идея строительства трубопровода в обход Чечни через Дагестан для транспортировки нефти из Азербайджана до Тихорецка. В сентябре 1997 года было объявлено о намерении закладки трубопровода длиной 312 км и трех насосных станций. В январе 1998 года российской компании «Роснефтегазстрой» американцами было предоставлено 250 млн. долларов для строительства трубопровода в Дагестане. Ожидалось, что работы будут закончены в течение девяти месяцев. Дагестану за транзит это приносило бы до 30 миллионов долларов в год. Генеральным директором объединения «Дагнефть» Гаджи Махачевым было предложено осуществить этот обход не в регионе близкого к чеченским границам Хасавюрта, как предполагалось по российскому плану, а далее в восточном направлении, на территориях, где имелись перспективы для развития собственной дагестанской нефтяной промышленности. В данном случае расчет делался на то, что Дагестан обладает довольно скромными разведанными нефтяными ресурсами, и строительство трубопровода придало бы стимул развитию его нефтяной индустрии. Дагестанская делегация даже посетила Баку, чтобы перенять опыт Азербайджана в добыче сырой нефти и в привлечении внешних инвестиций.

Успех данного проекта подразумевал, что линия трубопровода, проходящего через Чечню, становилась не нужной, и республика не только лишалась выгод от транзита, но также столкнулась бы с необходимостью сокращения экспорта собственной нефти и свертывания технической помощи для средств обслуживания. Однако маршрут через

¹ Садыки Мухаммед-Ариф. Место Республики Дагестан на геополитической карте России.

Дагестан был потенциально уязвим от террористических актов, и вооруженное нападение чеченских банд на Буйнакск в конце 1997 года только подтвердило эти опасения.

В контексте претензий на лидерство в северокавказском регионе обратим внимание на попытки военно-политической «элиты» Чечни по реализации некоторых геостратегических проектов. Они, как правило, осуществлялись в рамках и силами таких региональных организаций как Конфедерация горских народов Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, «Исламская нация» и другие.

В середине 90-х годов ситуация на Северном Кавказе претерпела очередной этап качественных изменений. Вновь, как в начале 90-х годов, явными становились попытки геополитических противников России отсечь от нее Северный Кавказ и Закавказье. При этом некоторые наблюдатели утверждали, что вопреки своим декларациям в качестве инструмента геостратегической войны против России использовалась Конфедерация народов Кавказа (КНК)¹. Как известно, конфедерация была основана в Сухуми в 1989 году во время первых грузино-абхазских вооруженных столкновений в период подъема активности национальных движений в республиках Северного Кавказа. Из этих движений три (кабардинское, черкесское и адыгское) объединялись общим адыго-черкесским корнем в единое черкесское движение. К этому же движению принадлежала и абхазская ветвь. Идеологически и географически они служили своего рода связующим звеном для значительной части всего Северного Кавказа. Пафос движения в тот период заключался в создании единой Горской республики со столицей в Сухуми.

В историческом плане идея создания такого государства впервые возникла в 1917 году, когда был создан Совет объединенных горцев Кавказа, а в 1918 году – провозглашена Горская республика. В нее входили Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия, Карачаево-Балкария, Кабарда, Абхазия и Адыгея. Создание Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), несколько позже преобразованной в Конфедерацию народов Кавказа (КНК), явилось попыткой реанимирования этой объединительной идеи. В деятельности КНК можно было выделить два основных вектора активности: абхазский и чеченский. С самого начала своего образования КНК призывала к всемерной помощи абхазскому народу, воодушевляла добровольцев на вооруженную борьбу в Абхазии. Извне эта борьба в какой-то степени поддерживалась Турцией, а изнутри оппозиционными фракциями Верховного Совета России (1991-1992 годы). Российские парламентарии этого периода справедливо подчеркивали пророссийский компонент в абхазской политике. Он действительно был велик, и при нормальной консолидированной политике мог быть использован для закрепления Абхазии в качестве российского

¹ Подкопаева М. Северный Кавказ на новом политическом витке // Завтра. № 20 (128). 1996. 14 мая.

плацдарма на Кавказе. Однако в силу ряда обстоятельств декларируемый прорусский компонент абхазской политики оказался не задействован в плане решения реальных геополитических задач, а не декларируемый, но абсолютно реальный турецко-черкесский компонент все той же Абхазии стал разворачиваться со всей активностью. Постепенно в этой линии все четче стал выделяться не безопасный общечеркесский сепаратизм, нацеленный уже не на присоединение Абхазии к России, а на отделение от России всей «Великой Черкесии», той самой Горской республики, о которой говорили лидеры КНК.

Второй вектор - чеченский - был направлен на проект общекавказского устройства, в соответствии с которым КНК должна была вырасти не в великочеркесское, а именно в общекавказское государственное образование. В этом проекте Чечне отводилась роль северного форпоста Кавказа, и в результате формирования «абхазского батальона» чеченский вариант КНК стал наполняться «реальным боевым содержанием». Кстати сказать, именно боевой опыт участия в абхазских событиях катализировал активность военно-политической машины Ичкерии в плане реализации геостратегических задач в Дагестане. Более того, первые успехи в военных действиях в Абхазии в составе «миротворческих» сил КНК создали у военного руководства Чечни ощущение превосходства даже над Грузией и Азербайджаном, так как к тому времени эти «мини-империи» еще на стадии своего формирования в начале 90-х годов именно в результате войны потеряли свои территории.

Однако, как справедливо замечает К. Гаджиев, «когда говорили о КГНК, речь шла не о ясно и четко декларированной воле народов региона к какому бы то ни было государственному единству, а лишь о попытках отдельных группировок северокавказской интеллигенции сформулировать и реализовать некий проект государственного устройства, абстрагируясь при этом от реальности»¹. Представительство от различных народов северокавказских республик в этой организации строго не учитывалось, принцип выборности или делегирование полномочий для тех, кто все же входил в рабочие и руководящие органы этой организации, также не соблюдались. Поэтому, вполне естественно, что в Дагестане не многие знали о существовании конфедерации, ее целях и задачах. Причем несколько раз члены конфедерации проводили совещания и в Махачкале, которые проходили практически незамеченными общественностью республики.

Как считает Ю. Анчабадзе, «независимое конфедеративное Кавказское государство, создание которого в программных документах КНК объявлялось главной целью, было романтической и утопической идеей, не имевшей шансов быть реализованной на практике. В то же время идея диалога, налаживания межэтнического и

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 181.

межконфессионального сотрудничества в регионе была вполне продуктивной и могла быть претворена в жизнь. Но воспользоваться этим благоприятным историческим шансом КНК не смогла. Ни один из инициированных Конфедерацией диалоговых проектов, - указывает Ю. Анчабадзе, - не привел к осязаемым результатам – ни в период учреждения этой организации, когда ее резко и безапелляционно заявленная позиция исключила всякую возможность налаживания контактов между грузинами и абхазами, ни позднее. И конечно, КНК «подкосила» чеченская война, ибо Конфедерация так и не смогла дать адекватного ответа на ситуацию, во всяком случае, такого ответа, который подразумевался, исходя из программных постулатов организации, взявшей на себя ответственность за судьбы Кавказа и его народов»¹.

Однако даже при наличии со стороны чеченского руководства выраженных претензий на лидерство в регионе дагестанские власти пытались наладить с ним диалог. В январе 1998 года Народное Собрание Дагестана попыталось установить контакты с чеченским парламентом, направило парламентариям из соседней республики приглашение посетить Махачкалу для обсуждения необходимых шагов для стабилизации. Однако с чеченской стороны отмечалось нежелание поддерживать официальные отношения, в силу чего не подписывалось и Соглашение о дружбе и сотрудничестве, предложенное дагестанской стороной еще в ноябре 1996 года. Председатель Государственного совета РД Магомедали Магомедов надеялся подписать соглашение в феврале 1998 года в ходе его посещения Грозного. Это намерение также не было осуществлено, поскольку чеченские лидеры считали, что Чечня - независимое государство, а Дагестан - субъект Российской Федерации, а посему мог подписывать двустороннее соглашение только с определенным районом Чечни, но никак не с чеченским правительством. Однако во взаимоотношениях с Чечней протокольное оформление договора было необходимо для «совместной борьбы с преступностью в приграничных районах, обеспечения безопасности и оказания экономической помощи Чечне в восстановлении разрушенной республики»². К сожалению, необоснованные амбиции чеченских лидеров исключали всякую возможность конструктивного диалога.

В целом позицию дагестанских лидеров по отношению к властям Чечни можно было характеризовать как чрезвычайно сдержанную из-за опасений провоцирования любой

¹ Подробнее об этом см.: Анчабадзе Ю.Д. Конфедерация народов Кавказа // Этнокультурные и этнополитические процессы на Кавказе в XX в. М., 1996. См. также: Анчабадзе Ю.Д. Динамика этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Межнациональные конфликты в постсоветском обществе. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М., 1993. Вып. 3. Ч. 2.

² Максаков И. Дагестан останется единой неделимой республикой в составе РФ // Независимая газета. 1998. 12 мая.

враждебной реакции. Возможно, эта осторожная позиция была оправдана и диктовалась стремлением не подрывать положение Масхадова и его относительно умеренных сторонников. В противном случае, в соседней республике могли быть созданы условия для укрепления радикальных сил¹.

Другое вероятное объяснение этому аналитики усматривают в том, что в этот период Дагестан сам находился в нелегких социально-политических условиях. Напряженные межнациональные отношения и экономическая депрессия создавали обстановку внутренней нестабильности, которая могла усугубиться из-за внешнего давления. Это вынуждало вести сбалансированную политику, способную смягчить напряженные отношения. Таким образом, дагестанские лидеры воздерживались от публичных оценок любых требований относительно территориальных вопросов, которые предъявлялись с другой стороны административной границы. Надо сказать, что на неофициальном уровне такие требования достаточно активно провозглашались. Например, некоторые идеологи чеченского сепаратизма разработали и методично внедряли в общественное сознание исторически ложный тезис о некогда едином территориальном образовании под названием «Дегиста», состоящем из Чечни и Дагестана. Утверждалось, что Чечня якобы уже освобождена и теперь очередь за Дагестаном. В рамках этой абсурдной программы готовились даже карты, проекты разделения земель с учетом характера расселения местных этносов, распространялись газеты, листовки. Однако народы Дагестана уже на самой ранней стадии этой авантюры дали фальсификаторам понять, что их планы не имеют ничего общего с тем историческим путем развития, который они избрали. Тем временем, идеи относительно объединения Чечни и отдельных частей или даже всего Дагестана получали все новые импульсы. Например, организация «Исламская нация», основанная в Грозном в августе 1997 года, объявляла своей целью создание «имамата», некоего государственного образования, которое должно было включить в себя все страны, объединенные Шамилем в XIX веке. Движение выступало за присоединение Дагестана к Чечне в рамках отдельного исламского государства, что означало бы восстановление Дагестана в его исторических границах, которые существовали во времена имамата Шамиля. По мнению А. Матвеевой, это была удобная формула для того, чтобы избежать любого формального обвинения в преследовании территориальных притязаний к Дагестану. Согласно идеологам «Исламской нации», их цель состояла в том, чтобы

¹ Matveeva Anna. The Impact of Instability in Chechnya on Daghestan // Caspian Crossroads Magazine. Volume 3, Issue №3, Winter 1998.

предотвратить раскол между чеченцами и народами Дагестана на основе этнической принадлежности, устранить изоляцию Чечню от Дагестана¹.

По мнению некоторых чеченских стратегов, такое объединенное чечено-дагестанское государственное образование экономически было бы более жизнеспособным, имело бы широкий доступ к Каспийскому морю, и поэтому обладало бы большими возможностями для получения признания за рубежом. Как видно, идеологическое обоснование экспансионистских целей чеченских стратегов осуществлялось задолго до вооруженного вторжения на территорию Дагестана в 1999 году. К этой кампании были привлечены научные круги, информационно-пропагандистский аппарат, которые предпринимали отчаянные попытки с исторической точки зрения обосновать проживание вайнахов на всем степном пространстве Северного Кавказа – от Крыма, Дона до Волги и Каспийского моря. Именно эти обширные территории объявлялись зоной жизненных интересов вайнахов². В псевдонаучных статьях осуществлялась подгонка источников под экспансионистские идеи чеченских идеологов, исторические события и факты не только не получали сколько-нибудь достоверную интерпретацию, но и откровенно фальсифицировались.

Властные группы чеченской военно-политической «элиты» в целях реализации своей военно-политической программы так или иначе поддерживали «стратегическое партнерство» с экстремистски настроенной непримиримой оппозицией под командованием Радуева, Хаттаба, не говоря уже о Басаеве. Решающую роль в планах по созданию исламского государства в составе Чечни и Дагестана, по их мнению, могли сыграть три ключевых элемента внутреннего влияния в Республике Дагестан.

Первый элемент состоял из комбинации мощного религиозного фактора с учетом потенциала ваххабитского движения в Чечне и Дагестане и боевого опыта, полученного незаконными вооруженными формированиями на мятежной территории в ходе первой военной кампании и последующего вооруженного сопротивления сепаратистов.

Второй элемент, которому экстремистские чеченские силы придавали серьезное значение, был связан с национальными движениями в Дагестане и во всем регионе. На наш взгляд, усиление чеченского фактора в КГНК в середине 90-х годов в том числе было направлено на перманентное использование этого элемента воздействия на внутреннюю обстановку в Дагестане, так как представителями от некоторых народов республики в этой структуре были и активисты национальных движений. Однако здесь особые надежды возлагались на лидеров тех национальных движений, которые поддерживали прямые

¹ Ротарь И. Независимый Дагестан жизненно важен для Чечни // Независимая газета. 1998. 12 февраля.

² Эфендиева Д.А. Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002. С. 48.

контакты с чеченским военным командованием в ходе боевых действий 1994-1996 годов, и имели собственные вооруженные формирования и группировки.

Как известно, после вооруженного вторжения в Дагестан в августе 1999 года его объявленной целью было создание исламского государства. Следовательно, этно-национальный фактор был проигнорирован, иными словами, ставка на национальные движения с самого начала себя не оправдала. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в самом Дагестане, и в особенности в северных и северо-западных районах республики, национальные движения не имели популярности. Во-вторых, лидеры движений этого региона еще до августа 1999 года не только категорически выступили против вторжения чеченцев в Дагестан, но и приняли активное участие в вооруженном сопротивлении агрессорам.

Что касается выбора аварских районов для вторжения, то, скорее всего, он диктовался тремя основными факторами: военно-географическим, религиозно-конфессиональным и этно-демографическим. Во-первых, с военной точки зрения и с учетом труднодоступного горного ландшафта местности в этих районах на первом этапе легче было позиционироваться, а на последующем - закрепиться для создания неподконтрольных республиканским властям псевдо-шариатских анклавов по типу Кармахи и Чабанмахи. Кроме того, эти районы непосредственно граничат с Чечней, что облегчало задачу ввода и вывода бандформирований и переброски дополнительных сил и средств с чеченской территории. Во-вторых, к тому времени ваххабитские общины нашли свое наиболее активное распространение именно в этом регионе. К тому же идеолог ваххабитского движения Дагестана Багаудин Магомедов родом происходит из Цумадинского района, и ему же было поручено руководство на этом направлении, проваленное им на самом раннем этапе. В-третьих, делая ставку на этно-демографический фактор, лидеры бандформирований учитывали численное преимущество аварцев среди других народов Дагестана, их вероятные надежды на политическое лидерство в республике, а также характер внутриэтнической ситуации, так как среди некоторых малочисленных этносов входящих в аварскую языковую группу (например, андийцев) отмечались тенденции к обособлению. В этом смысле, не исключено, что в целом экстремисты руководствовались выражением «Кто владеет Аваристаном, тот владеет Дагестаном, а кто владеет Дагестаном, тот владеет Кавказом».

Кстати сказать, в отношении андийцев, возможно, учитывались и некоторые исторические факты, согласно которым в период существования имамата Шамиля, они не вполне были согласны с его политикой, и имели пророссийскую ориентацию. Историческая аналогия в данной ситуации должна была бы свидетельствовать об

обратном, то есть андийцы, по логике агрессоров, должны были быть настроены против дагестанских властей, якобы препятствующих их этнической самостоятельности¹. Однако именно на андийском направлении чеченские экстремисты столкнулись с наиболее яростным сопротивлением местных ополченцев. Именно благодаря стойкости и боевому духу андийцев, практически ни одно андийское селение боевики не смогли занять.

И, наконец, в качестве третьего элемента воздействия на ситуацию в Дагестане чеченские экстремисты рассматривали местное население, якобы недовольное властями, неспособными изменить экономическую и общественно-политическую ситуацию в республике. Очевидно, здесь они имели в виду также честолюбивые устремления отдельных политических деятелей, которые не были обеспокоены интересами безопасности республики и России в целом. Кроме того, в геополитических планах чеченского руководства предполагалось использовать и этнический фактор. В Дагестане, как известно, проживает несколько десятков тысяч чеченцев, причем они составляют значительную часть населения Хасавюртовского и Новолакского районов, прилегающих к Чечне. Грозный официально не поднимал вопроса о присоединении этих территорий, и ограничивался требованиями защиты прав этнических чеченцев в Дагестане. Вместе с тем через существующие здесь чеченские общественные организации Грозный активно влиял на ситуацию в этих районах, и делал все возможное, чтобы фактически вывести их из-под контроля официальных дагестанских властей.

В Чечне не могли не понимать, что ее возможности противостояния российскому давлению были весьма ограниченными. В этих условиях политический союз с Дагестаном мог бы дать весомые козыри и, естественно, в Чечне строили планы о возрождении чечено-дагестанского союза, аналогичного тому, что существовал во время Кавказской войны в XIX веке. Однако подобный союз был невозможен с руководством Дагестана, которое в Грозном рассматривалось как пророссийское. Идеальным вариантом была смена политической элиты Дагестана и приход к власти антироссийски настроенных лидеров. Для этого чеченское военно-политическое руководство попыталось вызвать в

¹ Подобную аналогию с взаимоотношениями имама Шамиля с андийцами в XIX веке проводит, например, английский военный эксперт Чарльз Бланди: Blandy Charles. Dagestan: The Storm Part I - The 'Invasion' of Avaristan. Conflict Studies Research Centre, Sandhurst UK. Analytical Papers Index. Directorate General Development and Doctrine. Royal Military Academy Sandhurst. England. (Camberley). March 2000. Данная работа представляет собой первую часть серии из трех статей под общим названием «Dagestan: The Storm» («Дагестан: шторм»), в которых он анализирует события августа-сентября 1999 года в Дагестане. До этого им была опубликована еще одна работа, посвященная Дагестану под названием «Dagestan: The Gathering Storm» («Дагестан: в преддверии шторма»). В ней Чарльз Бланди касался двух важных для всего Северного Кавказа и Дагестана проблем, а именно: недостатка надлежащей политики и адекватного внимания к проблемам Северного Кавказа со стороны федерального Центра и нерешенности вопроса, связанного со статусом Чечни.

Дагестане в августе 1999 года масштабный и, главное, затяжной общественно-политический кризис.

Вместе с тем ситуация в самом Дагестане, где к тому времени накопилось немало внутренних противоречий и потенциальных конфликтов, позволяла чеченским лидерам искать и находить союзников из числа ваххабитов. Поэтому одновременно развивались контакты с претендующими на власть политическими группами, религиозными и общественными движениями Дагестана. На первый план выдвинулись организации ваххабитского толка, с которыми и было осуществлено вооруженное вторжение летом-осенью 1999 года.

Таким образом, в данном ракурсе геополитический расклад постсоветского Кавказа (с Закавказьем) в соответствии со схемой, предложенной В. Цымбурским, можно описывать через отношения между ядрами малых «империй» и выступающими против них перифериями, как охваченными формальными границами «империй», так и выходящими за эти границы¹, но имеющими, как в случае с Чечней, свои гегемонистские амбиции в регионе. Именно летом 1999 года Дагестан и вписался в эту общекавказскую картину. Дальнейшие события показали, что предпринятое чеченскими вооруженными группами вторжение в Дагестан не нашло поддержки со стороны местного населения. Попытки использовать исламские лозунги полностью провалились в силу очевидности замыслов военно-политического руководства соседней республики осуществить прорыв к Каспию с тем, чтобы создать благоприятные условия для активизации американского присутствия в регионе. Позже в октябре 1999 года А. Масхадов прямо обратился к руководству североатлантического блока НАТО с предложением ввести в регион так называемые миротворческие контингенты и повторить пример наземной операции американцев в Косово.

Характерно, что в течение 90-х годов западные исследователи пристально изучали регионы Прикаспийского бассейна, в том числе многонациональный Дагестан, как стратегический регион, с точки зрения, прежде всего, богатых запасов энергоносителей. В связи с этим политическое спокойствие Республики Дагестан в новой геополитической ситуации нередко связывалось и с внешними факторами².

По классификации З. Бжезинского, активными геостратегическими действующими лицами являются именно те государства, которые «обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ с тем, чтобы изменить существующее геополитическое положение».

¹ Цымбурский В. От Дагестана-99 к будущему Великому Лимитрофа Евро-Азии.

² Гусаев М.М. Современная общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Республике Дагестан // Народы Дагестана. 1998. № 1. С.4

Если исходить из параметров данной классификации, то на арене кавказкой нефтяной геополитики действуют два основных геостратегических игрока - Россия и западная коалиция во главе с США. Следовательно, Дагестан, как самая большая прибрежная республика, рассматривался идеологами чеченского сепаратизма в качестве важнейшего плацдарма для выхода на внешние границы, к территориям, где США в течение нескольких лет после распада СССР планомерно закрепляли свое военно-политическое присутствие¹.

После 11 сентября 2001 года в рамках контртеррористической операции эти американские планы стали реализовываться не только в странах Центральной Азии, но и на Ближнем и Среднем Востоке, примыкающих к каспийскому бассейну². Как отмечает Джон Греннан, «в настоящее время стремление США управлять топливными ресурсами Каспийского региона в первую очередь объясняется тем, что энергетический сектор экономики прямо влияет на политику администрации Буша в Афганистане и Центральной Азии»³.

В середине 90-х годов, в США разрабатывались военно-политические планы и для западного побережья Каспийского моря. Согласно американским, турецким, иракским и иранским источникам, в 1994-1996 годах был подготовлен план военной операции «Шторм над Каспием». По словам американского политолога и эксперта Пентагона Д. Файна, в нем была предусмотрена высадка войск НАТО или американо-турецкого экспедиционного корпуса в кавказских портах в случае ухудшения ситуации на Северном Кавказе, в Калмыкии или осложнения отношений России с Грузией или Азербайджаном. Впоследствии идеологи «Шторма» рекомендовали создать северокавказскую конфедерацию. Кстати сказать, здесь можно провести интересные исторические аналогии: оккупация и последующая «конфедерализация» региона предполагались и в германо-турецком плане «Фельми», разработанном в 1941-1942 годах. Согласно ему, после капитуляции СССР предусматривалось расчленение Кавказа, Ирана и Ирака⁴. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в августе 1999 года в дагестанском походе чеченских сепаратистов явственно проступали интересы США и некоторых стран Запада, так как они

¹ По свидетельству Анны Матвеевой, исследователя из Королевского института международных отношений в Лондоне, в период своего пребывания на Северном Кавказе она видела карту, где Чечня имела доступ к Каспийскому морю. См. об этом: Matveeva Anna. The Impact of Instability in Chechnya on Daghestan // Caspian Crossroads Magazine. Volume 3, Issue №3, Winter 1998.

² Наиболее красноречивым примером служит, например, развязанная США, вопреки воле мирового сообщества, война против Ирака в марте нынешнего года.

³ Grennan John. Turkey's Energy and Investment Policies in the Context of Eurasian Geopolitics // Turkish Daily News. 8 August 2002.

⁴ Артемов Б. Есть ли выход из тупика? Рычагом для решения проблем должна стать экономика // Интерфакс ВРЕМЯ. 1999. 27 августа.

давно рассматривают каспийский бассейн в качестве своего сырьевого придатка, охраняемого марионеточными режимами.

З.С. Арухов

ТАКТИКА «ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА» И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ КАВКАЗЕ

Геополитическое положение государства определяется не только физической географией, но и изменениями в мировом геополитическом порядке, геоэкономическими процессами. После распада СССР геополитический статус России снизился, на постсоветском пространстве, не исключая части территории и самой России, начали утверждаться внешние центры силы. Дезинтеграционные процессы поставили под вопрос геополитическую субъектность России.

Между тем современная Россия пока еще сохраняет свой геополитический потенциал центра Евразии, но с ограниченными возможностями его использования, что ведет к ее превращению в региональную державу с тенденцией к дальнейшему снижению геополитического статуса. Очевидная слабость России как геополитического и геоэкономического центра Евразии объясняется ее экономической слабостью, отсутствием общественного консенсуса по поводу путей развития. Все это не позволяет реализовать модель хартленда в ее новой трактовке: Россия как интеграционное ядро Евразии. В то же время геополитическая структура постсоветского пространства качественно меняется. СНГ, куда входят все бывшие советские республики, кроме трех балтийских, действует неэффективно. Главные факторы, сдерживающие его распад, сводятся к зависимости многих постсоветских государств от российского топливного сырья, других экономических соображений, в меньшей мере – от культурно-исторических связей.

В обозримом будущем фактические границы преимущественного влияния России будут, по-видимому, определяться результатами «совокупной оценки каждого потенциального ее компонента» по крайней мере по трем позициям: 1) присутствие на данной территории реальных российских интересов и степень их важности сегодня и в будущем; 2) наличие у России достаточных инструментов их реализации в данном конкретном (суб)регионе и стране; 3) общий баланс расходов и приобретений в процессе реализации государственных интересов. Неоднозначный и тем более отрицательный

результат по любому из этих критериев должен умерять надежды отечественных политиков относительно ближайших перспектив России в данном (суб) регионе. Но с течением времени все три позиции способны существенно меняться, что, очевидно, будет отражаться на географических координатах ориентированного на Россию геополитического пространства¹.

Надо сказать, что пока характер и динамика этих изменений говорят о постепенном снижении роли России. Происходит это в силу ряда причин объективного характера. С распадом Советского Союза в 1991 году и появлением независимых государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и Южного Кавказа (Армения, Азербайджан и Грузия) и с учетом обширных нефтяных и газовых ресурсов Каспийского бассейна геостратегическая важность этого региона многократно возросла. Для национальных интересов России оба эти региона имеют исключительную важность, так как они непосредственно граничат с ней, с ними она имеет исторические связи. Однако в новых условиях государства Центральной Азии и Закавказья стремятся к снижению степени зависимости от России и развитию политических и экономических отношений с внешним миром. Данное обстоятельство оказывает влияние на перегруппировку в этих стратегически важных регионах мира геополитических коалиций, нередко инициируемых извне. Эти временные союзы и коалиции государств ориентированы на выработку единых подходов в реализации политических и геоэкономических планов в Евразии.

Попытки разблокирования постсоветского пространства и разведения бывших советских республик по различным союзам и альянсам с помощью американской тактики «геополитического плюрализма» не безуспешны. Достаточно сказать, что после распада Советского Союза с участием новых независимых государств образовалось восемь различных объединений. Первым, естественно, является СНГ, в состав которого вошли все независимые государства бывшего СССР, кроме стран Балтии. Второе - это созданное в 2000 году в Астане Экономическое сообщество, членами которого являются Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Третьим объединением является Организация Черноморского экономического сотрудничества, которая была основана в 1992 году по инициативе Турции. В нее входят 11 государств. Четвертое объединение – это крупнейшая в истории человечества межгосударственная организация, объединяющая четверть мирового населения Земли - так называемая «Шанхайская пятерка» (Шанхай-5), в которую входят: Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия. Впоследствии в

¹ Сорокин К.Э. Геополитика России в «ближнем» и «среднем» зарубежье: праксиологические измерения // Полис. 1995. 3 апреля. С. 37.

2001 году «Шанхайская пятерка» разделилась еще на две структуры – «Шанхайская кооперативная организация» с включением Узбекистана и собственно «Шанхай-5». Следующим является созданное в 1994 году Сообщество Центральной Азии, в состав которого входят Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Шестое по счету – это Сообщество экономического сотрудничества, где к странам Центральной Азии добавились Азербайджан, Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Иран. Седьмая организация – это созданная в 1997 году по инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева специальная программа для развития экономики Центральной Азии, включающая Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан. Восьмая и последняя – ГУУ-АМ, в состав которой входят Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова. Из восьми упомянутых объединений в четырех последних Россия участия не принимает.

При характеристике этих альянсов приводятся всевозможные числовые аналогии, который представляют интерес и с точки зрения геополитического измерения. Они свидетельствует об изменениях в сфере геополитики, но и о характере внешнеполитической деятельности тех или иных стран, когда образуются порой причудливые соединения чисел, политики, политической географии и идеологии. Некоторые из них касаются и кавказской политики, в рамках которой предлагаются на первый взгляд прагматичные подходы нового восприятия региона в виде союзов государств. Скажем, комбинация чисел «4+2» характеризует союз четырех государств, в том числе России, Грузии, Армении и Азербайджана, с включением двух других примыкающих к региону государств, то есть Турции и Ирана.

Одновременно выдвигались и альтернативные предложения по созданию кавказской системы безопасности по формуле $3 + 3 + 2$. В данном случае речь идет о коалиции из 3 государств Закавказья с дополнительным включением еще 3 стран (Россия, Иран и Турция), но при отдельном указании 2 отдаленно граничащих с регионом государств – Турции и Ирана. В данном случае Россия якобы становится равным игроком, гарантирующим государствам Закавказья стабильность, так же как Турция и Иран, выделенные отдельно. Несомненно, что такой расклад как раз и принижает роль России в формировании новой геополитической карты региона. С цифрой «2» предлагаются и другие варианты. Например, в комбинации $3+2+3$ эта цифра, кроме указанных шести стран, подразумевает США и государства ЕС, которые якобы также должны участвовать в осуществлении проектов по обеспечению региональной безопасности.

Таким образом, здесь мы имеем дело не только с изменением числовых комбинаций, но и с геополитической трансформацией блоковой политики государств кавказского региона. Метаморфозы геополитических структур, имеющие место на Кавказе, при

игнорировании позиций тех или иных региональных игроков, могут иметь собственный эволюционный процесс. В этом смысле интеграция отдельных стран региона в структуры североатлантического блока порой выступает катализатором других неожиданных процессов, имеющих место в сфере реальной политики. Например, перспектива грузинского членства в НАТО относительно недавно многими исследователями всерьез не воспринималась, но теперь обсуждение этой темы идет весьма активно.

Освоение евразийской карты в постсоветский период евро-атлантические силы предполагали проводить поэтапно и, естественно, не допуская в этом регионе усиления позиций России. Даже развитие двусторонних отношений могло усложнить решение тактической задачи. Поэтому еще в 1994 году в статье «Преждевременное партнерство» Збигнев Бжезинский выражал опасения по поводу того, что могут сложиться международные отношения, которые «выхолостят евро-атлантический союз и сделают Россию, благодаря российско-американскому партнерству, вновь сильнейшим государством Евразии». Чтобы не допустить этого, стратегия США в Евразии, по его мнению, должна была состоять в «поощрении геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза», причем не зависимо от того, в каком направлении пойдет развитие России¹.

Нетрудно понять, что в постсоветском пространстве именно политика «поощрения геополитического плюрализма», т.е. дробления национально-государственных суверенитетов над территорией отвечает интересам ее большей управляемости по законам нового мирового порядка (New World Order). Збигнев Бжезинский доказывает, что американская гегемония основана на беспрецедентной смеси военного превосходства, идеологического господства, технологического новшества и контроля над всемирной финансовой системой. Он весьма ясно говорит о том, что, если Америка хочет управлять миром, она должна добиться доминирования в Евразии, особенно, в той части, которую он называет «ее западной периферией» (то есть Европейский Союзом), а также ее «глубинным районом» - Ближним Востоком, Центральной Азией и нефтяными ресурсами, которые там имеются.

Геополитическая ситуация, сложившаяся после 11 сентября 2001 года, характеризуется серьезным сближением России и США. Однако, несмотря на заявления об общих целях в глобальной войне с терроризмом, оба государства остаются соперниками на Кавказе и в Центральной Азии. В последнее время на ряд стран, особенно

¹ Brzezinski Z. The Premature Partnership. - Foreign Affairs. Vol. 73. 1994, №2, p. 79. Цит. по: Максименко В.И. Россия и Азия, или анти-Бжезинский (Очерк геополитики 2000 года) // Восток. 2000. № 1.

Центрально-Азиатского региона, США и страны НАТО оказывают заметное влияние. Именно после того, как США объявили Усаму бен Ладена организатором терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, геополитическое и геостратегическое значение центрально-азиатских государств резко возросло. В «новой» постсоветской Центральной Азии уже сложился претендент на лидерство, который, подчеркнуто «демонстрируя свое военное превосходство над соседями, политически противостоя как России, так и Ирану, выражает готовность предоставить НАТО базы на своей территории, - это Узбекистан»¹.

Надо заметить, что геополитические и геостратегические отношения в Центральной Азии стали меняться именно после того, как в Узбекистан и Таджикистан прибыли контингенты американской армии для поддержки антитеррористической операции в Афганистане. США уже имеют в Центральной Азии две авиабазы, одну в Узбекистане, и одну - в Кыргызстане. Говоря о стратегических и геополитических целях США в Центральной Азии, американский эксперт Ариэль Коэн признает, что присутствие США в Центральной Азии было обусловлено всем ходом событий в этом регионе за последние 20 лет, со времен советского поражения в Афганистане.

Естественно, что это обстоятельство ставит множество вопросов о характере стратегической ситуации, которая сложится в регионе в будущем. Прежде всего, надо отметить, что повышение статуса России в отношениях с североатлантическим альянсом до формата 19+1 (19 членов НАТО плюс Россия) и образование нового Совета Россия-НАТО ослабили возражения России против планов расширения этого блока. В результате фактического поощрения такого развития ситуации со стороны США и отсутствия видимого возражения со стороны России по южным рубежам СНГ происходят серьезные геополитические сдвиги. Речь идет о долгосрочном военном присутствии США и НАТО по линии Грузия-Азербайджан-Туркменистан-Узбекистан-Таджикистан-Кыргызстан.

Несмотря на то, что Вашингтон объявил Каспийский регион зоной жизненных интересов США, эта богатейшая территория в новой стратегической концепции НАТО, принятой 24 апреля 1999 года, прямо не упоминается. Тем не менее, когда говорят о том, что возможное возникновение региональных кризисов (под влиянием этнических и религиозных конфликтов, нарушения прав человека, территориальных споров и т.д.) на периферии альянса затрагивает его безопасность, данная стратегия явно подразумевается. В таких регионах НАТО намерена при необходимости осуществлять военную

¹ Цымбурский В. От Дагестана-99 к будущему Великому Лимитрофа Евро-Азии. <http://www.nikolaev.ru>

интервенцию, чем североатлантический блок дезавуирует свое прежнее назначение как территориального оборонительного союза¹.

Геополитическое положение России становится все сложнее с того времени, как «новое мышление», связываемое с именем М. Горбачева, утрачивает свое место в мировой политике. Ядро «нового мышления» состояло, как известно, в том, чтобы учитывать интересы оппонентов и даже возможных противников и избегать всего, что возбуждало бы у них ощущение неопределенности или униженности. На этой основе должен был возникнуть «общеевропейский дом». Теперь же Россия оказалась вне этого дома, в то время как ее бывшие союзницы Венгрия, Польша и Чехия стали членами НАТО. В новой натовской стратегии место важного партнера на периферии евроатлантического пространства отводится Украине. Более того, в конце апреля 1999 года Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова основали региональный альянс ГУУАМ и объявили о готовности к ограниченному военному сотрудничеству с НАТО². Фактически, ГУУАМ начал создаваться еще в 1997 году, опережая Союз России и Беларуси. Изначально эти страны объединила общая позиция по Договору об обычных вооруженных силах в Европе, затем по транспортировке энергоносителей, созданию транспортных коридоров, Причерноморско-Прикаспийскому сотрудничеству. После декларированной цели - воссоздание «Великого шелкового пути» ГУУАМ в последующем стал вырабатывать методы совместной борьбы с сепаратизмом. Более того, руководители Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдавии с самого начала не скрывали, что намереваются «противостоять имперским амбициям России»³. Все это сближает лидеров ГУУАМ не только между собой, но и с Турцией. Последняя довольно плохо скрывает свою заинтересованность в развитии сотрудничества с членами этого альянса в военно-политической и торгово-экономической областях⁴.

Между тем политика Вашингтона четко нацелена на распространение своего влияния на каждое в отдельности взятое государство региона, как и в целом на политические и экономические процессы, что может привести к геополитическим изменениям на всем Кавказе. Сегодня можно говорить об очевидных изменениях в расстановке сил в Южном Кавказе, в особенности, в плане переориентации стран,

¹ Герке Вольфганг. Чеченский раунд большой игры Вашингтона // Независимая газета. 2000. 17 февраля.

² Там же.

³ Тесемникова Е. Острые грани постсоветского передела // Независимая газета. 2001. 16 августа.

⁴ Например, профессор факультета политических наук Анкарского университета Мустафа Айдин пытается убедить в том, что у Турции вообще «нет политики в этом вопросе». См.: Айдин Мустафа. Политика и позиция Турции по отношению к ГУУАМ. Материалы международной конференции «ГУУАМ - порядок и кооперация в постсоветском пространстве». Тбилиси, Грузия. 16 - 17 октября 2001.

имеющих в регионе свои стратегические интересы. Сегодня в Закавказье имеет место процесс активной адаптации к новому геополитическому пространству. По-прежнему единственным военно-стратегическим партнером России в регионе остается Армения, которая одновременно вполне удачно позиционируется как дружественная Западу страна, которой США, например, ежегодно выделяют около 100 млн. долларов прямой финансовой помощи. По мнению армянского политолога А. Караханяна, на данный момент для американской политики, проводимой в кавказском регионе, армяно-азербайджанские отношения не актуальны. На первый план выдвинулось армяно-турецкое сотрудничество. США усиленно подталкивают Армению и Турцию к сближению с целью усиления опосредованного Анкарой влияния на регион. Сближением отношений по линии Армения-Турция США стремятся, насколько возможно, изолировать Армению от Ирана¹. В результате подобной американской позиции в 2002 году армяно-турецкий диалог спустя многие годы отчуждения возобновился. Только за первую половину 2002 года главы внешнеполитических ведомств двух стран провели три встречи. В наблюдавшемся в последнее время процессе налаживания армяно-турецких контактов свою роль сыграл и определенный прессинг со стороны США и Европейского Союза, настаивающих на нормализации ситуации в регионе.

В январе 2002 года правительство Турции неожиданно пошло на беспрецедентный за последние десятилетия шаг - смягчило визовый режим для граждан Армении, и многие бизнесмены воспользовались новыми коммерческими возможностями. По оценкам специалистов, из-за транспортной блокады, осуществляемой Турцией по отношению к Армении, и отсутствия экономического сотрудничества в целом Армения ежегодно теряет от 100 до 500 миллионов долларов США.

Для нынешней американской администрации, считает А. Караханян, Каспийский регион и Кавказ в целом имеют значительно меньшее значение. Еще в предвыборный период Джордж Буш-младший заявил, что самые дешевые пути поставки каспийской нефти на международные рынки пролегают по России и Ирану. Тем самым как бы было подчеркнуто, что в каспийском вопросе администрация Буша должна руководствоваться в большей части экономическими, нежели политическими интересами. Данная установка отличалась от позиции демократов, для которых прокладка нефтепровода Баку-Джейхан, фактически, являлась политической программой, призванной ослабить зависимость стран Закавказья от России и Ирана.

¹ Григорян Л. Армения становится важной фигурой в геополитической игре США в Южном Кавказе // AZG Armenian Daily. 2002. 1 августа.

Все яснее вырисовываются в Закавказье и новые геополитические оси. В результате нового стратегического позиционирования происходит сближение Армении с Сирией и Ливаном, очерчиваются контуры альянса Азербайджана с Турцией, Израилем и Грузией. Соглашения о военном сотрудничестве с Сирией и Ливаном Армения подписала в 2001 году. Столь интенсивное развитие сотрудничества Армении с арабскими странами в военной сфере на первый взгляд выглядит странным, хотя аналитики считают, что речь идет о появлении нового регионального союза. Армянские политологи открыто заявляют, что подобная динамика развития отношений дает основание говорить о возможности превращения Еревана в своеобразный силовой центр.

В условиях меняющейся геополитической ситуации Азербайджан надеется на поддержку НАТО. В своих намерениях Баку исходит из того, что Турция представляет собой надежное звено на южном фланге этого блока. В свою очередь, Турция, усилившая свою роль в Азербайджане, поддерживает тесное военное сотрудничество с Израилем, что фактически говорит о реальности создания в случае необходимости военного альянса с участием Турции, Израиля и Азербайджана. Стремление Еревана укрепить сотрудничество в военной сфере с Ливией и Сирией - историческими противниками Израиля и Турции - можно расценить и как попытку создать альтернативу данной коалиции.

Грузия и Азербайджан занимают наиболее решительную позицию в вопросе о членстве в НАТО, и вполне вероятно, что они вступят в достаточно тесные партнерские отношения с Североатлантическим блоком. Однако в Азербайджане не все склонны связывать перспективы безопасного развития исключительно с США и НАТО. По мнению бывшего помощника президента Азербайджана Эльдара Намазова, Азербайджан должен искать геополитическую стабильность в сбалансированной региональной политике и в активной геополитической игре и с Россией, и с Ираном, и с США, и с Европой, и с Турцией. У каждой из этих стран, как считает азербайджанский эксперт, есть интересы, совпадающие с азербайджанскими, но при этом есть и «столкновение национальных интересов, и не только с Россией»¹.

Вместе с тем в случае возникновения военного альянса Армения-Сирия-Ливан-Иран ничто не сможет воспрепятствовать наметившемуся сближению Азербайджана, Грузии, Турции и Израиля. Несомненно, что Израиль в этом процессе будет пользоваться безусловной поддержкой США. Тем не менее, учитывая перспективы непосредственного сотрудничества между Азербайджаном и Израилем при посредничестве Турции,

¹ Гольдберг А., Алекперова Т. Закавказье адаптируется к «карабахскому пату» // GazetaSNG.ru. 2001. 5 июля.

некоторые арабские государства задумываются о создании антитурецкого блока, естественно, направленного одновременно против Израиля.

Разумеется, что азербайджанские аналитики, сравнивая потенциал двух указанных групп государств, констатируют гиперпреобладание альянса Турция-Израиль-Азербайджан-Грузия над альянсом Ливия-Сирия-Армения-Иран. Исходя из этого, считают они, Ереван воздерживается в последнее время от резких заявлений в адрес Анкары¹.

В свою очередь, армянские политологи полагают, что именно Армения наращивает свой потенциал в регионе, становясь важной фигурой геополитической игры Вашингтона в Южном Кавказе. При этом они указывают на то, что в этой геополитической игре Азербайджан способен использовать лишь нефтяную карту, в то время как Грузия остается фактически расчлененной и не способной на принятие эффективных мер в этой области.

В связи с тем, что Армения становится важной фигурой в геополитической игре США в Южном Кавказе нельзя исключать возможности перераспределения сил в кавказском регионе. Однако, несмотря на то, что новый геополитический расклад в Южном Кавказе неизбежен, он будет зависеть от ряда системных проблем - выбора Арменией внешнеполитических партнеров, ситуации в регионе в зависимости от изменений под влиянием США, гибкости России в плане сохранения определенного баланса в отношениях между Арменией и Азербайджаном, обусловленного собственными интересами. Многое будет зависеть и от готовности Турции начать прямой диалог с Ереваном, урегулировать двусторонние отношения. События показывают, что интерес к развитию такого диалога у обеих сторон есть, и главное – он достаточно активно реализуется на практике.

Хотя надо сказать, что иной раз он неоправданно катализируется, вероятнее всего, третьей стороной. Так, например, советник премьер-министра Турции Ясин Аслан, характеризуя геополитическую ситуацию в регионе, заявил, что Азербайджан, Грузию и Армению можно считать союзниками Турции. Влияние России в регионе ослабевает, а Турции – возрастает, поэтому есть вероятность того, что в будущем эти государства войдут в союз с Турцией. В Азербайджане уже говорят о конфедерации с Турцией и о размещении турецких военных баз в республике. Как считает Ясин Аслан, если в результате конфедерации удастся создать силовой центр, то этот процесс может стать

¹ Рашидоглу А. Геополитические оси в регионе вырисовываются все яснее // Зеркало. Баку, 2001. 31 августа.

стимулом для создания альтернативных союзов в Средней Азии»¹. По его мнению, конфедерация обязательно должна отражать волю двух народов и создаваться исключительно путем всенародного референдума. Я. Аслан считает, что дружественная двум народам Грузия не должна оставаться в стороне от этого процесса и если реализуется проект Баку-Джейхан, то этот трубопровод объединит Турцию, Грузию и Азербайджан. По мнению советника, для того, чтобы принять участие в этом процессе, Армения, в первую очередь, должна будет отказаться от территориальных притязаний.

Несмотря на то, что сторонников у этой идеи в Азербайджане немного, некоторые политологи выступают за ее реализацию. В своем комментарии по поводу создания этой гипотетической структуры бывший государственный советник Вафа Гулузаде отметил: «Мы являемся азербайджанскими турками. После обретения независимости мы возвращаемся к своим корням, к своей культуре. И для того, чтобы выжить, Азербайджан должен войти в союз с Турцией. В противном случае, соседние страны не оставят нас в покое и будут требовать от нас все, что только можно»².

Южный Кавказ рассматривается как стратегическое направление деятельности и стран Евросоюза. В марте 2002 Европарламент принял резолюцию под названием «Связи Евросоюза с Южным Кавказом», в которой Закавказье названо «стратегическим направлением деятельности Евросоюза». В документе говорится, в частности, о необходимости поддержать и продолжить финансирование всех программ по региональному сотрудничеству на Южном Кавказе. Подчеркивается, что европейские структуры должны участвовать в реализации экономических проектов на Южном Кавказе, особенно, в области энергетики. В резолюции подчеркивается, что, по мнению политологов, «там, где есть возможность выбрать Грузию в качестве участника транснациональных проектов, предпочтение следует отдавать именно ей».

Что касается Грузии, то она, действительно оказалась в самой невыгодной ситуации. Так и не сумев внести позитивные элементы в свои отношения с Россией, Грузия оказалась практически обделенной и со стороны Запада. Поддерживая ее на словах, ни США, ни Турция, ни тем более Евросоюз не смогли пока оказать действенную помощь Грузии в решении хотя бы одной из ее насущных проблем. Грузия фактически заменяет российское военное присутствие турецким. Как сообщала российская электронная пресса, в ходе своего визита в Анкару президент Эдуард Шеварднадзе фактически вступил в

¹ Меджидли М. Конфедерация Турции и Азербайджана // Зеркало. Баку, 2001. 10 августа.

² Там же.

опасный геополитический заговор с военной элитой Турции, а также находящимися у власти в этой стране ультранационалистическими политическими силами¹.

Именно эти силы, согласно заявлениям ряда влиятельных представителей официальной Анкары, крайне обеспокоены возрастающим влиянием России в Южном Кавказе и в Центральной Азии и, прежде всего, угрозой полного военно-политического дрейфа Баку в сторону Москвы. Поэтому, как считают сегодня большинство политологов, в сложившейся ситуации Тбилиси реально рассчитывает взять на себя роль единственного откровенно антироссийского элемента в Закавказье и даже готов пойти на весьма опасную дестабилизацию ситуации в регионе.

Надо сказать, что страны НАТО все последние годы помогают Грузии модернизировать армию, так как нынешнее состояние вооруженных сил этой страны не оставляет ей никаких шансов стать равноправным партнером блока. В 1999 году Тбилиси и Вашингтон согласовали так называемый вертолетный проект, который оценивается примерно в 15 млн. долл. Американцы обязались передать Грузии 6 многоцелевых вертолетов плюс еще 4 - на запчасти, а также подготовить у себя 34 грузинских пилотов и техников для обслуживания «Ирокезов». Кроме того, набирает обороты военное сотрудничество с Турцией. За 4 года Анкара выделила грузинской армии 15 миллионов долларов, активно занимается вопросами строительства военного аэродрома в Марнеули. В конце 2001 года Анкара и Тбилиси подписали Договор, согласно которому турецкие военные самолеты будут базироваться в Грузии на аэродроме в Марнеули². Этот военный аэродром, в 2001 году на средства США модернизированный Турцией под стандарты НАТО, может принимать любые типы самолетов, в том числе истребительную авиацию и тяжелые бомбардировщики. С вводом этого объекта открывается прямая возможность для размещения военных баз НАТО в Закавказье. Находясь в непосредственной близости от границ Армении, аэродром представляет угрозу безопасности этой страны.

Для Армении, которая является союзницей России и участником Договора о коллективной безопасности, такую же угрозу могут представлять и базы НАТО, которые намерены развернуть Турция и США на Апшеронском полуострове. Баку и Анкара планируют подписать соглашения, аналогичные грузино-турецким, когда со стороны США и международного сообщества будут сняты ограничения на поставки вооружений в Азербайджан и Армению.

Надо сказать, что после распада Советского Союза все более очевидным становится влияние внешних факторов и на ситуацию в Дагестане. Сегодня уже вполне определенно

¹ См. об этом: Газета СНГ.ру. 2001. 1 февраля.

² Турченко С. Грузия под крылом у НАТО // Труд. 2001. 26 декабря.

можно говорить о работе в регионе разведывательных сообществ США. В частности, для работы по Северному Кавказу создано специальное подразделение ЦРУ, в обязанности которого входит «пресечение каналов влияния России в регионе» и «установление контроля над разработками нефти». Более того, в США обсуждают возможности даже «вооруженной защиты своих интересов в Каспийском регионе».

В связи с этим большие надежды связываются с Азербайджаном и Грузией, полагая, что, будучи независимыми и прозападными, они смогут выжить в ожесточенной геополитической борьбе только благодаря поддержке и помощи со стороны США и Турции. Поэтому Турция проявляет значительный интерес к политико-экономическому сближению с Азербайджаном и Грузией. Речь даже идет о создании военно-политического альянса между этими странами. В случае установления полного или частичного, но влиятельного контроля над этими странами США и Турция будут всячески ослаблять роль России на Северном Кавказе.

Однако все указанные государства понимают, что правила игры непременно изменяются, в особенности, если брать в расчет интересы России в кавказском регионе. Россия – самое крупное кавказское государство, и ее интересы в этом регионе очевидны. Геополитические и геостратегические приоритеты, несмотря на некоторые тенденции последних лет, имеют долгосрочную перспективу. Несомненно, что даже в условиях, когда некоторые государства Кавказа в поисках своего будущего идут на более тесные контакты с евро-атлантическими системами, решающим фактором в регионе будут оставаться роль и влияние России.

Стремление западных государств влиять на ситуацию на Кавказе и в Каспийском регионе в целом объясняется не только их попытками доступа к энергоресурсам, но и стремлением вытеснить Россию из данного стратегически важного региона мира, находящегося в непосредственной близости от ее границ. Вместе с тем, по оценкам западных экспертов, анализ характера американской политики в регионе в 90-х годах показывает смешанную картину, так как вплоть до настоящего времени Вашингтон не имеет здесь сколько-нибудь серьезных достижений. Объявляя регион зоной «жизненно важных интересов», США в своей политике по отношению к нему не демонстрирует последовательную стратегию, она, кажется, главным образом основана на краткосрочных решениях, являющихся по своему характеру, скорее, тактическими, нежели стратегическими.

Кавказ всегда рассматривался весьма важным стратегическим и геополитическим регионом мира. В течение столетий Кавказ находится на перекрестке между Европой и Азией, Востоком и Западом, между исламским и христианским миром. Каспийское море

было одним из основных регионов добычи нефти с 1871 года. С самого начала нефтедобывающая промышленность региона зависела от иностранного капитала и технологий, поэтому многие западные и региональные силы часто вступали в борьбу за «черное золото». Открытие новых месторождений нефти в Каспийском бассейне еще более повысило его значимость.

В то же время нефть – не единственная причина конкурентной борьбы, так как задолго до ее появления Кавказ рассматривался как важнейший стратегический плацдарм для развития политических и торгово-экономических отношений между странами и континентами. Следовательно, в течение многих столетий Кавказ был ареной конфронтации и объектом войн прежде всего между соседними странами: Ираном, Турцией и Россией. Западные страны также имели свои интересы в регионе. Подобно тому, как при «Большой игре» конца XIX века, когда британские интересы столкнулись с интересами Российской империи, новая геополитическая игра на Кавказе, начавшаяся после распада Советского Союза в 1991 году, вовлекает все больше стран. Новая версия «Большой игры» отличается от первоначальной, так как сегодняшняя борьба вовлекает в себя не только нефтяные проблемы и геополитику, но значительно большее число государственных и негосударственных актеров. Иными словами, теперь эта борьба происходит в условиях глобализации, когда политику диктуют не государства, а крупнейшие компании и корпорации.

Интересы западных стран к этому региону диктуются тем, что Каспийский бассейн с его нефтяным потенциалом в предстоящие десятилетия может стать дополнительным источником энергетических запасов. Это, в свою очередь, может уменьшить давление, которое в условиях возрастающих потребностей на нефть и постоянного роста цен на нее приходится на Персидский залив и другие нефтеносные регионы мира.

Однако, несмотря на перспективные экономические нефтяные прибыли, регион продолжают потрясать этнические и религиозно окрашенные проблемы, которые оказывают негативное воздействие на нефтедобывающую промышленность, и причинять большой ущерб налаживанию будущих маршрутов транспортировки нефти на глобальные рынки сбыта. На Кавказе и Северном Кавказе, в частности, завязаны узлы неразрешимых в обозримой перспективе этнонациональных и территориальных противоречий и конфликтов. Практически все конфликты, которые вспыхивали в регионе, имеют исторические, социальные, экономические и другие корни. Продолжение этой ситуации самым непосредственным образом отражается на интересах самой России, поскольку нестабильная обстановка вызывает в регионе экономический спад стимулирует неуправляемые миграционные процессы, активизирует потоки контрабандного оружия и

наркотиков. Среди факторов, оказывающих существенное влияние на ситуацию в регионе можно выделить глубокий социально-экономический кризис, чрезвычайно сложный этнонациональный и конфессиональный состав населения, территориальные аспекты межэтнических взаимоотношений, имеющие трансграничный характер¹. К тому же Северный Кавказ соседствует с закавказскими странами, которые также отягощены множеством проблем аналогичного характера. В данном контексте весь Кавказ Мухаммед-Ариф Садыки рассматривает как единый регион с единым комплексом проблем². В свою очередь, это придает дополнительную значимость северокавказским республикам, и в частности Дагестану, в деле обеспечения стабильности во всем Кавказском регионе и на юге России.

Присутствие на Северном Кавказе обеспечивает России политическое, экономическое и военное влияние на близлежащие территории как СНГ, так и Ближнего и Среднего Востока. Особую значимость с данной точки зрения приобретает роль Северного Кавказа для сохранения и расширения роли и влияния России в трех закавказских республиках. В военно-политическом плане значение Северного Кавказа в целом и Дагестана, в частности, для России определяется потребностями обеспечения военно-стратегического равновесия и стабильности во всем кавказско-ближневосточном регионе.

Характер геополитической ситуации на Кавказе отличается динамизмом, сохранением здесь очагов вооруженных конфликтов и военно-политической напряженности. В регионе происходит столкновение ряда межгосударственных и межнациональных интересов, что определяет неустойчивый и противоречивый характер становления новых независимых государств этого района мира. Причем все это происходит в условиях жесткой борьбы за передел сфер влияния и контроль над стратегическими ресурсами региона на межнациональном, региональном и глобальном уровнях³. Обратим внимание на то, что в близком к границам России геополитическом пространстве США явно стараются противодействовать экономической и политической интеграции СНГ. Они поддерживают альтернативные российским интересам проекты ориентации нефтяных потоков из Центральной Азии на Азербайджан и далее на юг, в Турцию. Все это свидетельствует о том, что США заинтересованы в уменьшении

¹ Садыки Мухаммед-Ариф. Место Республики Дагестан на геополитической карте России // Власть. 2001. 1 мая.

² Там же.

³ Подробнее о вызовах, стоящих перед государствами Каспийского региона, см.: Hunter T. Shireen. Central Asia Since Independence // The Washington Papers, №168, Center for Strategic and International Studies, Washington, DC, Praeger Press, Westport, CT, 1996; Мальшева Д. Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. Швеция (Лулео), 2001, №1(13), С. 41-56.

возможностей влияния России в евразийском экономическом и политическом пространстве.

Россия и западные силы время от времени вступают в достаточно жесткую конкуренцию в этом регионе. Они пытаются заключать военные союзы с местными властями, оказывают им военную помощь, участвуют в учениях вместе с местными вооруженными подразделениями. Естественно, что такая политика вносит в политическую жизнь государств региона элементы нестабильности, снижает порог риска региональной безопасности. Исходя из этого, предстоит жесткая борьба за улучшение экономических и политических позиций России в непосредственно окружающем ее пространстве и в мире в целом. Политика в области трубопроводного строительства для экспорта нефти и газа будет играть при этом одну из первостепенных ролей.

Каспийский регион является объектом интенсивной конкурентной борьбы за доступ к его нефтяным и газовым ресурсам. Несомненно, что это может угрожать безопасности многих государств Евразии, вызвать дестабилизацию обстановки и даже военное вмешательство извне. Более того, крупномасштабные конфликты в этом регионе могут угрожать стабильности и безопасности всего евразийского континента. Под угрозой может оказаться внутреннее развитие России, Турции, Ирана, Китая, Афганистана, Индии и Пакистана, что это крайне негативно отразится на перспективах сотрудничества между этими странами, может вызвать конфликты между ними. Более того, это вызовет формирование новых блоков, союзов и коалиций из числа государств Центральной Евразии, отразится на политике Ирана в регионе и его отношениях с Западом, Россией, другими странами региона¹.

Дестабилизация Каспийского региона может оказать негативное воздействие не только на Россию, но и на страны Запада. Во-первых, его дестабилизация вызовет рост активности террористических движений, которые часто имеют глобальную и определенно антиамериканскую направленность. Во-вторых, дестабилизация в регионе вызовет рост незаконной торговли наркотиками, главным образом направляемых в западные общества и обеспечивающих главный источник финансирования наркогруппировок. В-третьих, Каспийский бассейн – это регион добычи нефти, беспрепятственный доступ к которому жизненно необходим для многих стран Запада. Наконец, в четвертых, конфликты в этом регионе могут развиваться в масштабную конфронтацию с местными властями, что не может не затрагивать безопасность стран региона, отразится на интересах США и их союзников.

¹ Fuller E. Graham. Central Asia: The New Geopolitics, RAND, R-4219-USDP, 1992.

Россия имеет широкий доступ не только к каспийской нефти и газу, но располагает самыми большими запасами природного газа в мире, входит в восьмерку стран с самыми крупными нефтяными запасами. Естественно, что в таких условиях Россия имеет важный стимул к активной эксплуатации этих ресурсов, чтобы неуклонно увеличивать ценность собственных активов. Кроме того, Россия рассматривает борьбу за экспортные маршруты в качестве инструмента восстановления контроля над странами Центральной Азии и Кавказа. Вместе с тем экспортная стратегия России не ограничивается трубопроводами, а включает также железные дороги и даже водные пути. Для стран региона наличие таких стратегических возможностей усложняет, если не сказать, что вообще исключает, реализацию политики, которая не соответствует российским интересам. На этой основе Россия имеет возможность регулировать свои отношения с Арменией, Грузией и особенно Украиной.

Именно поэтому американская стратегия основана на том, чтобы к существующей российской системе добавить новые нефтепроводы и установить над ними свой контроль. Понятно, что независимость от российского влияния означает установление полного контроля США над государствами региона, особенно в нефтяной сфере. В свою очередь, Россия в течение 90-х годов стремилась к поддержанию баланса сил в Южном Кавказе, не допуская возможности для тех или иных стран утвердиться в регионе. Иранская дипломатия в Южном Кавказе в начале 90-х годов была в большей степени ориентирована на поддержку армянской политики. Россия рассматривала такой расклад в качестве важного противовеса увеличивающейся роли Турции. Однако когда Иран стал демонстрировать возрастающий интерес к Центральной Азии, Россия подключила Турцию к урегулированию карабахской проблемы. Иран оценил значимость этого шага России в достижении геополитического баланса сил. Можно сказать, что каспийская политика Ирана диктуется скорее прагматизмом, нежели идеологией. Наиболее характерным примером здесь может служить его позиция в период конфликта в Нагорном Карабахе.

Естественно, что турецкие военные довольно подозрительно относились к российской политике в Закавказье, но вместе с тем в отличие от многих западных коллег они весьма сдержанно рассматривали возможность прямого российского вторжения в этот регион. Хотя они высказывали подозрения относительно косвенной российской военной поддержки армянской стороны в конфликте в Нагорном Карабахе. Напряженные отношения между Турцией и Россией были наиболее очевидными в мае 1992 года, когда турецкие вооруженные силы, занятые в маневрах, могли войти на территорию Нахичевани. В это время командующий объединенными вооруженными силами

государств СНГ маршал Евгений Шапошников поспешил даже заявить, что турецкое военное вмешательство могло закончиться началом третьей мировой войны¹.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что Турция первой из стран-участниц НАТО стала покупать российское оружие, вертолеты и бронетранспортеры для использования их против отрядов курдских повстанцев в юго-восточной Турции и северном Ираке. В феврале 1996 года было объявлено о том, что российский экспорт оружия в Турцию составлял 25,7 млн. долларов в 1993, 15,4 млн. - в 1994 году, 70 млн. - в 1995 году и 121 млн. долларов в 1996 году. Причем в этом же году планировалось довести объемы продаж до 300 млн. долларов².

Однако с самого начала 90-х годов интенсивное сотрудничество между двумя странами поддерживалось не только в военной области, но также и в торгово-экономической сфере. Достаточно сказать о масштабном проекте «Голубой поток», который составляет один из наиболее важных аспектов турецко-российских отношений, который предполагает поставку Турции 16 млрд. кубометров российского газа, что в значительной степени покрывает ее потребности.

Несмотря на это, некоторые американские и турецкие эксперты считают, что, возможно, единственной страной в регионе, с которой Турции предначертано иметь трудные отношения, является Россия. Они связывают это со структурными в геополитическом смысле слова напряженными отношениями между двумя государствами, основанными на противоборстве интересов, которыми «можно управлять, но которые не могут быть устранены»³.

Все это говорит о том, что задачи, стоящие перед Россией в каспийском регионе, «поистине велики, но более великими будут ее потери, если Каспий из зоны жизненных интересов превратится в объект иностранной геополитической экспансии. Тогда Россия увидит в водах Каспия, как в зеркале, отражение государства, оттесненного на северные задворки Евразии»⁴.

Конечно, Россия все активнее будет противостоять внешнему доминированию ведущих держав мира в кавказском регионе, предпринимая реформы, которые позволят ей принимать деятельное участие в процессах глобализации, исходя из своих национальных

¹ Turkish Daily News., 21 May 1992. Цит. по: Араз Бюленг. Турция: некоторые особенности отношений с государствами Закавказья // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5 (17). С.98.

² Monitor (The Jamestown Foundation), Vol. 2, no. 31, 14 February 1996. См. об этом также: Эггерт К. Наше оружие полюбилось туркам // Известия. 1994. 21 июля. С. 3.

³ Cengiz Zandar, Graham E. Fuller. Grand Geopolitics for a New Turkey // Turkistan Newsletter, Volume 5, №76, 30 Apr. 2001; см также: The Eurasian Politician - Issue 4 (August 2001).

⁴ Новая «Великая игра». Каспий стал средоточием геополитических интересов государств регионов // Независимая газета. 1998. 20 августа.

интересов. Как наиболее приемлемая в этих условиях может рассматриваться идея мультиполярности, основанная на интеграции российских регионов и их взаимодействии в интересах стабильности и безопасности. Движение к мультиполярности отражает желание большинства членов мирового сообщества, оно отражается в проявлении реальных и потенциальных геополитических интересов мировых и региональных центров влияния. При этом Россия исходит из того, что новые силы Евразии будут требовать большего уважения к их интересам, так как они обретают все большее влияние на глобальном и региональном уровне.

Л.С. Басханова

УСПЕХ РЕФЕРЕНДУМА В ЧЕЧНЕ - НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Предлагаемая статья - анализ итогов социологического опроса, проведенного в декабре 2002 года, в январе и феврале 2003 года, независимым информационно-аналитическим центром «Ала» («Скажи»), существующим в г. Грозном с 1991 года.

В ходе опроса были опрошены 1000 респондентов являющихся жителями всех районов Чеченской Республики. В январе 1/3 часть выборки составляли выходцы крупнейшего в Чечне Урус-Мартановского района, а 1/5 часть – выходцы из Грозненского района. Доля выходцев северных районов в выборке составила 7 %, а доля выходцев горных районов (Ножай-Юрговского, Веденского, Шатойского, Шаройского, Щатоевского, Итум-Калинского районов) – 13%.

Цель опроса состояла в том, чтобы изучить динамику общественного мнения населения по вопросу об отношении к предстоящему референдуму в Чеченской Республике (был проведен 23 марта текущего года). Для реализации этой цели ставились задачи:

- 1) выявить степень информированности населения о предстоящем референдуме;
- 2) выяснить осведомленность респондентов по вопросам, выносимым на референдум;
- 3) определить отношение граждан к референдуму, а также выявить отношение молодежи к проходящим политическим процессам (возрастная группа 16 - 20 лет и 21 - 29 лет);

4) определить готовность личного участия респондентов в референдуме, выявить отношение граждан к проекту Конституции Чеченской Республики, проектам законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики;

5) выяснить как будут голосовать предполагаемые респонденты за данный проект Конституции Чеченской Республики;

6) определить необходимые условия, призванные обеспечить успешное проведение референдума и максимальное участие в нем избирателей;

7) выяснить степень доверия респондентов к будущим результатам референдума.

В ходе социологического опроса удалось выявить, что население республики достаточно хорошо информировано о предстоящем референдуме. Так, в декабре прошлого года, на вопрос «Знаете ли Вы, что весной 2003 года в Чеченской Республике намечается проведение Референдума?» положительно ответили 92,2% из 1000 опрошенных респондентов. Среди них степень информированности между мужской и женской выборкой распределилась следующим образом: 93,2% мужчин и 91,2% женщин. Мужчины традиционно более осведомлены в политических вопросах, чем женщины.

В феврале текущего года ситуация по данному вопросу изменилась в сторону возрастания степени информированности населения. А именно 96,4% респондентов заявили, что им известно о точном времени референдума.

Идея проведения референдума активно поддержана различными слоями чеченского общества. Ситуация об осведомленности граждан республики по вопросам выносимым на референдум в декабре выглядела таким образом; 62,8% среди мужчин и 55,2% среди женщин. Наиболее информированными оказались выборки (среди мужчин) государственных служащих - 74,3%; сотрудников ИТР - 78,9%; а также самые незащищенные слои населения; пенсионеры, безработные; жители в ГТВР (пункты временного размещения). Среди женщин наиболее информированными оказались аналогичные выборки: госслужащие - 69,7%; сотрудники ИТР - 75,0 %, безработные - 61,1 %; вынужденные переселенцы - 88,9 %. Активизация информационной, пропагандистской деятельности в первую очередь федеральных государственных СМИ, а затем и республиканских сказывается на результатах информированности различных возрастных категорий. Число информированных граждан по вопросам, выносимых на референдум, имеет тенденцию постепенного роста

И все-таки, доля неинформированных граждан продолжала оставаться достаточно высокой. Тем самым, следует признать слабую агитационно-пропагандистскую работу Инициативной группы по подготовке и проведению референдума в Чеченской Республике, а также недостаточно активную позицию республиканского телевидения,

вплоть до середины февраля, по освещению хода подготовки к референдуму. Пассивность республиканских печатных средств массовой информации, объясняется тем, что вместо увеличения тиража газет и журналов, в начале 2003 года на чиновничьем уровне состоялось сокращение их количества: из 12 районных газет остались четыре. На ответственном рубеже, когда решался вопрос вхождения Чечни в правовое поле России, имело место сокращение финансирования МПТР Чеченской Республики, что могло негативно отразиться на уровне информированности населения о важнейших политических процессах, протекающих в республике.

Следует обратить внимание на тот факт, что при формировании Инициативной группы по подготовке и проведению Референдума в Чеченской Республике не учтен фактор влияния на формирование общественного мнения в чеченском обществе авторитетных и влиятельных людей: потомков шейхов и устазов, ветеранов войны и труда, ученых, писателей, деятелей культуры и других. Более широкий спектр этих людей мог бы составить ядро участников и уполномоченных лиц Инициативной группы. Кроме того, в составе Инициативной группы было мало представителей общественных объединений, партий и движений. И, тем не менее, благодаря тому, что в чеченском обществе нет отторжения идеи проведения референдума - народ готов выйти и проголосовать за проекты Конституции и Законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики, Сказанное подтверждают результаты социологического опроса. Если в январе месяце, изъявивших принять личное участие в референдуме, среди мужчин было 64, 8 %, то в феврале таковых - 72, 8 %. В январе женщин, желающих принять личное участие в референдуме, было 55, 6 %, а в феврале - 67, 6 %. Соотношение этих цифр говорят в пользу того, что референдум был бы признан, состоявшимся в данный период времени. Поскольку был бы преодолен пятидесятипроцентный барьер необходимый для признания результатов референдума. Кроме того, процесс активизации работы участников Инициативной группы сдерживали ряд объективных причин. Это - угрозы, поступавшие в их адрес со стороны боевиков, возможность прохождения через блок-посты, отсутствие связи.

В ходе опроса выявлена следующая закономерность. Так, в феврале месяце среди респондентов, желающих принять личное участие в референдуме было 70, 2 %. Из них за проект Конституции ЧР готовы положительно проголосовать 58, 6 %. В то время как за проекты Законов о выборах Президента и Парламента республики были готовы проголосовать 70, 2 %,

В результате исследования было важно выявить отношение граждан республики к референдуму как представленной им возможности, позволяющей проявить свою

политическую волю, и найти правовой выход из тупиковой ситуации, сложившейся в Чечне. В ходе опроса установлено, что в декабре положительное отношение к референдуму высказали среди мужчин - 74, 4 %, в то время как в феврале 79, 6 %, среди женщин наблюдается та же самая динамика, то есть в декабре положительное отношение к референдуму у 68, 8 %, а в феврале 72, 4 %. Также наблюдается динамика в сторону уменьшения отрицательного отношения к предстоящему референдуму среди мужчин в декабре - 9, 6 %, тогда как в феврале 6, 8 %. Среди мужчин, затруднившихся определить свое отношение к предстоящему референдуму, в декабре было 16 %, а в феврале 13,6%

Время, упущенное для активной работы среди населения более продуктивно было использовано противной стороной. Они распространяли листовки с угрозами в местах скопления населения, а также использовали формы открытой антиагитации. Что наглядно просматривается в женской выборке, традиционно более чувствительной к угрозам. Так, в декабре отрицательное отношение к проведению референдума выявлено у 3, 2 %. а в феврале 8 % Увеличение отрицательного отношения произошло за счет наличия большого количества избирателей, сомневающих в необходимости проведения референдума и подвергающих сомнению возможность позитивных изменений успешного исхода референдума. Так, в декабре месяце среди женщин, затруднившихся определить свое отношение к предстоящему референдуму, было 28 %, в то время как в феврале - 19, 6 %.

Необходимо обратить внимание на то, что у молодежи в возрасте от 16 до 20 лет готовности принять участие в референдуме намного было намного меньше, чем у остальной части населения. Так, в январе менее 50 % молодежи до 20 лет готова принять участие в референдуме, а в феврале только каждый четвертый изъявил желание участвовать в референдуме. Данная ситуация объясняется тем, что работе с этой выборкой на фоне негативных проявлений, имеющих систематический характер, противоборствующая сторона успешно набирает своих сторонников, симпатизирующих им. Среди молодежи также было больше пессимистически настроенных, неверящих, что 23 марта 2003 года станет отправной точкой стабилизации ситуации в республике, а также сомневающих, что статьи Конституции республики будут распространяться на всех граждан.

Изучение молодежи как социального феномена, включение ее в созидательный процесс, ее социально-психологическая реабилитация - задачи исключительной важности для Чеченской Республики. В связи с этим возникает необходимость радикального пересмотра молодежной политики, проводимой в республике.

У значительной части респондентов нет уверенности в том, что результаты голосования будут объективными. Следует обратить внимание на тот факт, что среди

опрошенных в декабре месяцев респондентов 38, 2 % уверены, что результаты голосования будут объективными, а 30 % в этом сомневаются, В феврале уверенность в объективности результатов возросла, и составила 47, 0 %, а неуверенных -21,0%. Самыми недоверчивыми являются женщины в возрасте от 40 до 49 лет. 41 % из их числа выразили свое недоверие в объективном исходе голосования на референдуме. В целях возрастания уверенности у населения республики в том, что в ходе референдума не будут сфальсифицированы его результаты, следует усилить общественный контроль над ходом голосования, а для этого уже необходимо создать комиссии из числа неправительственных организаций, а также допустить на референдум международных наблюдателей.

Результаты проведенного исследования позволяют признать, что чеченский народ был готов поддержать референдум, принять проекты Конституции Чеченской Республики, законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики. К этому времени сложилась ситуация, когда граждане республики нуждаются в защите их прав и свобод, обеспечение которых в большинстве из них связывают с принятием республиканских законов, определяющих их место в едином политико-правовом пространстве Российской Федерации. Значительное большинство граждан выражает мнение и о том, что Чеченская Республика должна быть субъектом равноправным с другими субъектами федерации, который должен быть представлен в высших органах страны легитимно набранными представителями народа.

Все, кто поддерживали референдум и проявляли готовность принять участие в его проведении, надеялись на то, что его положительный исход позволит начать выдачу компенсаций за потерю имущества и жилья в ходе военных действий, 68,8 % опрошенных женщин надеялись на то, что будут прекращены задержки и насилие над мужским населением. Такого же мнения и 48 % мужчин. 83 % молодежи до 20 лет от положительного исхода референдума ожидают прекращения практики незаконных задержаний в ходе зачисток и при прохождении блок-постов. Такого же мнения 70 % молодежи от 21 до 29 лет.

Значительная часть молодежи лишена условий для получения полноценного образования из-за отсутствия в республике библиотек, учебной, научной и художественной литературы, квалифицированных специалистов в ряде областей, осуществляющих преподавание, условий для самообразования, проведения культурного досуга.

За резкое сокращение блок-постов высказывается до 60 % молодежи в возрасте до 20 лет, в основном это студенты, учащиеся техникумом, училищ, ежедневно проходящие или

проезжающие через них. Для этой возрастной категории граждан, отличающихся высокой шкалой эмоционально-нравственной чувствительности, военные на блок-постах являются «беспредельщиками», беспричинно их задерживающих, ущемляющих их честь и достоинство. Поэтому 64 % молодежи до 20 лет прямо высказывается за полный вывод федеральных войск с территории республики.

Значительная часть чеченской молодежи, не имея никакого отношения к совершенным в течение 12 лет преступлениям на территории республики, поставлена в ситуацию, когда на нее направлен основной удар федеральных сил в ходе проведения зачисток. Именно противоправные действия по отношению чеченской молодежи, оскорбления, унижения и пытки, которым они подвергаются в ходе задержания, допросов в местах заключения, толкают многих из них на «ответные действия». Они и пополняют ряды боевиков, так называемых «шахидов», идущих на верную смерть, чтобы отомстить либо за себя, либо за убитых близких.

В целях минимизации лиц, встающих на «путь вендетты», федеральным силам необходимо не допускать несправедливого отношения к чеченской молодежи в ходе зачисток, спецопераций. При задержании молодых людей, учитывая психологические особенности этой возрастной группы, присущие им обостренные чувства справедливости, чести и достоинства, самооценки нельзя допускать противоправные действия, тем более действия, травмирующие их психику и достоинство. При обращении к задержанным лицам федеральные структуры совершенно не учитывают этноментальные особенности мужского населения Чеченской Республики, что никак не способствует стабилизации ситуации в республике. Нельзя не отметить тот факт, что несправедливое отношение, проявленное к задержанному лицу, или насилие, испытанное им, может толкнуть его или его ближайших родственников на отчаянный шаг вплоть до диверсий и терактов.

С проведением референдума 56 % молодежи до 20 лет надеются на то, что родственники задержанных лиц могут получить от федералов сведения о местах их нахождения, а также о причинах задержания.

Результаты референдума во многом зависят от заинтересованности в успешном его исходе всего политического истеблишмента федерального центра, южного федерального округа, прямых участников контртеррористической операции, проводимой в Чечне. При этом важно отметить и то, что политика по отношению к гражданам республики должна быть кардинально изменена. По всем показателям их жизни им нужно продемонстрировать, что они не являются изгоями в собственной стране, а являются ее полноправными гражданами.

Привлекательность политики федерального центра усилится в случае, когда целый ряд квалифицированных, принципиальных, обладающих организаторскими способностями представителей чеченцев (помня о том, что чеченский этнос по своей численности находится на 4 месте в России) получили бы назначения на политически и экономически важные должности в масштабах федерации. Такой подход в общественном мнении граждан Чеченской Республики будет означать радикальное изменение отношения центральной власти к чеченскому народу, являющемуся согласно Конституции страны- составляющей частью многонационального российского народа. Эта прекрасная декларация наполнилась бы реальным содержанием.

Российские граждане, проживающие в Чечне, в отличие от чеченской диаспоры, (особенно «московской») меньше испытывающей «прелести» ситуации в Чечне, в значительном большинстве своем примут участие в референдуме. Во многом это объясняется надеждой на то, что успешный исход референдума улучшит их правовое, экономическое и политическое положение.

Граждане республики одобрительно восприняли намерение Президента и Правительства Российской Федерации решить вопрос о выплатах компенсаций за потерю жилья и имущества в ходе военных действий на территории республики

Положительно сказалось на общественном мнении населения республики в преддверии референдума отклонение признания невиновности Буданова, обвиняемого в убийстве чеченской девушки Эльзы Кунгаевой, Вывод федеральных войск не постоянной дислокации за пределы Чеченской Республики, сокращение блок-постов, прекращение практики незаконных задержаний и представление сведений о причинах задержаний людей и их мест нахождения родственникам и близким способствовало увеличению сторонников проведения референдума в республике. Результаты данных социологических исследований позволяют сделать предположение, что референдум будет признан состоявшимся в силу высокой степени информированности населения о нем, а также в вопросах выносимых на референдум, и наличие большого количества респондентов, определяющих свое положительное отношение к референдуму и желающих принять личное участие в предстоящем плебисците.

Проведенное исследование позволяет нам прийти к обоснованному выводу, что на референдуме будут приняты как проект Конституции Чеченской Республики, так и проекты Законов о выборах президента и Парламента республики, Такой успех в общественно-политической ситуации в Чеченской Республике непременно будет способствовать обеспечению политической безопасности на юге России. Итоги референдума 23 марта 2003 г. в значительной степени подтвердили выявленную в ходе

социологических исследований тенденции в отношении населения Чечни к вынесенным на него вопросам и восстановлению статуса Чечни как равноправного субъекта Российской Федерации.

С.В. Бондаренко

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Научно-технический прогресс, вызывая изменения в способах производства, воздействует и на общественные отношения, изменяя их, а также способствуя появлению новых социальных общностей, а также новых вызовов, к одному из которых и относится информационная безопасность. При этом в качестве социальных агентов различных телекоммуникационных сетей (Интернет, Интранет, Usenet, Fidonet и др.) выступают пользователи, которые при помощи персональных компьютерных устройств осуществляют в сетях процессы коммуникации.

Современный этап развития цивилизации характеризуется тем, что информация как в качестве объекта гражданско-правовых отношений прочно вошла в рыночный оборот ведущих стран мира, стала одним из видов товара. Соответственно, как на федеральном, так и на региональном уровнях власти, вопросы информационной безопасности всё чаще становятся приоритетными при принятии стратегических решений в сфере социальной жизни общества.

Зачастую факты нарушения информационной безопасности не видны для неспециалистов, однако социум сталкивается с их последствиями практически каждый день. Современники стали свидетелями появления криминальных коллективов (виртуальные сетевые сообщества криминальной направленности), совершающих преступные действия, связанные с нанесением вреда информационной безопасности. В печати неоднократно приводились суммы ущерба, нанесенного преступниками в связи с нарушением информационной безопасности в развитых странах мира. В России в целом и на Юге страны в частности, где у рынка информационных технологий очень недолгая история, подобную статистику пока привести очень трудно.

В настоящее время, несмотря на всю важность указанной междисциплинарной проблематики для экономического, социального и оборонного развития страны, научным сообществом этой теме уделяется явно недостаточно внимание. Среди наиболее острых проблем, стоящих перед отечественной наукой в вопросах информационной безопасности:

- проблемы соотношения технико-технологического и социального в общественном развитии;
- проблемы влияния информации на социальное состояние общества;
- проблемы влияния ИКТ на развитие образования;
- проблемы влияния ИКТ на развитие способов вооруженной борьбы;
- социальные проблемы личности в виртуальной реальности;
- проблемы организации эффективного взаимодействия в рамках структур «электронного правительства»;
- проблемы развития информационной экономики;
- проблемы социального контроля коммуникационных систем.

Указанные группы проблем могут быть в свою очередь разделены на более частные. И хотя в вышеуказанной проблематике вопросы информационной безопасности являются не единственными, тем не менее, без их решения все предпринимаемые усилия по компьютеризации различных сторон жизни общества окажутся малоэффективными.

Перечень социальных проблем, связанных с социальными аспектами внедрения компьютерных технологий можно продолжать достаточно долго. Федеральные целевые программы «Электронная Россия 2002-2010» и «Развитие единой образовательной информационной среды на 2002-2006 годы», которые по замыслу должны были устранить существующие противоречия в технологическом развитии страны, не решая уже существующих, только порождают новые проблемы.

Это объясняется в первую очередь тем, что в основе практически всех ФЦП, положен принцип технологического детерминизма. Соответственно, реализация ФЦП на региональном уровне практически сорвана, поскольку основывается не на научных разработках, а исключительно на основе социального мифотворчества, о том, что установка в школах, вузах и государственных учреждениях компьютеров это и есть процесс компьютеризации.

В период с 2000 по 2002 годы, в многочисленных научных журналах, выходящих на территории ЮФО, практически не затрагивалась тематика, связанная с социальными аспектам внедрения компьютерных технологий, не было выпущено в свет ни одной монографии. Вместе с тем, уже проведенные исследования позволяют вычленить самостоятельную предметную область – область создания и применения информационных технологий в различных сферах человеческой деятельности¹.

¹ См. Кристальный Б.В., Нестеров Ю.М. Информационные права и информатика // Информационные ресурсы России. 1996. № 3. С.18.

«Особенности среды совершения преступлений в сфере компьютерной информации, высокие темпы её развития и изменения, а также явно недостаточное правовое регулирование информационных правоотношений привели к тому, что до настоящего времени отсутствуют не только единые национальные методики сбора доказательств и расследования таких преступлений, но и отсутствуют единые подходы к их пресечению и расследованию в случаях совершения с использованием глобальных компьютерных сетей, когда содеянное затрагивает охраняемые законом интересы различных государств»¹.

Говоря о проблемах информационной безопасности в ЮФО, в своей статье В.А.Натаров отмечает: «Первым условием информационной безопасности является наличие информации. Её отсутствие, недостаток, либо несоответствие критериям полноты, своевременности и объективности само по себе представляет угрозу национальной безопасности, поскольку могут повлечь за собой неправильное информирование Президента Российской Федерации, непринятие необходимых решений в сфере компетенции полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе. К основным проблемам на сегодняшний день отнесём:

- отсутствие сети передачи открытой информации, а также документальной связи, единой или совместимой для всех органов власти, взаимодействующих министерств и ведомств;
- дискретное и недостаточное финансирование слабо согласованных между собой федеральных и региональных целевых программ, ориентированных на, либо включающих в себя, предметную область информатизации;
- издержки межведомственных отношений, недостаток горизонтальных информационных связей, информационно-коммуникационных Центров, корректно оснащенных и взаимодействующих в режиме буферных серверов, либо согласованного доступа к базам данных;
- отсутствие структурированной по уровням потребностей, внятной единой концепции, достаточной нормативной базы и механизма информационного взаимодействия, продублированных в добывающих информацию министерствах и ведомствах и в их территориальных органах (как одно из следствий, - отсутствие приемлемого минимума интеграции информационных ресурсов);

¹ Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям. Правовые основы международного сотрудничества. М., 2002. С. 12-13.

- недостаточно осознанная потребность в информатизации со стороны властных структур отдельных субъектов Федерации, озабоченных решением повседневных проблем»¹.

С точки зрения В.А. Натарова основные цели в вопросах информационной безопасности ЮФО можно сформулировать следующим образом: интеграция информационных ресурсов округа, защита права государственных структур на доступ к информации, координация мероприятий по обеспечению прозрачности бюджетных отношений, организация внедрения прогрессивных социальных программ, оценка и координация проектов в области информатизации, способствующих дальнейшему реформированию общества. Как это ни парадоксально, в России до сих пор не принято «официальной» программы создания информационного общества, (хотя существует сформулированная в 1999 году «Концепция формирования информационного общества в России»², носящая достаточно декларативный характер). И это притом, что информационная безопасность является составной частью концепций информационного развития во всех странах мира.

Оставляя в стороне нормативные акты, принятые в нашей стране в связи с внедрением телекоммуникационных систем оперативно-розыскных мероприятий СОПМ и СОПМ-2, коснемся тех аспектов, которые должны решаться не спецслужбами, а различными ветвями власти. Как уже отмечалось выше, указанная проблематика сегодня весьма актуальна. Показателем актуальности в определённой степени служит тот факт, что правовые аспекты внедрения компьютерных технологий, непосредственно затрагивающие вопросы информационной безопасности общества, постоянно обсуждаются как в популярных печатных и электронных изданиях, так и в различных научных монографиях и на различных конференциях. Можно и нужно говорить о научной состоятельности ряда публикуемых в прессе материалов, однако нельзя не признать и рост интереса общественности к проблемам информационной безопасности.

Среди важнейших проблемам в области информационной безопасности, которые нуждаются в законодательном регулировании, следует в первую очередь назвать:

- присоединение сетей связи;
- противодействие кибертерроризму;
- вопросы распространения и использования криптографических средств;

¹ Натаров В.А. О некоторых проблемах информатизации и информационной безопасности в Южном федеральном округе / Федеральный справочник «Связь и информатизация в России. 2001-2002 годы. М., Центр стратегических программ. 2002. С. 212-214.

² Текст Концепции размещен для свободного доступа в сети Интернет по адресу: <http://www.iis.ru/library/riss/riss.ru.html>

- права пользователей связи на защиту частной информации.

И хотя большая часть из указанных проблем находится в сфере регулирования федерального законодательства, тем не менее, ущерб наносится в первую очередь на региональном уровне и именно поэтому, на наш взгляд, регионы и должны становиться инициаторами соответствующих законодательных предложений. К сожалению, законотворческая активность в указанном направлении оставляет желать лучшего, при этом даже принимаемые на федеральном уровне нормативные акты, далеки от совершенства.

И хотя, в субъектах федерации, входящих в ЮФО, существуют программы информатизации, с началом реализации ФЦП «Электронная Россия» такого рода документы должны быть приняты и на уровне всех муниципальных образований. Кроме того, уже действующие программы должны быть пересмотрены с учётом внедрения современных технологий и появления новых вызовов в сфере информационной безопасности на уровне регионов и Юга России в целом.

Сегодня актуальным представляется разработка стратегии развития регионов не только исходя из локальных интересов, но и с точки зрения участия в функционировании общемировой социальной системы киберпространства¹. Кроме того, в стратегии, которую ещё необходимо разработать, должны быть выявлены возможности партнерства государства и муниципальных органов с частным сектором, как полноценным участником рынка телекоммуникаций.

Разработка стратегии развития регионов должна основываться на научном анализе социальных последствий внедрения новых технологий. Однако, сегодня даже документы, принятые на общедоиндеральном уровне не могут являться эталоном научной проработанности. В качестве примеров серьезных недоработок при разработке стратегий информационного развития российского общества, в частности, можно упомянуть как ФЦП «Электронная Россия», так и «Доктрину информационной безопасности РФ».

«Доктрина информационной безопасности» была принята в 2000 году. Однако, практика реализации Доктрины на уровне субъектов федерации, свидетельствует о том, что указанный документ так и остался в значительной мере лишь декларацией о намерениях. Причины недееспособности принятого нормативного акта состоят как в существенных недоработках самого документа, так и в отсутствии в регионах

¹ Бондаренко С.В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2002. № 12 (38). С. 32-39; Бондаренко С.В. Социальная система киберпространства / Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 25 - 29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 14-15.

специалистов соответствующей квалификации, способных реализовать проекты обеспечения информационной безопасности в условиях новых технологических вызовов.

Так, «Доктрина информационной безопасности РФ» апеллирует к правам граждан и компаний на обеспечение защиты информации, а также к необходимости борьбы с преступниками, использующими информационные сети. Директор московского Центра законодательства и политики в области СМИ Андрей Рихтер, в одном из интервью данных после принятия «Доктрины информационной безопасности» заявил, что указанная доктрина «неосуществима, расплывчата и противоречива». По его мнению, она не повлечет за собой сколько-нибудь серьезных последствий¹. Прошедшие два года подтвердили правоту слов этого крупнейшего российского специалиста в области правового регулирования СМИ и телекоммуникаций.

Приведенная выше цитата из интервью А.Г.Рихтера взята из американской газеты «Вашингтон пост», но вот что в частности писала о «Доктрине информационной безопасности» российская газета «Известия»: «...в документе не нашлось места для определения столь важного понятия, как «информация». Как следствие все прочие определения - такие, как «информационная сфера» и даже собственно «информационная безопасность РФ», - повисают в воздухе. Их можно трактовать как угодно... А патетические пассажи об «интересах общественного развития, консолидации российского общества, духовного возрождения многонационального народа Российской Федерации» представляются и вовсе неуместными - по причине абсолютной неконкретности»². Проблемы с отсутствием в тексте Доктрины важнейших дефиниций и юридической некорректностью используемых в тексте документа формулировок в значительной мере снижают ценность указанного документа в вопросах его практического использования на региональном уровне.

Подобные примеры в отношении Доктрины информационной безопасности можно приводить долго и не случайно этот документ так и остался бюрократическим казусом, не повлекшим за собой принятие актов прямого действия. И это притом, что актуальность проблематики новых информационных угроз с каждым годом усиливается не только на уровне страны в целом, но и на уровне каждого из субъектов Федерации.

Компьютерные преступления, совершаемые в телекоммуникационных сетях можно рассматривать с разных точек зрения – юридической, технической, нравственной и т.д. С

¹ Цит. по: Hoffman D. Russian Media Policy Likened to Soviet Era // Washington Post Foreign Service, 2000, September 14. P. A24.

² Анненков А. Информационная, дочь национальной. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации вызывает сдержанный пессимизм // Известия. 2000., № 177 (25769). С. 9.

² Яницкий О. Вертикаль и сеть // Индекс: досье на цензуру, 2001, № 16, С. 61-65.

нашей точки зрения рассмотрение вопросов информационной безопасности необходимо осуществлять с позиции изучения социальных процессов в виртуальных сетевых сообществах.

Многообразие типов виртуальных сетевых сообществ криминальной направленности ставит перед социологами и учеными других специальностей задачу изучения механизмов функционирования виртуальных комьюнити. К сожалению, исследовательских работ в этом направлении крайне мало. В то же время без научного анализа процессов, происходящих в виртуальном социуме невозможно выработать практические рекомендации по противодействию преступности, а также осуществить профилактические мероприятия, направленные по снижению влияния представителей виртуальных сетевых сообществ криминальной направленности и кибертеррористов на остальных пользователей телекоммуникационных сетей.

Всеобщность категории кибертерроризма позволяет оценить содержание соответствующих норм не только с точки зрения морального единства социума (дать оценку, в частности, реализации требования социальной справедливости по свободному доступу к любой информации, как центральной политической задачи групп хакеров), но и с позиции более широкой системности. При рассмотрении в аспекте кибертерроризма на первое место выходят объективные (мета системные) критерии, которые позволяют преодолеть ограниченность субъективности, присущей правовому подходу как из-за специфики национальных юрисдикций в киберпространстве (правовых систем или отсутствия таковых), так и вследствие свойственной праву психологической причинности (виновности) при традиционном решении вопроса о юридической ответственности.

Эта ограниченность права наиболее ярко проявляется в неспособности адекватного реагирования на угрозы, исходящие от виртуальных коллективов – организаций, отдельных сетевых сообществ, политических институтов, государств как субъектов правопорядка в киберпространстве. Очевидно, что в таком аспекте раскрываемая общая теория коммуникации в виртуальном пространстве, становится теорией политики, включающей и подчиняющей себе теорию правового регулирования.

Другой аспект диалектичности происходящих процессов состоит в том, что хотя ресурсы государственных организаций и превосходят возможности маргинальных групп, объединенных в сети, материальный фактор в противодействии государства и криминальных группировок далеко не всегда оказывается решающим (что и показали теракты 11 сентября). «Сеть мобильнее вертикали. Пока государственная машина разворачивается, сеть успевает десять раз перестроиться, изменить свою структуру, внешний вид, методы социального действия. Но, заметим, это только в теории. Сеть тоже

может окостеневать, превращаясь если не в вертикаль, то в замкнутую на себя бюрократическую структуру»¹.

Важно отметить и тот факт, что организованные преступные группы не испытывают необходимости самостоятельно осваивать технические премудрости, связанные с Интернетом. Они могут нанять хакеров, которые обладают необходимыми знаниями и опытом, и, сочетая материальные стимулы с угрозами наказания, заставить их эффективно работать на себя. Достаточно показательным в этом отношении функционирование виртуальных сетевых сообществ криминальной направленности, содействующих совершению преступных действий, связанных с нарушением информационной безопасности².

Это важно, потому что сеть Интернет заменяет собой другие формы электронной коммуникации, при этом Интернет растет и развивается поразительно быстрыми темпами. Вместе с развитием киберпространства усложняются и средства несанкционированного проникновения в него, становясь, все более простыми в использовании и доступными. Впервые нарушители разрабатывают методы установления контроля над сотнями тысяч уязвимых систем, используемых в Интернете. Угрозы критическим объектам инфраструктуры подразделяются на две категории: физические угрозы материальному имуществу и угрозы электронных, радиочастотных или компьютерных атак на информационные и коммуникационные компоненты, управляющие критическими объектами инфраструктуры (так называемые «кибернетические угрозы»).

Российский исследователь Борис Дятлов в частности пишет: «Эксперты выделяют три классические опасности, с которыми может столкнуться каждая компания: угроза раскрытия (данные из информационной сети компании попадают к конкурентам), угроза целостности (несанкционированное изменение важных документов) и угроза отказа в обслуживании (внезапная остановка работы всей информационной системы).

Наибольшую известность из тех, кто несет такие угрозы, получили так называемые кракеры (или хакеры - правда, этот термин в последнее время чаще употребляется по отношению к «белым воротничкам» от программирования, никак не связанным с противоправной деятельностью). Мотивы деятельности кракеров разные: от получения важной информации до простого доступа к ресурсам системы (это может быть как процессорное время, так и дисковое пространство - например, для организации пиратского ftp-сайта).

¹ Яницкий О. Вертикаль и сеть // Индекс: досье на цензуру. 2001. № 16. С. 61-65.

² Бондаренко С.В. Некоторые аспекты функционирования виртуальных сетевых сообществ криминальной ориентации / В сб. Актуальные проблемы современной социологии. Ростов н/Д., 2002. С. 23-29.

Проведенный анализ показывает, что большая часть объектов для атак выбирается не целенаправленно, а случайно. Как правило, сетевые злоумышленники - это молодые экспериментаторы, которым важен исключительно технический объект, а не сама компания, информационной системе которой наносится вред. Кракеров-профессионалов, способных исследовать информационную систему, выявить ее изъяны, разработать программную реализацию атаки и осуществить ее, значительно меньше, чем акторов, осуществляющих девиантное поведение в киберпространстве.

Как утверждает известный эксперт по информационной безопасности, технический директор компании Domina Privacy & Security Илья Медведовский, вопреки устоявшемуся мнению, сообщества профессионалов-взломщиков, а тем более налаженной индустрии, которая допускает взлом любой более или менее защищенной системы «на заказ», попросту нет. Но это вовсе не означает, что опасности нет. Кракер-экспериментатор опасен своей непредсказуемостью, а появление профессионала также исключать нельзя - недобросовестный конкурент, каких сейчас немало, способен для достижения цели отыскать необходимого специалиста»¹.

Директор американского Института программного обеспечения (The Software Engineering Institute) Стивен Э. Кросс (Stephen E. Cross) пишет: «По сравнению с другими критически важными объектами инфраструктуры, сеть Интернет, похоже, становится настоящим питомником для всякого рода нарушителей. И хотя некоторые нарушения носят характер своеобразной игры (например, со стороны студентов, которые экспериментируют с возможностями компьютерной сети), а некоторые носят явно злостный характер, так или иначе, все они могут стать причиной ущерба, поскольку лишают других пользователей возможности вести бизнес посредством Интернета.

Взломщики разного рода получают особый доступ к системе, после чего она как бы находится в их распоряжении. Используя свои несанкционированные возможности, они могут, например, использовать систему как платформу для атаки на другие сайты или как один узел при нападениях в режиме распределенных систем, что позволяет нарушителям одновременно использовать множество сайтов и мобилизовать все эти сайты для атаки на один или более головных серверов или сетей. В других случаях целью атаки является извлечение секретной информации, например, паролей или коммерческих секретов»².

Атаки в Интернете совершать легко, потому что пользователи безоглядно доверяют этой сети. Зачастую владельцы сайтов сами не знают, в какой степени они доверяют

¹ Дятлов Б. Будь начеку. Главная опасность для корпоративных информационных сетей кроется в пассивности их владельцев // Эксперт, Северо-Запад, 2002. № 26 (87).

² Cross S.E. The Vulnerability of the Internet // Journal of the U.S. Department of State, 2000., vol. 5, № 2. May. P. 14-19.

инфраструктуре Интернета и ее протокола. К сожалению, Интернет изначально был защищен лишь от атак или событий, происходящих за пределами его инфраструктуры, т.е. от физических атак на кабели и компьютеры, с помощью которых, собственно говоря, и работает вся система. Теперь, когда Интернет состоит из стольких сайтов, миллионы пользователей по сути дела оказались внутри этой «сети сетей».

«Сегодня ни в одном(!) высшем учебном заведении Юга России, даже юридического профиля, не изучаются правовые аспекты функционирования киберпространства. Проблема эта носит не столько организационный, сколько политический характер, поскольку вузы выпускают специалистов попросту не видящих граней между цивилизованным и девиантным поведением. Масштабы экономических потерь из-за девиантного поведения молодежи в компьютерных сетях даже не могут быть посчитаны, поскольку это политический имидж страны и... недополученные инвестиции»¹.

Для защиты информационной инфраструктуры разработан ряд методов, которые используются во всем мире, а также специализированными предприятиями на региональном уровне и доказали свою эффективность. Это специальные защитные программные системы: межсетевые экраны, системы контроля содержания, сканеры безопасности, системы обнаружения атак.

Все эти методы в полной мере представлены в арсенале компаний, занимающихся информационной безопасностью. Однако, владельцы как корпоративных, так и муниципальных компьютерных сетей уделяют вопросам информационной безопасности недостаточное внимание, что, в конечном счёте, и является источником многих проблем, связанных с взломом компьютерных сетей и утечкой конфиденциальных данных. Реальным выходом из возникшей из-за «человеческого фактора» проблемы является проведение во всех субъектах Федерации, входящих в состав ЮФО широкой разъяснительной работы, которая должна инициироваться не только компьютерными фирмами, но и органами власти и управления.

Для России очень важен и зарубежный опыт защиты инфраструктуры киберпространства. Так, в Великобритании ещё два года назад вступил в действие «Закон о терроризме 2000 года», призванный усилить борьбу с использованием территории Великобритании как базы различными подрывными группировками. Наблюдатели отмечали, что в этом законе определение терроризма впервые было расширено в область киберпространства.

¹ Погосян Л.А., Бондаренко С.В., Черноус В.В. «Профилактика девиантного поведения молодежи Дона и Юга России». Приложение к «Южнороссийскому обозрению ЦСРИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН». Отв. редактор Ю.Г.Волков. Ростов н/Д, 2003. С. 84.

Представляется целесообразным принятие аналогичного нормативного акта и в нашей стране. Пока что в России компьютерные преступления считаются, чуть ли не детскими шалостями и в лучшем случае, как это было неоднократно в Ростовской области, компьютерным преступникам присуждают незначительный штраф и символическое финансовое наказание. На наш взгляд, одной из причин низкой квалификации судей, рассматривающих указанные дела, является отсутствие каких-либо знаний в отношении серьезности проблемы информационной безопасности.

Соответственно с каждым годом, компьютерная преступность не уменьшается. К примеру, в октябре 2002 года в Сочи был задержан 17-летний, но уже опасный хакер. Подросток в течение трех месяцев незаконно пользовался паролями сочинской организации ОАО "Сочиэлектросвязь" для выхода в Интернет, блокируя тем самым работу сервера предприятия. Приведенный пример не единичен и является иллюстрацией омоложения компьютерной преступности.

По данным МВД России, общий рост преступлений в сфере компьютерных технологий только за три года вырос более чем в 60 раз. Наши исследования показали, что проблема компьютерной преступности носит, в первую очередь, социальный характер и пока общество не продемонстрирует молодежи социально полезные сферы применения полученных знаний, этот рост не остановить.

Важно понимать, что компьютерные гении взламывают системы защиты не только иностранных, но и отечественных стратегических объектов, как это произошло, к примеру, несколько лет назад на Нововоронежской АЭС. Если сделаем вид, что ничего не происходит, то к техногенным катастрофам, вызванным износом техники, прибавятся и деяния тихих ребят, днем и ночью колдующих над своими мониторами. Необходимо на уровне округа разработать специальную программу по профилактике компьютерной преступности.

Сегодня в центре Ростова и других крупных городов ЮФО свободно продаются компьютерные диски с ворованным программным обеспечением и программами, предназначенными для компьютерных взломов. Милиция и прокуратура предпочитает не замечать эту сферу криминального бизнеса, а борьба с распространением ворованного и является одной из важнейших составляющих информационной безопасности региона.

Совершать нападения на сайты Интернета легко не только в связи с распространённостью ворованных и хакерских компьютерных программ, но и с социотехнической точки зрения. Действительно, некоторые такие атаки требуют технических знаний - нужно быть на уровне выпускника вуза, окончившего факультет компьютерной техники - тем не менее, многие атаки вполне успешно совершаются слабо

подготовленными в техническом смысле нарушителями. Компетентные нарушители копируют и делятся своими программами и их пакетами в удобном для пользователя исполнении, взимая за это минимальную плату, что позволяет нарушителям-дилетантам причинять такой же ущерб, который способны нанести настоящие профессионалы.

Ещё одна причина роста компьютерной преступности состоит в том, что получаемые в школе или вузе знания по компьютерным технологиям должны использоваться в конструктивном плане, иначе молодые люди начинают их использовать для осуществления противоправной деятельности. Казалось бы, какое отношение имеют вопросы развития электронной демократии, электронной экономики, электронного государства к проблеме девиантного поведения молодежи. Как это ни парадоксально - самое прямое. При изучении компьютерных технологий у молодых людей отсутствуют ясные социальные цели получения новых знаний, а без этого получаемые навыки с высокой степенью либо будет быстро забыта, как не имеющая практической ценности или же будет использоваться в развитие девиантного поведения, направленного на взлом компьютерных систем.

Поскольку для того, чтобы совершить атаку на объект в Интернете самому нарушителю не нужно физически присутствовать на месте нападения, уменьшается риск быть опознанным. Кроме того, не всегда понятно, в каком случае определенные события должны рассматриваться как повод для тревоги. Например, то, что кажется попытками и неудачными покушениями, может на самом деле являться вполне законной деятельностью сетевых менеджеров, которые просто проверяют безопасность своих систем.

Даже в тех случаях, когда организаторы отслеживают свои системы на предмет несанкционированного доступа к ним, а это делается только на очень небольшом числе сайтов сети Интернет, реальные взломы часто остаются незамеченными, потому что несанкционированную деятельность очень трудно распознать. Более того, поскольку нарушители пересекают многочисленные географические и юридические владения, правовые вопросы, связанные с их выявлением и судебным преследованием, становятся ещё более туманными. Существует и социокультурная обусловленность конфликтов, приводящая к серьёзным проблемам в вопросах информационной безопасности.

Говоря о социокультурной обусловленности конфликтов в информационных системах, российские исследователи Е.В. Глебов и Т.Г. Завьялова отмечают: «Возникающие конфликты можно разделить на две группы:

- 1) на уровне носителя;
- 2) на уровне умений, навыков.

Эти конфликты по смыслу вполне соотносятся с другими конфликтами культуры, поскольку структурирование содержания рубрик происходит в соответствии с представлениями о содержании, задаваемыми моделями культуры. Возникает проблема полноты и непротиворечивости информации, соотносимой с представлениями. Во-первых, может происходить утрата содержания (элементарный пример - данные есть в систематическом, но их нет в алфавитном разделе каталога), во-вторых, возникает избыточность, что приводит не только к излишним затратам ресурсов на разбор дубликатов или распутывания кольцевых ссылок, но, что более важно, избыточность маскирует существенные пробелы в классификации и представлениях об информации. Дело в том, что знание о существовании таких пробелов критически важно для культуры - оно показывает, что есть проблемы и в имеющейся информации, и в классификации, и в самой культуре. Разрешение этих проблем и есть настоящий стимул для развития, и когда они якобы отсутствуют, принципиально новое знание из накопленной информации, как правило, не возникает»¹.

Как видно из выше приведенных примеров, нарушения целостности систем и сетей могут вынуждать персонал тратить много времени и ресурсов на расследование, оценку потенциального ущерба и восстановление работоспособности систем. В системах, подвергнувшихся тем или иным нападениям, может возникнуть необходимость сокращения объема предоставляемых услуг или полного отключения на какой-то период времени. Конфиденциальная информация может быть раскрыта или изменена, что повлечет за собой утрату общественного доверия.

После успешной атаки на компьютерную систему очень трудно, а иногда и невозможно точно определить всю степень ущерба, зачастую не очень заметного. Потеря доверия может иметь место и в том случае, если нарушитель не причинил ущерба - просто потому что пострадавший сайт не способен доказать, что ущерба не было.

Особенно серьезный ущерб компаниям наносят те нарушения, которые отражаются на способности акторов предоставлять штатные услуги, а также те нарушения в результате которых раскрывается конфиденциальная информация. Цель первой категории нарушений состоит не в том, чтобы получить несанкционированный доступ к компьютерам или содержащимся в них данным, сколько для того, чтобы помешать законным пользователям той или иной услуги получать её и дальше.

¹ Глебов Е.В., Завьялова Т.Г. Социокультурная обусловленность конфликтов в структуре информации и способы ее преодоления / Технологии информационного общества - Интернет и современное общество. Материалы Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 20 - 24 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 37-38.

Такие нарушения могут совершаться в самых различных формах. Сеть может быть «наводнена» большим объемом данных или же, наоборот, объем имеющихся в ней данных может быть сильно уменьшен. Могут иметь место умышленные сбои в работе физических компонентов сети или манипуляция данными в процессе их передачи, в том числе и закодированными данными.

После решения проблем, связанных с таким нападением, и восстановления предоставления услуг пользователи обычно вновь проникаются доверием к получаемым услугам. Между тем, раскрытие конфиденциальной информации создает для организации, в которой она находилась, высокую вероятность оказаться в кризисе доверия со стороны клиентов.

Данная проблема носит концептуальный характер, поэтому она требует комплексного подхода с тем, чтобы получить возможность уменьшить риски, связанные с всё возрастающей зависимостью от сети Интернет и вероятностью серьезных нападений на объекты в киберпространстве. Эффективные решения требуют междисциплинарного сотрудничества, которое предусматривает обмен информацией и совместную выработку комплексных решений, а также поддержку долговременной программы исследований.

Для исследователей и практиков необходим постоянный анализ и распространение данных об обеспечении надежности информации. Характер угроз в адрес сети Интернета быстро меняется и будет продолжать изменяться в обозримом будущем. Сочетание стремительно развивающихся технологий, увеличения числа пользователей, а также появления новых, зачастую ранее не ведомых применений Интернет, создает зыбкую ситуацию, в которой характер угроз и уязвимостей трудно поддается оценке и ещё труднее поддается прогнозам.

Чтобы обеспечить выживаемость Интернета, в частности, и информационной инфраструктуры в целом, необходимо, чтобы правоохранные органы и группы чрезвычайного реагирования постоянно отслеживали кибернетические угрозы и уязвимости, определяли тенденции в деятельности нарушителей и широко распространяли полученную ими информацию среди всех участников сообщества Интернета.

Провайдеры услуг Интернета также должны создавать группы чрезвычайного реагирования и предоставлять другие услуги своим клиентам в деле повышения информационной безопасности. Многие провайдеры сетевых услуг предоставляют своим клиентам довольно большой набор услуг по защите информационной безопасности. В число этих услуг обязательно должны включаться услуги по помощи клиентам в установке и применении надежных сетевых подключений, а также в создании

механизмов для быстрого распространения информации об уязвимостях и способах их устранения.

Ещё одним объектом исследовательского интереса на региональном уровне должны стать поддержка обучения и переподготовки в сфере повышения уровня информационной безопасности. Анализ показывает, что большинство пользователей Интернета знает о его технологиях не больше, чем о техническом устройстве других объектов инфраструктуры.

Аналогичным образом, многие системные администраторы недостаточно знают устройство сети и способы ее защиты, даже, несмотря на то, что Интернет становится все более сложным и динамичным. В целях поощрения «безопасных компьютерных связей» региональные органы власти и управления должны финансировать образовательные программы, связанные с кибернетическим пространством, для всех пользователей, как взрослых, так и детей, а также вкладывать деньги в кампании по разъяснению необходимости обучения системных администраторов, сетевых менеджеров и руководителей информационных служб основам и методам информационной безопасности.

В фокусе внимания региональных органов власти и управления должна входить и поддержка исследований и разработок в сфере информационной безопасности. Чрезвычайно важно не упускать из виду долгосрочную перспективу и вкладывать средства в такие системы и операционные технологии, которые приводили бы к созданию сетей, способных выдержать атаки и сохранить конфиденциальность содержащихся в них данных. При этом очень важно искать новые, основополагающие технологические решения и применять активные превентивные подходы, а не заниматься восстановлением уже нанесенного ущерба.

Опираясь на опыт американских и отечественных провайдеров услуг доступа к глобальным компьютерным сетям, можно предложить следующие критерии, на основе которых возможна оценка соответствия деятельности той или иной интернет-компании стандартам защиты информации:

- осведомленность клиентов (размещены ли на сайте положения политики сохранности данных);
- право выбора предоставляемой информации (могут ли клиенты контролировать то, как используется полученная от них информация);
- возможность корректировки предоставляемой информации (могут ли клиенты просматривать и корректировать предоставленные ими о себе данные);
- безопасность и целостность (защищена ли информация от посягательства извне).

Ещё одним направлением изменения отношения к вопросам информационной безопасности должно стать изменение отношения к вопросам информационной культуры населения. Доктор технических наук, профессор, заместитель начальника Управления информационной безопасности Совета безопасности РФ А.А. Стрельцов отмечает: «Представляется, что недостаточная эффективность экономических преобразований, которые происходят в стране, во многом обусловлена тем, что культура: и трудовая культура, и информационная культура – в нашем обществе развиты недостаточно»¹.

В организации процесса коммуникативных взаимодействий, роль информационной культуры пользователей трудно переоценить, ибо только информационная культура обеспечивает сопряжение смысловых человеческих установок, позволяет актерам интерпретировать получаемую информацию, влиять своими смыслами на смыслы других акторов и организовывать коммуникационные процессы в киберпространстве. Таким образом, информационную культуру пользователей следует рассматривать как предпосылку социокультурной интеграции, а также и дезинтеграции социальной системы киберпространства как целого.

Важным показателем информационной культуры личности является отношение к сохранности получаемой информации. Поскольку социологических исследований, посвященных вопросам информационной культуры, на Юге России не проводилось, воспользуемся данными, полученными социологами из Санкт-Петербурга. На наш взгляд полученные ими результаты вполне могут быть экстраполированы и на регион ЮФО.

Так, исследовательская компания Gallup St.Petersburg провела в начале 2002 года исследование предусмотрительности российских пользователей компьютеров. Опрос, в котором участвовали 500 москвичей и 400 жителей Петербурга, показал, что почти половина респондентов (46%) когда-либо теряла важную информацию, хранившуюся в электронном виде. При этом 44% пользователей удалили файлы сами - нечаянно. Чуть больше трети опрошенных теряли информацию в результате «повреждения жесткого диска» и «проблем с электропитанием», а 33% стали жертвами «вирусных эпидемий», распространяющихся в киберпространстве.

Две трети потерянных данных имели отношение к работе. Четверть респондентов сталкивалась с потерей личных файлов, а 16% попадали в ситуацию, когда вся информация, хранившаяся на жестком диске, не подлежала восстановлению. При этом наибольшую ценность для россиян представляют данные, связанные с работой. Именно

¹ Стрельцов А.А. Некоторые проблемы реализации доктрины информационной безопасности Российской Федерации / В сб. материалов 2-й Всероссийской конференции «Информационная безопасность России в условиях глобального информационного общества». М., 2001. С. 11-15.

эту информацию 66% респондентов упомянули первой, отвечая на вопрос: «Из-за потери каких данных Вы бы расстроились больше всего?».

Однако, несмотря на высокую степень вероятности потери данных, только 27% российских пользователей, опрошенных Gallup, делают резервное копирование цифровой информации, как минимум, раз в неделю. Раз в месяц и реже копируют данные 37% респондентов, а 32% пользователей по-прежнему пренебрегают резервным копированием. При этом среди «домашних» пользователей процент заботящихся о сохранности своих данных меньше, чем у тех, кто пользуется компьютером на работе или в институте: 53% и 70% соответственно.

Исходя из данных, полученных в результате опроса, Gallup разделила российских пользователей на четыре условные категории в зависимости от их отношения к резервному копированию данных:

«Предусмотрительные» (32%) - те, кто делают резервное копирование, несмотря на то, что никогда не теряли данные;

«Опытные» (34%) - те, кто столкнулся с проблемой потери данных и после этого стал создавать резервные копии;

«Наивные» (20%) - пользователи, пока не терявшие ценную информацию и поэтому не делающие резервное копирование;

«Безалаберные» (14%) - те, кто уже сталкивались с проблемой потери данных, но все равно не создают резервные копии¹.

Социологический мониторинг отношения населения и госчиновников к вопросам информационной культуры мог бы стать действенным средством анализа ситуации с вопросами информационной безопасности на территории ЮФО. На наш взгляд в числе акторов, заинтересованных в проведении указанного мониторинга, могли бы выступить не только государственные и муниципальные структуры, но и многочисленные компьютерные фирмы, работающие на Юге России.

Необходимо учитывать, что все субъекты Федерации, входящие в состав ЮФО имеют разный уровень не только подготовки специалистов, но и развития телекоммуникационных сетей. Допустить углубление перекоса в вопросах доступа граждан к информационным ресурсам это значит косвенным образом способствовать расширению межнациональных противоречий. Даже в США, где национальные проблемы стоят не так остро как на Юге России, нередки конфликты по поводу дискриминации тех или иных групп населения в вопросах «цифрового неравенства».

¹ Цит. по: Российские пользователи: «опытных» в два раза больше, чем «безалаберных» // Сайт Internet.ru, 2002, 14.02. <http://internet.ru/article/lentanews/2002/02/14/7187.html>

Соответственно, ещё один из аспектов информационной безопасности связан с лингвистикой: на скольких языках должен быть сделан сайт, к примеру, «электронного правительства»? И ответ на этот вопрос далеко не очевиден. К примеру, в Великобритании портал «электронного правительства» сделан на двух языках: английском и валлийском. Для многонационального Юга России рано или поздно встанет вопрос о многоязычии размещаемых материалов. Особенно остро эта проблема станет в случае размещения в сети литературных текстов, а также текстов законов, принимаемых в национальных республиках.

Логика экономической целесообразности в этом случае далеко не всегда оказывается единственно верной, и потеря национальной идентичности может иметь далеко идущие последствия в вопросах региональной безопасности. Существует и экономический аспект языковой проблемы сайтов «электронного правительства». Как можно вести внешнюю торговлю со страной, не зная её законов, не имея представления о происходящих в экономике процессах? Далеко не все языки имеют международный статус, соответственно и информация, кроме национальных языков, должна дублироваться на одном из наиболее широко распространенных в мире языков.

В условиях предстоящего вступления России в ВТО, выживание отечественной промышленности во многом будет определяться способностью предприятий представлять информацию о производимой ими продукции во всемирной сети Интернет, умением формировать сообщества потребителей, организовывать дилерские сети. Информирование об инвестиционной привлекательности субъектов Федерации через компьютерные сети это задача даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня.

При этом одной из основных проблем в вопросах информационной безопасности была и, по нашим прогнозам, будет оставаться ещё долгие годы проблема информационной грамотности. Для того, чтобы оценить всю актуальность проблемы информационной грамотности, приведём несколько тезисов, справедливость которых доказана зарубежными исследователями:

1. Существует не один, а много видов грамотности¹;
2. Значение и уровень грамотность изменяются в зависимости от конкретных общественных контекстов²;

¹ В обоснование указанной точки зрения см. к примеру, работы по этой теме: Gee J. P., Hull G., Lankshear C.. The new work order: Behind the language of new capitalism. -St. Leonards, Australia: Allen & Unwin. 1996; Cope B., Kalantzis M. (Eds.). Multiliteracies: Literacy learning and the design of social futures. -L.: Routledge. 2000.

² См. de Castell S., Luke A. Models of literacy in North American schools: Social and historical conditions and consequences. In de Castell S., Luke A., Egan K. (Eds.). Literacy, society, and schooling. -N.Y.: Cambridge University Press. 1986. PP. 87-109; Street B. Literacy in theory and practice. -Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

3. Грамотность рассматривается как континуум¹, а не как дихотомия (грамотный - неграмотный)²;

4. Грамотность сама по себе автоматически не приносит никакой пользы³;

5. Приобретение грамотность - следствие не только образования и культурной среды, но и способностей индивида⁴.

Таким образом, говоря о доступе к телекоммуникационным сетям нужно вести речь не просто о физическом подключении компьютера пользователя, но рассматривать этот процесс исходя из конкретного социального контекста. При этом само по себе подключение не гарантирует пользователю автоматического получения каких-либо выгод, а в худшем случае может стать причиной нарушения информационной безопасности.

Большинство экспертов, отвергая понимание грамотности как простое усвоение навыков чтения и письма, ведут речь о грамотности как о способности индивида осуществлять коммуникацию в любом социальном окружении, используя при этом современные технологии⁵. Или, говоря иными словами, «наличие возможности контроля над процессами, посредством которых происходит кодирование культурно значимой информации»⁶. На индивидуальном уровне, грамотность позволяет людям овладевать логическими функциями языка⁷, думать отвлеченно⁸.

Понятие информационной грамотности одно из ключевых понятий в вопросах информационной стратификации и информационной безопасности. Изменение смысла, вкладываемого в термин «грамотность», происходящее под влиянием компьютерных технологий не первое в истории человечества. Достаточно сравнить смысл этой дефиниции до и после, изобретения книгопечатания. Таким образом, употребляя термин

¹ Континуум (лат. *continuum* - непрерывный) - непрерывно-протяженное образование.

² См. Gee J. P., Hull G., Lankshear C. *The new work order: Behind the language of new capitalism*. St. Leonards, Australia: Allen & Unwin. 1996.

³ См. Scribner S., Cole M. *The psychology of literacy*. -Cambridge: Harvard University Press. 1981.

⁴ См. Street B. *Literacy in theory and practice*. -Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

⁵ См. Lemke J. L. *Metamedia literacy: Transforming meanings and media*. In D.Reinking & M. McKenna & L. Labbo & R. D. Kieffer (Eds.), *Handbook of literacy and technology: Transformations in a post-typographic world*. - Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1998. PP. 283-301.

⁶ de Castell S., Luke A. *Models of literacy in North American schools: Social and historical conditions and consequences*. In de Castell S., Luke A., Egan K. (Eds.). *Literacy, society, and schooling*. -N.Y.: Cambridge University Press. 1986. P. 374.

⁷ См. Goody J. (editor). *Literacy in Traditional Societies*. -Cambridge: Cambridge University Press. 1968; Olson D. R. *From utterance to text: The bias of language in speech and writing* // *Harvard Educational Review*, , 1977, volume 47, number 3. PP. 257-281.

⁸ Luria A. R. *Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations*. -Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1976; Greenfield P. M. *Oral and written language: The consequences for cognitive development in Africa, the United States, and England, Language and Speech*, 1972. volume 15. PP. 169-178.

«грамотность» необходимо учитывать исторический, политический и социокультурные контексты¹.

Много общего в значении понятия грамотности с точки зрения участия индивидов в становлении различных общественных формаций. Во-первых, как в период становления капитализма грамотность являлась неременным условием успеха человека в происходивших социально-экономических преобразованиях, так и на этапе становления постиндустриального общества, компьютерная грамотность является необходимым условием участия в общественных преобразованиях.

Во-вторых, на указанных выше этапах развития человеческого общества грамотность требует соединения в физический артефакт самой информации и её физического носителя (книгу, компьютер и т.п.). А уже через это соединение и с учетом степени понимания полученной информации, появляется возможность появления нового знания.

Грамотность проявляется в умении осуществлять коммуникационные процессы с учетом принятых в сообществе социальных норм, в умении выделять среди информационного шума полезную информацию, а также использовать возможности международного сотрудничества в создании нового знания.

Электронная грамотность предусматривает навыки, необходимые для поиска, обработки и хранения информации². Речь при этом идет о навыках работы с гипертекстом, гипертекстом, участия в чатах, форумах, конференциях, использования поисковых машин, противодействия спаму, навыках выявления компьютерных вирусов и т.д.

Мультиграмотность³ объединяет в себе два понятия. Первое включает в себя умение интегрировать в мультимедийной форме текст, графику, аудио и видеофайлы. Второе предусматривает знание иностранных языков, обычаев и правил поведения в киберпространстве принятых в национальных сообществах.

Знание английского языка является неременным условием участие в международной экономической, научной и многих других видах деятельности. В 85-ти процентах международных организаций английский язык используется в качестве официального языка, по крайней мере 85 процентов всемирного рынка фильмов и более чем 65 процентов научных текстов представляются на этом языке⁴. Вместе с тем, знание

¹ См. Gee J. P., Hull G., Lankshear C. The new work order: Behind the language of new capitalism. -St. Leonards, Australia: Allen & Unwin. 1996.

² Warschauer M. Electronic literacies: Language, culture, and power in online education. -Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1999.

³ См. Cope B., Kalantzis, M. (Eds.). Multiliteracies: Literacy learning and the design of social futures. -L.: Routledge. 2000; New London Group. A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures // Harvard Educational Review, 1996. № 66(1). PP. 60-92.

⁴ См. Crystal D. English as a global language. -Cambridge: Cambridge University Press. 1997; Warschauer, M. The changing global economy and the future of English teaching // TESOL Quarterly. 2000. № 34. PP. 511-535.

одного лишь английского языка, хотя и влияет на успешное восприятие информации, тем не менее, в целом ряде случаев не гарантирует получение необходимой информации на сайтах неаглоязычных стран¹, а значит, не позволит, в частности, жителям Юга России получать необходимую им информацию.

Американские исследователи Х. Шетцер (H. Shetzer) и М. Варшауэр (M. Warschauer) предложили рассматривать электронную грамотность в трех аспектах, которые они назвали связь, конструкция и исследование². Связь включает деятельность в глобальных компьютерных сетях, которая позволяет людям осуществлять процессы коммуникации с индивидуумами и группами, и включает в себя знание технологий различных форм синхронной и асинхронной коммуникации. Конструкция подразумевает способность индивидуально или совместно осуществлять подготовку и публикацию информации в компьютерных сетях. Исследование охватывает область навигация, чтения, навыков интерпретации полученной информации, включая способность критически оценивать полученные данные.

По мнению некоторых исследователей, существует ещё один вид грамотности, называемый «критическая грамотность»³. Этот термин имеет ряд интерпретаций, наиболее известное из которых - умение писать и критически осмысливая читать текст⁴. Для глобальных компьютерных сетей последнее качество представляется особо важным, поскольку значительная часть информации размещается без какой-либо редакторской правки и без рецензирования со стороны квалифицированных экспертов⁵. Уже начиная читать тот или иной текст пользователь должен дать ему оценку и принять решение - стоит или нет продолжать получение информации из данного источника или осуществить поиск новых документов по интересующей его тематике.

Американский опыт показывает, что в тех высших учебных заведениях, в которых студентам преподавали основы электронной грамотности, они впоследствии более эффективно могли осуществлять поиск и обработку информации в компьютерных сетях,

¹ См. Graddol D. The future of English. -L.; The British Council. 1997.

² Shetzer H., Warschauer M. An electronic literacy approach to network-based language teaching. / In M. Warschauer & R. Kern (Eds.), Network-based language teaching: Concepts and practice. -N.Y.: Cambridge University Press. 2000.

³ См. Lankshear C. Critical literacy. -Belconnen, Australia: Australian Curriculum Studies Association. 1994.

⁴ См. Freire P. The adult literacy process as cultural action for freedom. In M. Minami, B. Kennedy (Eds.), Language issues in literacy and bilingual/multicultural education. -Cambridge: Harvard University Press. 1991; Freire P., Macedo D. Reading the word and the world. -Hadley, MA: Bergin and Garvey. (1987).

⁵ См. Shetzer H., Warschauer M. An electronic literacy approach to network-based language teaching. In M. Warschauer & R. Kern (Eds.), Network-based language teaching: Concepts and practice. -N.Y.: Cambridge University Press. 2000. PP. 171-185.

имели более успешный коммуникативный опыт¹. В вузах Юга России американский опыт мог бы быть с успехом внедрён без особых финансовых затрат.

Проблема информационной безопасности, рассматриваемая с точки зрения региональной специфики, достаточно сложна и требует осуществления междисциплинарных исследований. Положение нельзя изменить за один день, вместе с тем уже сегодня на уровне субъектов Федерации, входящих в состав ЮФО на наш взгляд могли бы быть предприняты следующие меры, направленные на усиление информационной безопасности:

- в рамках ЮФО и при поддержке Южного научного центра РАН должен быть создан межвузовский научно-технический центр, одной из функций которого должен стать мониторинг возможных угроз информационной безопасности, проведение научных исследований, а также осуществление разъяснительной работы с населением и представителями заинтересованных предприятий и организаций;

- по примеру столицы страны, в которой разработана «Комплексная программа движения Москвы к информационному обществу»², соответствующие программы должны быть разработаны и в каждом из субъектов Федерации, входящих в ЮФО;

- дополнены соответствующие школьные предметы, вопросами безопасного поведения школьников в киберпространстве;

- провайдеры доступа к глобальным компьютерным сетям должны быть обязаны устанавливать для борьбы с компьютерными вирусами соответствующее программное обеспечение и на регулярной основе проводить обновление соответствующих баз данных;

- с целью профилактики использования компьютерных сетей в криминальных целях, пункты коллективного доступа к компьютерным сетям должны устанавливать соответствующее программное обеспечение, позволяющее осуществлять контроль над действиями пользователей в киберпространстве;

- необходимо на территории ЮФО осуществить образовательные программы по вопросам информационной безопасности для судей и для работников правоохранительных органов, занимающихся вопросами компьютерной преступности.

Без инициативы регионов нечего надеяться на улучшение жизни и выход из экономического кризиса. Страна огромная и Москва, играя важную роль в инициировании процессов развития страны, не может учитывать региональную специфику в вопросах информационной безопасности так, как это может быть сделано на местах. В свою

¹ См. Warschauer M. Electronic literacies: Language, culture, and power in online education. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1999; Warschauer M. Technology and school reform: A view from both sides of the track. Education Policy Analysis Archives. 2000. <http://www.ill.hawaii.edu/web/faculty/markw/reform.html>

² См. Москва и информационное общество / Под ред. С.В.Орлова и Ю.Г.Хохлова. М., 2001.

очередь решение ряда технических и кадровых проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности не под силу и отдельным субъектам Федерации. Все это позволяет утверждать, что в «Электронной России» должен быть и «электронной федеральный округ», не только как координирующая структура, но и как структура созидающая.

Муфтий, шейх Равиль Гайнутдин,

РОССИЙСКИЕ ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОГУТ И ДОЛЖНЫ ВНОСИТЬ СВОЙ ВКЛАД В УКРЕПЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОТЕЧЕСТВА

Тема представляется важной в силу целого ряда обстоятельств.

Во-первых, сегодня взамен прошлой, советской идеологии Российским государством выбрана вполне прагматичная идея первоочередной защиты национальных интересов страны. Сама способность государства и общества обеспечить собственную безопасность является важной составляющей их силы и зрелости. Мы полагаем, что российские мусульмане также имеют свои интересы, выразителями которых наряду с государством являются российские исламские организации. По исламу, защита интересов государства и забота о его безопасности - благородное дело.

Во-вторых, за последние годы появились серьезные доктринальные документы о проблемах безопасности, которых российское общество ранее не знало и которые носят открытый характер, обсуждаются гражданами, научным сообществом, общественными организациями. Имеется в виду, наряду с Конституцией РФ, Законами РФ «О безопасности», «Об обороне», законами и другими нормативными актами органов государственной власти субъектов РФ, «Концепция национальной безопасности РФ», «Военная доктрина РФ», «Концепция внешней политики РФ». Не могут остаться в стороне от этого процесса и исламские организации. Поэтому мы в 2001 году выработали и предложили обществу документ «Основные положения социальной программы российских мусульман», вызвавший в целом положительные отклики и в Администрации Президента РФ, и в ряде других государственных органов, например в бывшем Министерстве РФ по делам федерации, национальной и миграционной политики.

В-третьих, процесс формирования в России гражданского общества носит противоречивый и затяжной характер. Сложность заключается в том, что пока в стране не сложились не государственные структуры, способные взять на себя проблемы реализации большинства интересов общества. Поэтому исламские организации стремятся к тому,

чтобы помочь российскому обществу и государству найти свое место в быстро меняющемся мире и консолидироваться в условиях возникновения новых вызовов и опасностей. Особенно полезными в этом качестве могут быть контакты государства и отечественных исламских организаций в решении социальных вопросов и вопросов формирования духовности наших граждан.

В-четвертых, мы вынуждены, к сожалению, констатировать, что сложившийся в общественном мнении усилиями некоторых средств массовой информации и политиков имидж мусульман и их организаций носит, как правило, негативный характер, в обществе развита «исламофобия». Вооруженный конфликт в Чеченской Республике дал предлог развернуть в российском обществе «волну» нападков на исламские организации, сделать российских мусульман чуть ли не врагами Российского государства. В ходу термины «исламский экстремизм», «исламский терроризм», «исламский радикализм» и другие «страшилки». Стало модно объявлять ваххабитами любых оппонентов. Состоявшееся в июле 2001 г. совещание с руководителями ряда силовых структур, прошедшее под председательством Генерального прокурора России, на котором обсуждались вопросы борьбы исключительно с «исламской угрозой»¹, является весьма показательным для нас и заставляет российских исламских лидеров выработать собственный подход к определению места и роли отечественных исламских организаций в системе национальной безопасности РФ.

Мне уже приходилось публично высказываться на эту тему. Полагаю, что политический экстремизм не может рассматриваться как явление, изначально связанное с религией, а тем более только с исламом. Наиболее подходящими были бы термины «псевдоисламский» или «псевдорелигиозный». В этом случае обозначаются и увязка с религиозной символикой, если таковая используется преступниками, и тот факт, что мировоззрение миллионов добропорядочных граждан своего Отечества не может быть характерным признаком противозаконных действий. На наш взгляд, понятие экстремизма как «исламского», «религиозного» некорректно, так как религия в целом или только ислам выступает в таком сочетании характерным признаком противозаконной деятельности. Закон называет экстремизмом противоправное действие. Поэтому даже сам факт увязывания преступления с религией - прямое оскорбление чувств и убеждений миллионов наших и зарубежных граждан, а значит, нарушение их конституционных прав. Сегодня принципиально необходимо не только собирать и анализировать различные факты нарушения свободы совести и вероисповедания по отношению к мусульманам, но и выработать реальные механизмы государственно-исламских отношений. Наша цель -

¹ См.: НГ-Религии. 2001. 25 июля. С. 1, 3.

теоретическое осмысление заявленной в сборнике проблемы, выработка концептуальных, методологических подходов к ее анализу.

Национальная безопасность понимается как безопасность граждан, общества и государства. Этот подход все более и более утверждается и в науке, и в политической практике. В теоретическом ключе данное положение создает принципиальные возможности участия исламских организаций в обеспечении безопасности общества и личности, а при условии заинтересованности государства – и в работе по обеспечению безопасности самого государства (понимаемого не только как аппарат по управлению обществом, но и как организованный социум).

Главным отечественным документом, на основании которого строится вся работа по обеспечению национальной безопасности РФ, является «Концепция национальной безопасности РФ». В ней под «национальной безопасностью РФ понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ»¹. Мы полагаем, что при этом можно согласиться с научным определением национальной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз и опасностей, обеспечивающего их надежное существование, конкурентоспособность и прогрессивное развитие. Важно, что из этого определения «национальной безопасности» можно выделить два главных направления ее обеспечения: защиту от угроз и опасностей и создание условий надежного существования и прогрессивного развития. Как видим, если первое направление является скорее прерогативой государства, то при реализации второго направления общественные и религиозные организации могут проявить свой потенциал в полной мере.

Для нас, мусульман, безопасность в первую очередь связана с формированием личности мусульманина. Хвала Аллаху, Господу миров, благословение и мир нашему господину Мухаммаду, да благословит его Аллах и приветствует, который был послан как милость для миров и всей своей жизнью, зафиксированной в сунне, явил собой уникальный образец мусульманина, живущего достойной и чистой жизнью, придерживающегося справедливости, смирения и милосердия и пробуждающего своей улыбкой в сердцах людей все доброе и внушающее надежду. Образцовый мусульманин это тот, кто является праведным и полезным членом своего общества, от него исходят благо и безопасность, ему доверяются сердца, каждым своим поступком он стремится приносить благо своему обществу, благодаря чему у людей появляется надежда и среди них воцаряются спокойствие и стабильность.

¹ Независимое военное обозрение. 2000. 14 – 20 января.

Ислам всегда был направлен на обеспечение безопасности верующих. В Священном Коране содержатся многочисленные положения, ныне ставшие известными не только религиозным деятелям, но и широкому кругу ученых, специалистов. Например: войны не должны носить агрессивного характера; милосердие, проявляемое к человеку в условиях войны; справедливость как основа мира и т.д. Изначально отношение мусульман к представителям других религий определялось не субъективными чувствами человека, а волей Всевышнего Аллаха, защищающего всех Своих рабов от принуждения в вопросах веры. Поэтому Пророк Мухаммад (да благословит Его Аллах и приветствует) сказал: «Поистине, тому, кто обидит живущего на мусульманской территории (немусульманина), или ущемит его права, или возложит на него то, что ему не по силам, или заберет у него что-нибудь против его воли, тому я стану противником в День воскресения!»

Приведенные слова уже можно рассматривать как фундаментальное положение, обеспечивающее один из важнейших компонентов национальной безопасности, а именно в сфере свободы совести и вероисповедания. Священный Коран требует от всех мусульман отвергать зло, «пресекать его добром» в тех случаях, когда добро может пресечь зло: «И те, которые упорны в желании угодить Господу, и простаивали молитву, и давали из того, чем наделили Мы их, и тайно и явно, и отгоняют зло добром. Для этих - воздаяние (счастливое) жилища»¹.

Побуждение людей к одобряемому шариатом и удержание их от порицаемого им является одним из необходимых условий осуществления призыва к Аллаху. Вот почему мусульмане, занятые делом исламского призыва, обращаются к помощи разума и мудрости и должным образом готовят себя к этому. Поступая так, они действуют в соответствии с указаниями посланника Аллаха, который сказал: «Пусть тот из вас, кто увидит нечто порицаемое, изменит это собственноручно, если не сможет, пусть сделает это своим языком, а если не сможет и этого, то - сердцем своим, что станет самым слабым проявлением веры» (Муслим). Указания Пророка побуждали мусульман смело противостоять всему ложному, внушая смельчакам, что проявление ими героизма в противостоянии несправедливому никак не уменьшит их удела и не сократит отпущенного им срока.

Из этого вытекает, что мусульманин обязан защищать себя, своих родственников – малую семью, свое Отечество – большую семью в случае покушения извне, в том числе и на имущество своих близких. Верующий во всемогущего Бога не боится смерти в бою за Родину, за жизнь и здоровье своих близких: если он погибнет, защищая себя, родственников и Отечество, он станет шахидом – праведником, погибшим за веру,

¹ Священный Коран (13:22).

удостоенным вечного рая. Этим ислам утверждает гармоничность национального и интернационального, просвещенного патриотизма и прагматизма.

Но, несмотря на огромный гуманистический потенциал ислама, его возможности используются в России пока недостаточно. Мы часто становимся свидетелями обсуждения в самых широких кругах проблемы, есть ли «исламская угроза». Хочу высказать свое мнение по этому вопросу. Считаю, что ни для РФ, ни для ее многонационального и многоконфессионального народа такой угрозы не было, нет и быть не может. Проблемы порождаются: сложностями переходного периода, который сейчас переживает наша страна; отсутствием истинных знаний об исламе; деятельностью ряда СМИ, продолжающих «штамповать» уродливое представление об этой мировой религии и пытающихся связать с ней вооруженные конфликты в РФ и на постсоветском пространстве; организационной, кадровой, материально-технической слабостью российских духовных управлений мусульман.

Как могут российские исламские организации, российские мусульмане угрожать РФ, когда они сами являются частью российского общества, издавна проживают на ее территории?! Как можно серьезно об этом говорить, когда в дни самых тяжелых для Родины испытаний большинство российских мусульман вставали на ее защиту?! Так было и в Отечественную войну 1812 года, и в первую мировую войну, и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Как можно так ставить вопрос, когда российские мусульмане выступали и последовательно выступают против агрессии, когда ислам возводит в ранг религиозной обязанности для всех мусульман ведение оборонительной войны в целях защиты Родины¹?!

Для нас важнее сейчас понять, осознают ли российские мусульмане свои интересы и как реализацию этих интересов направить на благо нашей страны.

Как и большинство российских граждан, мусульмане стремятся к физическому, духовному, интеллектуальному развитию, установлению в стране прочной стабильности. Российские мусульмане хотят реально участвовать в делах мусульман всего мира, поскольку чувствуют себя сопричастными с процессами, имеющими место в мировой умме, стремятся к консолидации российских организаций, к обеспечению адекватного представительства мусульман во властных структурах государства в местах их компактного проживания. Уверен, что абсолютное большинство российских мусульман хотят спокойно и достойно жить в родном государстве, иметь гарантированную возможность ходить в тот храм, в который они желают ходить, иметь право говорить и

¹ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001. С. 32 - 33.

читать на родном языке, соблюдать обычаи своих предков. Они только не хотят чувствовать себя чужими в государстве, гражданами которого являются. В «Концепции национальной безопасности РФ» отмечается, что «национальные интересы в духовной сфере состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны»¹. Это вполне актуально для мусульман и российских исламских организаций.

В указанных интересах нет абсолютно ничего нового или неизвестного. Нет в них и ничего вызывающего или опасного для государственных органов. Об этом говорят цифры, которые получены из Министерства юстиции РФ: более 3000 российских исламских объединений прошли перерегистрацию установленным порядком. А в «Концепции национальной безопасности РФ» записано: «Национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции РФ и законодательства РФ общественными организациями»². Мероприятия, проводимые Советом муфтиев России, регулярно посещают представители Администрации Президента РФ, аппарата Правительства РФ, Государственной Думы РФ, Московской мэрии, министерств юстиции, по налогам и сборам, образования, по делам федерации, национальной и миграционной политики. И мы благодарны работникам этих государственных структур, которые находят время и возможность слушать нас и решать вместе с нами наши проблемы.

Наличие интересов у российских мусульман, тем не менее, заставляет поставить и еще один вопрос: есть ли у российских исламских организаций собственная стратегия участия в укреплении национальной безопасности РФ? Пока мы находимся на путях ее выработки, но в том, что она нужна, у нас нет сомнений. Сегодня уже можно выделить несколько принципиально важных положений и направлений деятельности в целях укрепления безопасности России.

Во-первых, есть виды безопасности, где политические институты государства не в состоянии, как показывает наш отечественный опыт, справиться с серьезнейшими проблемами без участия общества. Я имею в виду социальную, экологическую, национально-культурную (или духовную) безопасность. Например, недавно к нам обратился Комитет Государственной Думы РФ по безопасности с просьбой высказать свои предложения по организации противодействия производству и распространению наркотиков. В том, что российские исламские организации могут решать эти проблемы, мы убедились на проводившемся в июне – июле 2000 года Советом муфтиев России

¹ Независимое военное обозрение. 2000. 14 – 20 января.

² Независимое военное обозрение. 2000. 14 – 20 января.

семинаре по вопросу «Роль исламских организаций в решении социальных проблем». Изданные материалы семинара служат хорошим подспорьем в работе как имамов и духовных управлений мусульман, благотворительных организаций, так и светских научных и учебных заведений.

По любым самым сложным и злободневным общественно-политическим проблемам, в том числе и в правовой сфере, мы плодотворно сотрудничаем с Комитетом Государственной Думы РФ по связям с общественными объединениями и религиозными организациями, Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и всегда находим с этими государственными структурами общий язык. С другими религиями мы активно и успешно ведем диалог в рамках Межрелигиозного совета. При этом всегда руководствуемся положениями Священного Корана: «Воистину Аллах не изменит положения людей, пока они не изменятся внутри себя»¹. По исламу, человек ответствен перед Творцом за свою земную жизнь, поэтому человек не имеет права не трудиться, зависеть материально от других. Все тексты Корана и Сунны проникнуты заботой о сиротах, стариках и бедняках. В этих источниках много положений, руководство которыми может стать основой здорового образа жизни, физически и морально здоровой семьи, препятствием для разводов.

Во-вторых, российские исламские организации могут очень многое сделать в вопросах духовного, нравственного и патриотического воспитания российских граждан, особенно молодого поколения. Вне всякого сомнения, религия продолжает оставаться основой нравственности. Поэтому мы ведем активную деятельность по воспитанию наших детей в духе исламского вероучения. В условиях отделения религии от государства мы имеем все потенциальные возможности для удовлетворения духовных потребностей общества, хотя и не скрываем, что нуждаемся в государственной и муниципальной поддержке. Об этом серьезно шла речь на Четвертом всероссийском семинаре руководителей духовных управлений мусульман в июле 2001 года, где рассматривался вопрос «Экономическое и финансовое управление религиозными и благотворительными организациями». Закон разрешает факультативно обучать детей религии в школах, медресе, и в этом вопросе у нас еще много нераскрытых возможностей, но и здесь возможен поиск путей государственной поддержки.

Мы полагаем, что совместно с государством обязаны принимать действенное участие (конечно, в рамках действующего законодательства) в социальных,

¹ Коран (13:11).

образовательных, благотворительных и гуманитарных программах ведущих традиционных конфессий страны. При этом полагаем, что государство нуждается в разработке концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения. Ныне и Администрация Президента РФ, и Правительство РФ заинтересованно обращаются к религиозным организациям и ждут от нас помощи в выработке такой концепции, поскольку религиозные организации имеют право формулировать ее религиозное обоснование.

В-третьих, существует большое количество вопросов, так или иначе связанных с вопросами государственной и военной безопасности в целом (и такими частными проявлениями, как вопросы терроризма, экстремизма), где российскому государству выгодно сотрудничать с отечественными религиозными организациями. Российские исламские лидеры всегда поддерживали усилия государства по наведению порядка в стране, проведению реформ, то есть действия, направленные на реализацию интересов российских граждан. Не могу не упомянуть о позиции, занятой СМР по вопросам «ваххабизма», о заявлении, сделанном после варварских террористических актов в Москве и Буйнакске. Представляется, что роль такой авторитетной организации, как Совет муфтиев России, будет расти, и мы готовы плодотворно сотрудничать с Советом безопасности РФ, военно-силовыми структурами (заключив соответствующие договоры) в целях активизации совместных усилий в борьбе с экстремизмом и терроризмом, возрождения и наполнения новым содержанием патриотического воспитания граждан страны, воинского воспитания российских военнослужащих.

Ислам рассматривает участие в защите Родины как патриотическую обязанность мусульманина. Для мусульманина не существует возможности отказа от службы в армии по религиозным мотивам, поэтому российские исламские организации совместно с государственными и военными органами могут готовить молодежь к службе в рядах Вооруженных Сил РФ. Теоретическим основанием такой совместной подготовки являются для российских исламских организаций слова Пророка Мухаммада: «Любовь к Родине – часть твоей веры». Поэтому в «Основных положениях социальной программы российских мусульман» Совет муфтиев России записал, что «защита Отечества, интересов государства, забота о его безопасности – одна из важнейших обязанностей человека перед Аллахом, дело благородное и достойное настоящего мужчины»¹.

Хочу быть понятым правильно: исламские религиозные лидеры ни в коем случае не пытаются «проникать» (как любят писать СМИ) в воинские коллективы. Но реальность

¹ Основные положения социальной программы российских мусульман. С. 38.

нашей жизни состоит в том, что при сохранении принципа всеобщей воинской обязанности в армейском строю находятся многие молодые мусульмане, нуждающиеся как в духовном окормлении, так и в воспитании их как защитников Родины, не слепо отбывающих тяжелую воинскую повинность, а достойно, с пониманием выполняющих свой воинский, гражданский и патриотический долг. Мы не считаем необходимым поднимать вопрос о военных священниках, однако понимаем, что воспитательная работа в армии нуждается в серьезном изменении и в новом духовном наполнении. Уверен, что российским имамам и муфтиям всегда найдется что сказать солдату и офицеру, да и генералу, а также солдатским матерям и вдовам.

Все вышесказанное не должно нарушать принципа равноудаленности государства и его силовых структур от всех конфессий. Отечественные исламские организации стремятся заключить договоры о сотрудничестве между Советом муфтиев России и военно-силовыми структурами РФ (МО, МВД и т.д.), тем более что прецедент в виде заключения договора между Русской Православной Церковью и Министерством обороны РФ уже создан. Пассивная позиция в этом вопросе в течение длительного времени руководства силовых структур не может не вызывать непонимания со стороны руководства исламских организаций и двадцати миллионов российских мусульман. Соблюдение основ светского государства должно исходить от органов государственной власти, которые могут более чутко относиться к религиозному фактору и никоим образом не подчеркивать свою приверженность той или иной религии. Дилемма в следующем: либо в частях, где служат мусульмане, к проведению различных мероприятий воспитательного, патриотического характера будут привлекаться отечественные исламские деятели наравне с православными священниками, либо в противном случае непонимание между исламскими организациями и силовыми структурами будет увеличиваться, а религиозный фактор будет превращаться в основу для межрелигиозного противостояния уже внутри Вооруженных Сил.

Правовое равенство верующих военнослужащих независимо от их конфессиональной принадлежности заключается не столько в механическом достижении принципа равнопривлеченности священнослужителей к различным мероприятиям, сколько в практическом обеспечении реальных возможностей удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих. Хотят того командиры и армейские воспитатели или нет, но они должны знать и учитывать, что правоверный мусульманин обязан совершать намаз в течение дня пять раз, в определенное время; что мусульманину запрещено употреблять в пищу свинину, а во время поста (уразы) принимать всякую пищу в светлое время суток. Хотя очевидно, что нынешний армейский

распорядок не может предоставлять в полной мере мусульманам такой возможности, и это ограничивает их права¹. Многие конфессии, в том числе и ислам, применительно к подобным экстремальным ситуациям имеют систему смягчения требований к своим последователям. Поэтому вопрос состоит в том, чтобы сами верующие военнослужащие сочли для себя возможным воспользоваться таким положением. Помочь им в этом могли бы наряду с информированными командирами и воспитателями их духовные наставники.

В-четвертых, мы будем поддерживать отношения с международными исламскими организациями, деятельность которых признана во всем мире и не противоречит международным нормам и отечественному законодательству. Цели этих организаций, как правило, прозрачны и направлены на предоставление информации о жизни мусульман всего мира, просветительство об исламе, оказание помощи в гуманитарных областях. Пусть не все у этих организаций получается так, как хотелось бы, но для нас они делают много важного и полезного, переводя на русский язык книги, являющиеся сокровищницей мировой мусульманской мысли, помогая в становлении исламских учебных заведений, в подготовке высокообразованных имамов. Разумеется, если будут получены проверенные сведения о том, что какие-либо зарубежные организации занимаются противозаконной деятельностью, мы не будем контактировать с такими организациями.

Еще раз подчеркну, что российская умма категорически осуждает террор и экстремизм, поддерживала и будет поддерживать усилия российских властей по пресечению варварских террористических актов против гражданского населения. Реализуя это положение, СМР принял Заявление от 16 сентября 1999 г. с осуждением террористических актов в Москве и Буйнакске², а также Заявление от 30 июня 2000 г. Мы не поддерживали и не будем поддерживать отношений с теми организациями, которые, прикрываясь исламской терминологией, пытаются реализовывать политические цели. Так, 2 августа 2001 г. принята консолидированная позиция Совета муфтиев России по вопросу ваххабизма. Ее основные положения:

- Совет муфтиев России выступает за территориальную целостность и духовное возрождение многонациональной и поликонфессиональной России, за создание экономически мощного и политически стабильного государства, против любых проявлений сепаратизма и радикализма;

- Совет муфтиев России, руководители республиканских и региональных духовных управлений мусульман поддерживают усилия Президента России В.В. Путина, направленные на стабилизацию государственно-конфессиональных отношений в нашей

¹ Подробнее см.: Юскаев Н.Х. Некоторые проблемы обеспечения равенства прав военнослужащих – последователей различных религий // Религия и право. 1998. № 4 – 5. С. 27.

² См.: Религия и право. 1999. № 4 – 5. С. 28.

стране, на обеспечение всем верующим и религиозным организациям возможности для реализации конституционного права на свободу вероисповедания. Эта политика пользуется уважением миллионов верующих граждан и поддерживается ими;

- Совет муфтиев России осуждает все формы терроризма в любых его проявлениях, включая и религиозные, и выступает против экстремистски настроенных фанатиков и радикальных организаций, в том числе и именуемых «ваххабитскими». Своими действиями эти так называемые «борцы за чистоту ислама» несут раскол в общину российских мусульман, оскорбляют и разрушают сложившиеся на протяжении веков мусульманские традиции, дестабилизируют сложившиеся государственно-исламские отношения и в целом обстановку в обществе, способствуют распространению ложных представлений об исламе¹.

Совет муфтиев России готов к сотрудничеству с государственными органами РФ в деле духовного оздоровления обстановки в нашем обществе и недопущения религиозной вражды и ненависти. Мы активно реагируем на последние события внутри страны и за ее пределами, влияющие на состояние безопасности в России. Так, в Заявлении Совета муфтиев России в связи с началом военного нападения США на Ирак, мы записали, что «Совет муфтиев России поддерживает взвешенную политику Президента России В. В. Путина, назвавшего военную акцию против Ирака "большой политической ошибкой" и заявившего, что Россия "настаивает на скорейшем прекращении военных действий" и решении проблемы "на основе резолюций Совета Безопасности ООН". Такова наша позиция и мы будем всячески участвовать в совместной с государственными и общественными структурами России в обеспечении безопасности нашей страны.

**А.К. Дегтярев,
И.А. Дьячук**

НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ МИГРАЦИИ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Можно согласиться с ведущим экспертом в сфере национальной безопасности Л.Г. Ивашовым, что этноэгоизм, этноцентризм, неконтролируемая миграция относятся к угрозам национальной безопасности России (1, с. 38). Тем не менее, анализ направленности, социальных и социально политических последствий неконтролируемой миграции относится к так называемым деликатным темам, где исследователю приходится проделывать путь на «минном поле» обвинений в расизме, нагнетании ксенофобии со

¹ См.: Позиция СМР по вопросу ваххабизма. С. 1.

стороны правозащитных структур. Есть большой риск навлечь гнев этнонационалистов, чьим кредо является лозунг «Россия для русских». Иными словами, проблема неконтролируемой миграции настолько мифологизирована, настолько освоена различными политическими силами для извлечения политических и пропагандистских дивидендов, что требуется немалая исследовательская смелость, чтобы адекватно выявить роль неконтролируемой миграции в дестабилизации внутривнутриполитического развития России.

Отстраненность от ставшей социальным и политическим риском для российского общества проблемы отдает ее на откуп политическому экстремизму и обыденному сознанию, имеющему инфернальные представления о причинах и характере миграционных процессов. Альтернативная культура толерантности эффективна только в социально-интеграционных механизмах, обеспечивающих включение приемлемого числа мигрантов в активную социальную и социально-политическую жизнь. Толерантность напоминает «троянского коня» в условиях отсутствия какой-либо ясной и последовательно миграционной политики, паллиативных мер, способных в лучшем случае «приглушить» ксенофобию и регулировать миграцию отдельных этнонациональных и социально профессиональных групп.

В России, по сведениям Министерства внутренних дел, находится от 2 до 10 млн. нелегальных эмигрантов, граждан других государств или лиц без гражданства, которые имеют просроченные визы или не зарегистрированы по месту пребывания, занимаются на иллегальных основаниях трудовой или иной деятельностью на территории РФ. Россия не является первопроходцем в решении проблем неконтролируемой миграции: ежегодно до 3 – 5 млн. выходцев из Африки, Юго-Восточной Азии, Индостана, Латинской Америки стремятся обрести постоянное место жительства в странах так называемого «золотого миллиарда». Миграция, перемещение больших масс людей в поисках работы, достойных условий жизни, безопасности, присуща процессу глобализации и относится известным социологом Э. Гидденсом к рискам высокой современности.

Миграция не может быть охарактеризована однозначно. Миллионы «гастарбайтеров», рабочих из Турции, Югославии, Греции своим трудом внесли значительный вклад в германское экономическое чудо 60-х годов XX века, миллионы новых эмигрантов поддерживают мощный экономический и интеллектуальный потенциал США. Но миллионы эмигрантов до неузнаваемости изменили облик европейских городов, привнося в культуру «расчета, трудолюбия и индивидуализма» элементы нетерпимости к либеральным традициям и социокультурного изоляционизма. Проблемой для Франции, Великобритании, Бельгии становится нежелание значительной части эмигрантов

интегрироваться в общество-реципиент на условиях принятия современной политической культуры и включения в гражданскую нацию. Большую угрозу представляет распространение криминальных эмигрантских анклавов, связанных с «черным» бизнесом, контрабандой, наркоторговлей, проституцией, экономическим рабством. Опыт западноевропейских государств и США убеждает в том, что можно получить как весомый экономический и социальный выигрыш, стабилизировать экономический рост и развитие плюралистической демократии, но при не-контролируемой миграции втянуться в череду социальных и политических конфликтов. Этого не избежали даже общества с демократическими традициями и эффективными институтами социализации и интеграции.

Неконтролируемая миграция в России началась с распадом Советского Союза и понадобилось более десятилетия, чтобы государственные органы и общественные структуры хотя бы наметили подходы к оценке этого внутреннего фактора российской жизни. С трудом принятая система регистрации мигрантов содержит уведомительные процедуры и не может даже приблизительно считаться механизмом нормативного регулирования миграции, ее поощрения или ограничения. Впрочем, звучат голоса об этнической дискриминации, о неэффективности в условиях коррумпированности правоохранительных органов вмешиваться в процесс миграции. Миграция, по заявлению одного из лидеров СПС Б. Немцова, является абсолютным благом для России, так как восполняет потери от катастрофической депопуляции и способствует формированию мультикультурального общества западного типа. Есть основания не воспринимать подобную позицию, как обладающую убедительной аргументированностью. Ежегодно население убывает в пределах 800 тыс. – 1 млн. чел. Конечно, наблюдается как процесс старения населения (сейчас каждый четвертый россиянин – пенсионер), так и сокращение средней продолжительности жизни (социальный шок, кризис системы здравоохранения, наркомания, алкоголизм, суициды). Но по самым скромным подсчетам ежегодно Россию покидают 150-250 тыс. чел., в большинстве (80%) безвозвратно. Люди активного социального возраста (25-40 лет), в основном высококвалифицированные рабочие, инженеры, научные работники. Таким образом сокращается воспроизводство профессионального, образовательного, культурного потенциала и, соответственно, ресурсы для рывка с позиции периферийной сырьевой державы. Если бы даже через 5-10 лет «заработала» экономика, дефицит инженерно-технических и научных кадров стал бы мощным, а может быть и непреодолимым препятствием на пути экономического роста.

Миграция в России не компенсирует потери от оттока российских граждан за рубеж. Из 10 млн. нелегальных мигрантов только 10 – 15 % составляет традиционная трудовая

миграция. Жители Украины, Молдавии, Таджикистана в основном заняты в строительстве, дорожных работах и коммунальном хозяйстве российских модернизированных мегаполисов (Москва, Санкт – Петербург). Однако, 90% нелегальных мигрантов оседают в сфере торговли и посреднических услуг, где безусловное лидерство принадлежит китайской и азербайджанской диаспорам (на территории России проживает более 3 млн. азербайджанцев, из них 80% - нелегально). В основном это молодые мужчины с низким образовательным статусом (начальное или неполное среднее образование), не имеющие современных профессиональных навыков, выходцы из сельских или депрессивных районов. Ежегодно нелегальные мигранты вывозят из России 25 – 30 млрд. долларов, что составляет треть российского бюджета. Социально – экономические позиции мигрантов, низкие профессиональные навыки, архаичная субкультура и слабое владение русским языком делают маловероятным их участие в модернизации социально – экономической инфраструктуры. Непроизводительный характер деятельности большинства нелегальных мигрантов, организация теневого бизнеса усиливают тенденцию демодернизации российской экономики, необратимого распада на узкий экспортный сектор с избирательным применением передовых технологий и примитивную «базарную» экономику, благодаря которой существуют миллионы людей в так называемых «третьем» и «четвертом» мирах.

Представление о якобы присущих мигрантам деловитости и рыночного мышления, в чем и есть залог преуспеяния по сравнению с местным населением, не выдерживает критики: высокопрофессиональные и высокообразованные слои российского населения, ориентированные на современную экономику, проигрывают мигрантам в правовом абсентеизме, тактике сговора и готовности к сомнительным коммерческим операциям. Именно доминирование теневой экономики делает Россию «меккой» неконтролируемой миграции, а группы риска, которые наживают экономический капитал на состоянии социальной неопределенности, всячески противодействуют введению контроля над миграцией как условием перехода к устойчивому экономическому развитию.

Неконтролируемая миграция кардинально деформирует геополитическое пространство России: на южном и восточном направлениях геополитические разломы содержат непосредственную угрозу территориальных потерь. Активная колонизация Дальнего Востока и Сибири выходцами из Китая при ежегодном сокращении местного населения на 300 – 400 тыс. делает вероятной китайскую «мирную» аннексию». К 2015-2020 гг. китайская диаспора при сохранении нынешней социально-демографической тенденции будет составлять половину населения на территориях к востоку от Урала. Нетрудно догадаться какие перспективы ожидают Россию, если учитывать два фактора: к

этому периоду Китай войдет в тройку мировых экономических и военных лидеров и «хуацяо» (этнические китайцы) продемонстрируют преданность своей исторической родине. В Южно - российском регионе неконтролируемая миграция приводит к борьбе между геополитическими субъектами Россией и соседними региональными державами (Турция, Иран, Саудовская Аравия). Так как среди нелегальных мигрантов велика доля исламских этносов (азербайджанцев, курдов, турок – месхетинцев), борьба разворачивается ни сколько за обладание природными ресурсами, сколько за утверждение религиозно-фундаменталистского образа жизни и антироссийской политической культуры. Если полагать, что «Геополитическая экспансия в кавказском направлении была вызвана важнейшей потребностью для России нейтрализации на Кавказе и сопредельных с ним регионов угроз» (1, с. 139), то роль Кавказа как естественного оборонительного рубежа России, очевидна. В условиях вытеснения русского населения, формирования нового сообщества с культурными политическими установками на связи с зарубежным исламским миром возможен наихудший геополитический сценарий. Не стоит забывать, что трагедия югославского населения Косово началась в уже далеких 50-х годах XX века с безответственного решения И.Б. Тито предоставить право на жительство 200 тыс. албанских нелегальных мигрантов.

В социально-политическом плане миграция «без границ» тормозит формирование правового государства и гражданского общества, общественно-политической стабильности. Авторитетный исследователь проблем гражданского общества Э. Геллнер пишет: «такое (гражданское) общество по-прежнему структурировано – это ни какая-нибудь вялая, атомизированная инертная масса, - но его структура подвижна и легко поддается рациональному совершенствованию» (2, с. 109). Нелегал относится к традиционному сегментированному обществу: он способен добиться успеха в рамках строгих культурных различий. Логика «перемены профессии и изменения социокультурной идентичности» ему чужда и непонятна. Член гражданского общества адаптируется к новым рыночным условиям и готов переместиться в любой сектор социальной деятельности, мигрант выживает в специфических хозяйственных и социальных условиях, в собственной неконкурентной среде. Иными словами неконтролируемая миграция воспроизводит традиционное общество, автакичное по социальным и политико-правовым параметрам. Когда правозащитные организации поддерживают требования мигрантов, чтобы их оставили в покое, под опеку берутся не современные гражданские ассоциации, а внесистемные группы с доминированием частного нормативного порядка клана или конфессиональной общности.

Неконтролируемая миграция молчаливо одобряется политическими субъектами с различным политическим капиталом. Правящий политический класс часто видит в существовании нелегальных мигрантов удобный объект перекалывания ответственности за ухудшение социальной ситуации. Показательно, что претендующая на роль правящей партии «Единая Россия» регулярно заявляет о необходимости контроля над миграцией: миграционная «карта» будет разыгрываться в преддверии парламентских выборов 2003 г. в связи с сложностями в экономическом развитии и недостаточными сдвигами в социальном положении миллионов россиян. Отсутствие правовых механизмов контроля над миграционными процессами выгодно и государственной бюрократии: речь идет о существенном источнике доходов от теневого бизнеса и расширении не правовой компетентности на основе должностных инструкций. Мощное мигрантское лобби, благодаря нелегалам, имеет латентный ресурс влияния на настроения легальных мигрантов: любые правовые новации в сфере миграционного контроля нередко трактуются как ущемление прав этнических меньшинств. В результате легальные мигранты вынуждены обменивать достигнутый социальный статус на прескриптивный этнический: политический выбор навязывается линией на поддержку прав «обиженных» соотечественников.

Неконтролируемая миграция способствует политической маргинализации населения, в чем мы можем убедиться на примере президентских выборов во Франции, когда 20% добропорядочных граждан отдали голоса националисту Ж. Ле Пену. Возможно, большинство испытывали стыд за выбор худшего, но большее раскаяние должна испытывать политическая элита (голлисты и социалисты), когда целые районы и городские кварталы живут по законам шариата и дело доходит до дискриминации французских граждан в сфере обслуживания, предоставления работы, досуга. В России наблюдается тенденция возрастания влияния политического экстремизма в регионах, подвергшихся неконтролируемой миграции. РНЕ, Русский собор, другие националистические организации спекулируют на фобиях населения и реальных проблемах, предлагают опасный план депортации «чужаков» и, если 20-25% граждан, пусть с оговорками, но одобряют насилие в решении миграционных проблем, это угроза национальной безопасности России, нарастания политической напряженности в обществе и вероятности иностранного вмешательства во внутренние дела России. На Кубани в 90-е годы резко возросло влияние регионального сепаратизма: некоторые лидеры казачьих структур эксплуатировали тему противодействия неконтролируемой миграции с целью предстать истинными защитниками интересов местного населения в отличии от соглашательской и индифферентной политики Центра. Неконтролируемая миграция

подвергает испытанию политическую стабильность переводом политики из сферы конкуренции и согласования различных политических позиций в арену борьбы за перераспределение властных ресурсов. Динамика политической жизни на Ставрополье и Кубани показывает, что усиливается влияние на политику этнических диаспор с целью добиться политико-правовых преференций. Это вызывает ответную реакцию старых региональных элит, которые прибегают к этноконфликтной модели политических отношений для сохранения и упрочения политического влияния. Политический и этнический сепаратизм существенным образом ограничивают функциональность сложившихся социальных, правовых и политических институтов.

Снижение интеллектуального, образовательного, духовно-нравственного потенциала деструктивно влияет на состояние национальной безопасности. Ксенофобия, изоляционизм характерны для общества, разделенного на группы с автономными социальными и культурными ценностями. Модный тезис мультикультуральности более адекватен в иммигрантских сообществах (США или Тринидад-и-Тобаго). Российская цивилизация выработала традиции совместного проживания народов. Различия с толерантностью состоит в интеграции при сохранении собственной этнокультурной идентичности, «единстве в многообразии». Толерантность предлагает одобрение и поощрение индивидуального выбора и персонифицированных версий культуры и религии (3, с. 51). Так, что можно использовать принцип толерантности в защите индивидуальных прав, но его перенесение на коллективные идентичности фактически означает законность претензий на государственные и социальные ресурсы с целью усиления культурных различий между местным населением и мигрантами.

Неконтролируемая миграция является причиной снижения качества государственного языка. «Пиджинизация» русского языка в бытовом общении связана с языковыми контактами местного населения и нелегальных мигрантов, выходцев из стран дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам) или регионов бывшего Советского Союза с низким русско - местным двуязычием (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан) (4 с. 123). Следует учитывать, что подавляющее большинство нелегальных мигрантов являются убежденными носителями материнского языка, то есть не готовы к функциональному овладению языком общества – реципиента, что радикально отличается от культурно-языковой интеграции легального мигранта. Давление ненормативной лексики в русском языке во многом определяется засильем торговцев из дальнего и ближнего зарубежья на вещевых и продовольственных рынках: часто мигранты считают, что именно использование инфернальной лексики демонстрирует возможности самообороны и поддержания собственного достоинства. Неконтролируемая миграция содействует

культурной деградации местного населения, позволяет выдвинуться на лидерские позиции носителям девиантных субкультур с языком «угроз и дистанцирования» (скинхеды).

Социокультурная агрессия некоторой части нелегальных мигрантов вызывает рост недоверия к институтам власти. Вероятно, абстрактно-правовые установления сужают сферу духовной близости (5 с. 202), но символическое противопоставление предпочтительнее реальной «войны всех против всех» в условиях возвращения общества к примордиальным групповым идентичностям. Система национальной безопасности России только формируется и ее первоочередная задача – обеспечить позитивную динамику общественно-политического развития и одновременно не скатиться на позиции глухой обороны и тотальной подозрительности к остальному миру. России в решении проблем неконтролируемой миграции, используя опыт наших соседей по европейскому континенту, полезно опираться на согласие основных социальных групп и слоев и традиции полиэтнической российской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Ивашов Л.Г. Россия или Московия. М., 2002
2. Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995
3. Алпатов В.М. 150 языков и политика. М., 2000
4. Уолцер М. О терпимости. М., 2000
5. Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002

Ю.В. Кокин

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: КРЫМСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время Российская Федерация сталкивается с целым рядом геополитических вызовов, которые угрожают ее существованию как суверенной державы. Один из наиболее важных участков геополитического противостояния России и ее противников - Черноморский регион, центром которого является Крымский полуостров.

Историческая справка. 19 февраля 1954 г. Указом Верховного Совета СССР из состава РСФСР была выведена и передана в состав УССР Крымская область. 29 октября 1948 г. Указом ВС СССР город Севастополь был выведен из состава Крымской области и отнесен к категории городов республиканского подчинения. Передача Крыма

производилась в рамках празднования 300-летней годовщины воссоединения Украины с Россией и должна была служить символом нерушимого союза двух братских народов.

Развал СССР превратил фарс в трагедию: сотни тысяч русских жителей полуострова оказались оторваны от своей исторической родины. Украинское руководство безапелляционно заявило о принадлежности Крыма (вместе с Севастополем) Украине, российские лидеры молчаливо согласились с утратой региона, имеющего стратегическое значение.

Несмотря на то, что сегодня на Крым распространяется суверенитет Украины, полуостров занимает центральное место в стратегических расчетах по обеспечению безопасности Российской Федерации на юго-западном направлении. Важность и актуальность крымской проблемы обусловлена целым рядом геополитических и экономических факторов, наличием многочисленной русской диаспоры на полуострове, наконец, самой историей.

Крымский вопрос является многоаспектным. В рамках настоящей статьи мы планируем рассмотреть следующие аспекты, так или иначе затрагивающие проблему обеспечения национальной безопасности России: 1) положение русского населения полуострова и межнациональная ситуация в Автономной республике Крым (далее: АРК); 2) статус Черноморского флота и военнослужащих РФ в Крыму и геополитическая обстановка в Черноморском регионе; 3) экономическая и политическая ситуация в АРК.

1. События 1991 г. превратили русскую нацию, крупнейшую в Европе, в национальное меньшинство в бывших союзных республиках, где русские по численности мало уступают титульным нациям. С приходом к власти в республиках националистических правительств русские испытывают все возрастающее давление, проявившееся в различных формах. В данном случае это – нарастающий с каждым годом процесс украинизации, который в русском - и в языковом, и в этническом плане – в Крыму проходит наиболее болезненно. Границы оторвали 1,6 млн. русских жителей полуострова от исторической родины - России. Трагедия усугубляется тем, что Россия, по сути, оставила на произвол судьбы своих соотечественников. Положение несколько - хотя и малозаметно - изменилось в 1999 г., когда был принят Федеральный закон Российской Федерации «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом». Впервые была предпринята попытка на государственном уровне заявить о существовании проблемы и подвести правовую базу под ее решение. Принятый законодательный акт можно расценивать как прецедент, который со временем может стать одним из правовых источников формирования новой государственной политики в данном направлении. При этом в расчет должны браться такие факторы, как реальное

положение русских диаспор в странах СНГ и национальная политика новообразовавшихся государств.

В сознании русской общины Крыма сохраняется представление о России как сильнейшей военной державе, правопреемницы СССР. Русские жители полуострова осознают себя россиянами, а будущее своей семьи и республики в целом связывают с Россией. Это проявляется и в бытовых мелочах: так, гривну называют рублем, победу российской сборной приветствовали как «нашу победу», изобретение нового образца оружия воспринимали как усиление собственной мощи и т.д. Тема союзного государства широко обсуждается во всех слоях крымского общества. Отметим, что кредит доверия населения Крыма к России, к концу правления президента Ельцина значительно подорванный, в настоящее время стремительно растет. Начало президентства В.В. Путина крымские соотечественники восприняли с надеждой, что «сильный Путин» даст понять Киеву, как нужно вести в Крыму политику в отношении к русскому «национальному меньшинству», к русскому языку и культуре, российским организациям и движениям.

Нынешнее российское руководство должно использовать максимум возможностей для оказания давления на Киев в целях пересмотра традиционной для последнего национальной политики, которая может быть выражена формулой «Национальное большинство - национальные меньшинства». Правовым основанием этой политики служит выдержанный в этнократических тонах закон «О национальных меньшинствах Украины», в котором прямо указывается, что все неукраинцы являются национальными меньшинствами. Между тем, подобное упрощение не соответствует действительности. Согласно переписи 1989 г. и предварительным данным переписи 2002 г. в новообразованном государстве существуют два национальных большинства: 36,8 млн. украинцев (72,8 %) и 11,3 млн. русских (22,1 %). (В Крыму этнические украинцы составляют 620 тыс., русские же - 1,6 млн.). Другой важнейший фактор - сохраняющееся огромное влияние русской культуры на Украине, подавляющее большинство населения которой говорит на русском языке. В АРК русский язык считают родным 83 % населения, в Донецкой области - 87 %, а в Луганской - более 90 %.

Несмотря на это подавляющее численное превосходство русского населения Крыма над украинским, киевское и послушное ему крымское руководство проводят курс на украинизацию полуострова. Это четко проявилось в 1998 г. при принятии новой конституции АРК. Глава ВС АРК Л. Грач (которого в российских СМИ безосновательно называют лидером пророссийских сил в Крыму) первым поддержал содержащуюся в проекте конституции статью об украинском языке в качестве единственного государственного языка на территории автономии. Русский язык окончательно утратил

свой прежний статус. Представительством президента Украины в Крыму со ссылками на новую конституцию АРК ставится вопрос об отмене закона республики Крым об образовании, что лишает русских и русскоязычных крымчан права защищать свои права в этой сфере. Ограничивается русскоязычное информационное пространство; в Крыму резко сокращена трансляция ОРТ, РТР и других каналов российского телевидения. Почти полностью прекращена трансляция российских радиопередач. Украинские СМИ, в частности, газета «Голос Крыма» (официоз Верховной Рады Украины), развернули кампанию по разжиганию межнациональной розни, ненависти к русским и России. Аналогичную позицию занимают газеты «Флот Украины», «Дзвін Севастополю» и другие. В ряде случаев украинские власти используют такие методы борьбы с русскими, которые иначе как фашистскими не назовешь. Так, для русских школ г. Севастополя правительство Москвы с 1994 по 1997 г. выделило 800 млн. руб. для закупки российских учебников. Эти учебники были изъяты и сожжены (газета «Российская община Севастополя», 1997, № 1). В настоящее время идет кампания по выполнению директивы Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания, обязывающей все теле- и радиокomпании с июля 2002 года перейти на ведение программ исключительно на украинском языке (газета «Русский Крым», 2002, № 30). Данное решение, имеющее явно дискриминационный характер, нарушает статьи 10, 11, 24 Конституции Украины, где сказано, что государство гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского языка, запрещает любую дискриминацию граждан, в том числе, по языковому признаку.

Таким образом, несмотря на все заверения о дружбе и братстве с Россией со стороны украинского руководства, Киев не заинтересован в проведении справедливой национальной политики. Более того: используются все возможности для борьбы с так называемым «русским фактором». (Под последним мы понимаем систему взглядов, особенность сознания большей части крымского общества). В условиях Крыма одним из наиболее действенных механизмов проведения антирусской политики Киева является крымско-татарский фактор, который давно уже перестал быть частью исключительно крымской и даже украинской внутренней политики.

Идея об использовании крымско-татарского движения для нейтрализации позиций России в Крыму впервые была озвучена на нашумевшем совместном чрезвычайном заседании Совета обороны и безопасности и Всеукраинского конгресса и комитета обороны правительства Украины, происходившем в Киеве 7 сентября 1993 г. На заседании с участием руководства Национальной гвардии Украины и практически всех государственных структур присутствовали в качестве почетных гостей руководители

УНА-УНСО, ОУН-УПА, Руха,. Тогда в своей речи к собравшимся президент Кравчук заявил: «Мы должны объединиться против могущества России. Только тогда она и ее президент будут управляемы нами. Министерству обороны, Национальной гвардии, СБУ, МВД необходимо самым решительным образом взяться за проблему Крыма, Севастополя и ЧФ. Мы наконец должны устранить эту головную боль. Указанным ведомствам разрешаю делать все возможное, что может пошатнуть влияние России в этом регионе. Активнее нужно использовать крымско-татарское движение» (Правда. 1993 г. 15 сентября). В то время это движение еще не имело реальной силы, но в настоящее время от него исходит серьезнейшая опасность стабильности в регионе. Украинские власти пытаются - и небезуспешно - противопоставить русских украинцам и татарам. В этом плане националисты в Киеве находят широкую поддержку у руководящей верхушки татарской общины, для которой ущемление интересов русского населения Крыма означает укрепление собственных позиций. Так, в ходе выборов в Верховную раду Украины 2002 г. сторонники В. Ющенко и его блока «Наша Украина» устраивали в Киеве митинги под лозунгами «Лучше Крым татарский, чем москальский». В свою очередь, националистические газеты крымских татар (например, «Адалет») представляют Украину в качестве колонии России, доказывают существование исконной дружбы между украинцами и татарами, прославляют силу и доблесть крымско-татарских вооруженных сил, неоднократно сжигавших Москву, другие русские города. Русские объявляются грабителями и оккупантами, виновными в развязывании геноцида крымско-татарского народа. Опираясь на поддержку властей, меджлис (наиболее влиятельная националистическая организация крымских татар) и его лидеры Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров переходят к организации массовых акций политического характера. Так, на митинге 18 мая 1996 г. в г. Симферополе было принято обращение к президенту и правительству Украины с требованием законодательно установить такое гарантированное представительство татар в Верховном Совете Автономной республики Крым, которая позволила бы им реально взять власть в свои руки («Российская община Севастополя», 1996, № 11). На тот период по настоянию Киева в ВС АРК заседали 14 крымских татар, что составляло 15 % от общего числа депутатов. И это при том, что крымские татары составляют 10 % населения полуострова, а их доля в создании трудового дохода крымского народа намного меньше 10 %. Однако даже при таком раскладе 15 % мест в ВС АРК меджлис не устраивает, и в настоящее время одним из его основных требований является выделение 50 % процентов мест в парламенте. Вторую же половину предлагается поделить поровну между другими национальностями, населяющими Крым. Таким образом, получается, что 75 % русского населения полуострова должны иметь в

парламенте 15-20 %. Аргументацией этих требований служит утверждение, согласно которому русские живут не на своей земле, а на татарской. Крымские же татары являются коренными жителями полуострова.

Отдать власть в руки татар - основное, но не единственное требование меджлиса. Из многочисленных социально-экономических требований выделяются следующие: дать право возвращающимся в Крым татарам по их усмотрению поселиться на уже занятой другими территории, восстановить топонимику Крыма в том виде, какой она была 50 лет назад, создать «максимум реального возмещения материального и морального ущерба», причиненного крымско-татарскому народу, причиненного в ходе депортации и последующей дискриминации. Подразумевается, что возместить этот ущерб должны русские, а Киев должен помочь заставить их сделать это. Отметим, что татары в большинстве своем настроены против России и русских, что обуславливается поддержкой официальных властей и исламистской идеологией.

Неотъемлемая часть последней - поддержка целей и действий чеченских сепаратистов в их борьбе против России. Д. Дудаев воспринимается в среде крымских татар как национальный герой, павший за веру, и помощь чеченским боевикам - вклад в общее исламское дело. Уже давно в среде украинской, российской и крымской общественности ходят слухи о существовании в горах Крыма центра вербовки и подготовки боевиков для ведения боевых действий против федеральных войск в Чеченской республике. По имеющейся информации, в районе г. Старый Крым (большинство населения - татары) существует некий «Центр воинов ислама» группировки «Адалет». В интервью корреспонденту передачи «Совершенно секретно» (июль 1998 г.) М. Джемилев публично признал факт подготовки людей в Крыму для участия в боевых действиях в Чечне. Но официальный Киев все это опровергает, не желая вызвать законные обвинения. Не стоит забывать и о том, что в Чеченской республике на стороне сепаратистов воевали боевики УНА-УНСО, которых объединяет с крымскими наемниками ненависть к общему врагу.

Отношение крымских татар к чеченским боевикам проявляется и в принятии детей «бойцов за веру» на период военных действий: в первую кампанию - около 500 детей, во вторую - точно неизвестно. Территория размещения - гг. Алушка, Алушта и др. крымско-татарские населенные пункты на побережье. (Сведения получены из личных бесед автора с крымскими татарами, которые говорят об этом с гордостью). Для России подобное положение дел весьма опасно, так как реальных возможностей борьбы с этим фактором на данном этапе она не имеет. Официальный Киев такую информацию либо опровергает, либо оставляет без внимания. Между тем русское население всерьез обеспокоено

возрастающей активностью татар, которая выливается в действия явочного характера: создание отрядов самообороны аскеров, обществ помощи чеченскому народу, получающих средства от Турции, незаконные захваты и дележи земли и др. В настоящее время самозахваты земли крымскими татарами стали вопиющим фактом, проводимом при потворстве властей. Это приводит к серьезным осложнениям межнациональных отношений. Наибольшую известность получил конфликт в селе Морском Судакского района 15 января 2003 г., где ранее (в 2001 г.) уже происходили столкновения между славянами и татарами из-за слома последними православных крестов. Но если первый конфликт в селе Морское властям удалось скрыть от широкой общественности, то во втором случае этого не произошло, поскольку татары захватили российские земли. Конфликт был связан с выделением властями села участка земли площадью 1 га руководству московской фирмы «Центр-книга» (организация, осуществлявшая выпуск учебников по заказу Ю. Лужкова для московских школ Крыма) для строительства оздоровительного комплекса. Представители татарского населения села Морское выступили против выделения россиянам земли, которое охарактеризовали как разбазаривание «их» земель. В сентябре 2002 г. ими были построены на отведенном участке 22 дома из 24 по плану под собственные мини-пансионы. Русские жители села с сентября 2002 г. требовали ликвидации татарских построек. 13 января 2003 г. сессия поссовета приняла решение о сносе домов, которое крымскими татарами было проигнорировано. 15 января недовольство русского населения вылилось в силовую попытку выполнить решение суда о сносе построек, в ходе которой было тяжело около 20 крымских татар. Осуществили силовую акцию члены казачьих формирований из окрестных населенных пунктов. 16 января около 600 татар пришли на митинг, организованный меджлисом под лозунгом «Прекратить разбазаривание наших земель!», ликвидации казачьих формирований, принимавших участие в избиении. В противном случае они угрожали созданием собственных вооруженных отрядов для борьбы с казаками. К месту конфликта были стянуты крупные силы внутренних войск Украины, которые разъединили враждующие стороны и не допустили дальнейшего распространения конфликта, перевели его в правовое русло. Однако снос татарских домов был приостановлен. Налицо незаинтересованность властей в предоставлении земли инвесторам из России. Глава поссовета Л. Крысов, принявший решение о выделении земли, стал объектом беспощадной критики (газета «Кафа», 2003 г., №№ 7,10; «Провинция», 2003 г.,; 5 и др.).

Общеизвестно также, что татарская община служит проводником проникновения турецкого влияния на полуострове, получает серьезную финансовую и экономическую

поддержку со стороны Анкары. Выделяются крупные средства на строительство жилья для репатриантов-татар, на подставных лиц татарской национальности ведется скупка земли на побережье, оттесняя русских в глубь Крыма, на неплодородные земли. Тем самым татары, а через них Турция, стремятся прибрать к рукам наиболее рентабельную сферу крымского хозяйства - рекреационную. Хочется отметить, что при приобретении земли представители 300-тысячной общины крымских татар, пользуясь статусом репатриантов, находятся в более привилегированном положении, чем представители славянских народов. В качестве примера приведем данные о выделении земли в селе Морском Судакского района. За последнее десятилетие выделено населению 394 участка, из них 298 - крымским татарам. В селе проживают 2,5 тыс. человек, из них лишь 500 - крымских татар. В целом на одного татарина приходится 1,7 участка земли, а на 20 русских - 1 участок земли. Приведенная картина отражает ситуацию в Крыму в целом. Крымское и, тем более, киевское руководство не замечает или не хочет замечать опасность усиления татарских интересов на полуострове. Более того: для киевских властей требование татар «не разбазаривать их землю» весьма удобно, так как позволяет не допустить возможность приобретения земельной собственности российскими гражданами, что несомненно упрочит положение российских собственников.

Власти продолжают не замечать возрастающих аппетитов татар, которые после 1996 г., когда по всему юго-западу - юго-востоку Крыма прокатились массовые столкновения русских и татар, почувствовали свою безнаказанность. Меджлис стал выразителем устремлений наиболее амбициозной части крымско-татарской общины.

Однако необходимо отметить, что крымско-татарское движение неоднородно и представлено двумя крупнейшими организациями: Меджлис и Национальное движение крымских татар (НДКТ). Лидер последнего, Васви Абдураимов, отстаивает идею славяно-тюркского единства в Крыму, говорит о перспективе создания новой народности, придерживается ориентации на создание республиканского патриотического движения на базе различных партий и общественных организаций. К числу приоритетов движения можно отнести поддержку интеграционных процессов, направленных на создание союзного государства России, Украины, Белоруссии, других республик бывшего СССР. НДКТ резко отрицательно относится к панисламистской идее, которую эксплуатирует меджлис. Усиление Турции в Черноморском регионе она воспринимает как угрозу интеграционным процессам России, главного гаранта стабильности всего региона. По словам В. Абдураимова, те, кто ощущает себя крымскими турками, должны переселиться в Турцию, а в республике должны остаться крымские татары, осознающие необходимость мирного сосуществования со славянами (газета «Житуха», 1996, № 9).

1. Можно констатировать, что на начало XXI в. межнациональная обстановка в АРК далека от стабильной и характеризуется, прежде всего, ущемлением интересов наиболее многочисленной национальной общины полуострова - русской. Экономические, политические и культурные третьей по численности общины - крымско-татарской - обеспечены на несколько порядков лучше, что вызвано политическими устремлениями Киева. В дальнейшем можно прогнозировать усиление кризисной ситуации в республике по линии межнационального противостояния между русскими и татарами.

2. Полуостров, помимо своего уникального геополитического положения, обладает также несомненным экономическим потенциалом. Большое значение для России имеет то, что Крым - важнейшей перевалочный пункт международной торговли со странами восточного и средиземноморского регионов. Ресурсный потенциал Крыма способен привлечь значительные инвестиции. На полуострове имеются значительные запасы газа (Азовское море), неглубоко залегающей железной руды (Керченский бассейн), обнаружены нефтяные месторождения (Керченский полуостров), золото (пос. Балаклава г. Севастополь), строительного известняка (г. Белогорск) и др. Но поистине неисчерпаемыми являются рекреационные ресурсы: уникальные сочетания климатов: континентального на севере и востоке, средиземноморского на юге и юго-западе, умеренно-континентального - на юго-востоке. Значительные запасы лечебных грязей, голубой и белой глины; развитая система рекреационного хозяйства и другое. Климат Крыма благоприятствует выращиванию целого ряда сельскохозяйственных культур: риса, пшеницы, табака, кукурузы и т.д. Трудно переоценить значение крымского виноградарства и виноделия, имеющих многовековые традиции и общемировую известность.

В Киеве прекрасно осознают тесную зависимость экономических и политических факторов: рост экономического благосостояния республики приведет к усилению ее политической самостоятельности и наоборот. Поэтому украинские власти используют все возможности для уменьшения степени реальной автономности республики. В сентябре 1994 г. в АРК был ликвидирован институт президентства, снят с должности пророссийски настроенный президент Ю. Мешков. Тем самым суверенитету Крыма был нанесен тяжелый удар. Но украинские власти пошли еще дальше, начав с ликвидации основных политических функций ВС АРК и перейдя к ущемлению экономической самостоятельности полуострова. В результате этих целенаправленных действий Крым был низведен до уровня рядового региона Украины, а крымский парламент превратился в политическую декорацию, лишившись законодательных функций. Прокуратура, милиция, суд, налоговая инспекция, служба безопасности были напрямую переподчинены Киеву.

Финансовая зависимость республики от центра резко возросла. Фактически АРК была ограблена в обход существующих нормативно-правовых актов. По конституции Крыма 1998 г., утвержденной законом Украины, все налоги, собираемые в Крыму, должны первоначально поступать в бюджет автономии. Бюджетный кодекс Украины также подтверждает особые налоговые права АРК, однако реальная практика противоречит декларациям. Данные законодательные акты в действительности выполнялись лишь в 1993-1994 гг., когда действовал так называемый одноканальный принцип при формировании бюджета. Тогда на самом деле все налоги, собираемые на территории автономии, поступали в бюджет Крыма, а затем уже из своих общих доходов республика отчисляла определенные средства на финансирование общегосударственных расходов по 26 статьям. Затем Крым последовательно терял свои позиции. Первое, что отобрали у республики, - это право на НДС. До 2001 г. включительно Крым все остальные налоги оставлял у себя. В бюджете 2002 г. правительство АРК потеряло также налог с прибыли. Отметим, что проект, который предусматривается министерством финансов Украины на 2003 г., предполагает отобрать у автономии и акцизный сбор. Взамен предполагается, что Крым будет финансироваться из центра: будут выделяться так называемые трансферты, которые составят более 50 % доходной части крымского бюджета.

В целом Киеву удалось добиться поставленных целей: по уровню бюджетной обеспеченности среди регионов Украины республика со 2-го места в 1998 г. скатилась на 22-е в 2002 г. («Русский Крым» 2002, № 34). Значительная доля вины за это должна быть возложена на правительства АРК, проводившие соглашательскую политику: сначала Грача-Куницына, а в настоящее время - Дейча-Куницына.

Не вызывает сомнения, что при умелой экономической политике и при значительных инвестициях полуостров станет одним из экономических центров всего Черноморского региона. Украинское руководство не в силах обеспечить эти условия и, что всего важнее, не испытывает к этому ни малейшего стремления. Укрепление экономики полуострова немыслимо без России. Это прекрасно осознают в Киеве и стремятся не допустить усиления экономических и политических позиций РФ на полуострове.

3. Крым является стратегическим центром всего Черноморского региона, а г. Севастополь является главной базой Черноморского флота, 75% которого принадлежит России. (Для сравнения: г. Новороссийск, вторая по значимости база ЧФ РФ, обладает гораздо более скромными возможностями для постоянного базирования боевых кораблей. Так, количество сухих доков для производства ремонтных работ в Севастополе равняется 8-ми, а в Новороссийске - всего лишь 3-м).

Значение Крыма еще более возрастает в свете усиливающегося влияния НАТО в Черноморском регионе. По сути, Черное море превращается во внутреннее море Северо-Атлантического блока. Региональный лидер НАТО, Турция, получила фактически полную свободу действий. Ее действия направлены на создание так называемого туранского исламского пояса на огромном пространстве от Балкан до Сибири. Укрепление позиций Турции в Крыму является важным шагом в достижение этой глобальной цели. Пассивность России может обернуться полной утратой влияния в этом регионе. Станет под сомнение возможность бесперебойного и надежного функционирования российской системы предупреждения о ракетном нападении (РСРН), важным элементом которой является дислоцированная на Украине РЛС, входящая в систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) Космических войск России.

Не следует забывать и о постоянно возобновляющихся попытках Украины стать членом Северо-Атлантического альянса. Напомним, что по регламенту НАТО страна, имеющая на своей территории иностранные военные базы, не может являться членом организации. Вопреки договору 31 мая 1997 г. «О дружбе и сотрудничестве», по которому Россия получила право на базирование Черноморского флота на 20-летний срок, украинское руководство пытается сократить срок пребывания ЧФ РФ, его баз и вспомогательных частей в Крыму. Для этого используются различные средства: дипломатическое давление, создание невыносимых условий существования для российских военнослужащих и членов их семей. Широко известен вопиющий случай выселения моряков из флотских казарм Севастополя в 1997 г. под предлогом задержки платы за арендуемые помещения. События этого же ряда - создание постоянных препятствий в снабжении флота. Отдельная статья - ущемление гражданских прав российских военнослужащих и членов их семей, в «вину» которым ставится их российское гражданство.

На сегодняшний день не созданы условия для оптимального решения крымской проблемы. Первоочередными задачами должны стать обеспечение политических, экономических и культурных интересов русской общины АРК и укрепление позиций Черноморского флота РФ, что укрепит положение самой России в Черноморской регионе. Все это, в свою очередь, требует наличия двух условий: ясной и адекватной целям и современным условиям внешней политики и наличия политической воли у российского руководства. На сегодняшний день не заметно серьезного прорыва в решении «крымского вопроса». Можно констатировать, что в целом «крымская» политика Российской Федерации продолжает двигаться в том же фарватере, что и при первом президенте России Б. Ельцине. У автора этих строк не вызывает сомнений, что проводимый курс

требует серьезнейших корректив. Не вызывает сомнений и другое: от решения многогранной крымской проблемы во многом зависит место, которое займет Россия в новом геополитическом пространстве.

Д.В. Кротов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Анализ истории свидетельствует, что потребность обеспечения безопасности относится к числу первостепенных основных мотивов деятельности людей и сообществ. Стремление к безопасности обусловило объединение людей в сообщества, государства, предопределило образование многих международных организаций и, в конечном счете, привело к созданию ООН, призванной обеспечивать безопасность всего населения Земли¹.

События 11 сентября в США поставили проблемы обеспечения безопасности любого государства в мире на первое место и заставили рассматривать практически все события общественной жизни через «призму безопасности».

Важное место в обеспечении безопасности любого общества, государства занимает политическая безопасность.

Исследователи отмечают, что «в отличие от военных катаклизмов, характерных для периода передела уже поделенного мира в первой половине XX века, процессы перераспределения сфер влияния в конце века и в начале XXI происходят в основном мирным путем, за счет финансово-экономической и политической экспансии»².

Крупные изменения в мире, прошедшие в различных областях жизни общества в 90-х годах XX века, оказали на Россию самое прямое и кардинальное воздействие. Они сказались на всех сторонах ее международного и внутреннего положения. Все это выдвигает на первое место проблему обеспечения безопасности, в которой по существу, фокусируется вся сложность процесса преобразования в России, являясь и условием, и целью реформирования страны.

Создания в стране сильной, дееспособной государственности, опирающейся на устойчивую политическую систему, требует изучения вопросов обеспечения комплексной политической безопасности на строго научной основе с учетом всех аспектов этой многофакторной проблемы.

¹ Алешенков М.С. «Комплексная безопасность объектов и субъектов сложных систем», М., 2001. С.6.

² Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001.

Стратегия укрепления вертикали власти, строящаяся на признании определяющей роли власти, государства, политики в обеспечении благополучия, социально-экономического и культурного развития народов, населяющих страну, поддержании внутреннего порядка, управлении страной, осуществлении взаимодействия с другими государствами, направлена, прежде всего, на укрепление политической безопасности России.

Проблема обеспечения политической безопасности особо актуальна на Юге России, т.к. большая часть вызовов и угроз региону сосредоточена в политической сфере. Поэтому обеспечение политической безопасности в данном регионе является для федеральных властей приоритетным. Безусловно, это обсуждается в обществе и в силу этого возникло множество вариантов решения этой задачи. Однако единого и целостного понимания путей ее решения к настоящему времени не достигнуто в силу различного видения как роли и места России в геополитическом раскладе мировых сил, так и путей ее дальнейшего развития.

Под политической безопасностью мы понимаем совокупность мер по выявлению, предупреждению и устранению тех факторов, которые могут нанести ущерб политическим интересам страны, народа, общества, граждан, обусловить политический регресс и даже гибель государства, а также превратить политику из созидательно-конструктивной в разрушительную, источник бед и несчастий для людей, страны. Политическая безопасность весьма часто рассматривается как способность объекта, явления, процесса сохранить свою сущность и основную характеристику в условиях целенаправленного, разрушающего воздействия извне или в самом объекте, явлении, процессе. Политическая безопасность является гарантом жизнедеятельности личности, общества, государства, что позволяет им сохранять и умножать их материальные и духовные ценности. В силу этого политическая безопасность взаимосвязана с таким свойством политической системы как «политическая стабильность».

В основе политической безопасности лежат политические интересы и ценности, т.к. именно они направляют политическую активность субъектов политики, формируя цели политической деятельности. Они определяются не какими-то прирожденными качествами, а особенностями геополитического положения страны, ее обеспеченностью ресурсами, населением и его национальной и расовой структурой, уровнем социально-экономического развития, наличием внешних и внутренних угроз, государственным устройством, уровнем ее социально-экономического развития, политической культурой, в которой сублимирован и спрессован весь ее опыт. Специфика политических интересов России заключается в том, что они формировались на гетерогенной этнической основе как

синтетическое выражение потребностей и устремлений многочисленных этносов, населявших обширное евразийское пространство, выполнявшее одновременно функции барьера и моста между Европой и Азией;

Политические интересы российского общества в соответствии с «Концепцией национальной безопасности» состоят в незыблемости конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, суверенитета и территориальной целостности России, в политической стабильности, в единстве правового пространства, обеспечении законности и поддержании правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий - социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Политические интересы основываются на политических ценностях субъектов политики, т.к. именно они определяют степень важности политических интересов, приоритетность их реализации соответствующими политическими институтами и органами государственной власти.

Система политических ценностей образует внутренний стержень политической культуры, духовную quintessence потребностей и интересов тех или иных политических общностей, выступает одним из важнейших стимулов политического действия, поведения индивидов.

В основу политических ценностей России должна лечь «Русская идея». Основными элементами ее являются:

- государственно-патриотические державные начала;
- социальная справедливость, соборность и коллективизм, как главные исторические традиции державаобразующего русского народа;
- приоритет духовных ценностей над материальными, принцип разумной достаточности как мотив трудовой деятельности¹.

Это связано с тем, что «русский народ является титульной, единственной в стране государствообразующей нацией, которая составляет 81% от 147 миллионного населения Россия является мононациональной русскоязычной страной по международным

¹ Лоцилов П.Г. Современные проблемы становления российской общенациональной идеи // Издательство ДЮИ. 2001. С. 60.

стандартам. Объективно русский народ в России занимает такие же этнополитические позиции, что немецкий в Германии, французский во Франции»¹.

Это однако не означает, что в основе должен лежать лозунг «Россия для русских», не означает ассимиляцию других народностей населяющих Россию. Это означает, что русскость должна стать элементом идентичности народов. Какова должна быть рамочная идентичность России, что может сохранить Россию единой, если активизируются находящиеся внутри нее религиозные, языковые, этнические идентичности, выходящие за культурно-территориальное пространство страны?

Советская идентичность позволяла это сделать. А когда советский набор идентичностей рухнул новую систему идентичности предложить не удалось. Поэтому люди стали искать другие точки опоры – религиозные, этнополитические, корпоративные, групповые.

Безопасность достигается кооптацией элит и взаимной ассимиляцией культурных кодов – механизм, который исторически применяла Россия. Он был ключевым для страны на всех этапах ее развития. На современном этапе это позволило бы пробудить русскую идентичность.

По нашему мнению, угрозами политической безопасности на современном этапе развития российского общества являются:

- явное преобладание в государственной политике корпоративных интересов господствующих элитарных групп. Эти интересы часто (если не всегда) далеки от того, чтобы стать обобщающим вектором интересов большинства населения, и их реализация возможна в этом случае только радикальными средствами, применение которых дестабилизирует социально-политическую ситуацию. Характерно, что это проявляется как в России, так и в развитых странах. Например в акциях протеста населения против войны в Ираке в странах поддержавших ее;

- межнациональные и межрегиональные противоречия, вызванные историко-культурными, конфессиональными причинами, неравномерностью в развитии отдельных регионов и т.п.;

- противоречия между модернизацией в технологической и культурной сферах и традиционной социокультурной средой;

- доктринерство в политике партий, отрыв от реальности;

- утрата официальной властью значительной части контроля над ситуацией в стране в целом или над экономической ситуацией и т.п. (переход под экономическое и

¹ Кислицын С.А. Угрозы безопасности: национализм и антисемитизм. Учебное пособие по этнополитологии / Отв. редактор Дулимов Е.И. Ростов н/Д., 2000. С. 61.

политическое влияние мафиозных криминальных структур, региональных элит, иностранных групп влияния и т.п. через некоторый критический порог. Например, ситуация в Чеченской республике в 90-е годы XX века и т.д.);

- неумение или нежелание властей добиться конструктивного диалога с оппозицией, обеспечить ее участие в политическом процессе в рамках правового поля;

- внешнеполитический авантюризм высших эшелонов власти;

- полнота и достоверность информированности, как государственных органов, так и населения о реальной ситуации. Искаженное информирование нередко порождается не только потребностями стратегии и тактики политической и социальной борьбы отдельных социальных слоев и групп, но и социальной безответственности средств массовой информации, вызванной отсутствием профессионализма, непониманием социальной действительности, нарушением этических норм информационной деятельности (ярким примером является мифологизированность северокавказских конфликтов, выборы в России и т.д.);

- проблема кадров. Опасения вызывает как качественный уровень лиц, вовлеченных в политические отношения, так и формирование «пятой колонны». Игнорирование данного фактора в конечном итоге может привести к распаду, подчинению иностранному государству;

- борьба за власть между конкурирующими группировками правящей элиты;

- асимметричность государственно-правового устройства, а также процесс этнизации общественной жизни, влекущий за собой как сепаратизм, так и ущемление прав отдельных национальностей, проживающих в субъектах федерации с титульным этносом;

- этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве;

- размывание единого правового пространства страны, в силу принятия субъектами Российской Федерации нормативных, правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству;

- враждебная деятельность иностранных государств, как явная, так и скрытая.

Угрозой является, региональность всех структур общества России, отсутствие скрепляющих основ государства и общества, будь то политические партии (существующие сегодняшние проекты, носят как правило номинальный, маргинальный характер, не воспринимаются населением как общее, национальное начало), общественные и частных структуры, касающиеся населения большинства регионов..

Существующие на сегодняшний день такие структуры как РАО «ЕЭС», МПС в скором времени будут расчленены опять же по региональному признаку. Это превращает Россию в колосс на глиняных ногах: внешняя смена руководства и расчленение страны не приведет жителей к потере чего-то основополагающего для их жизни.

Представляется, что угрозу безопасности таят в себе два крайних подхода правящей элиты к проблеме политической безопасности: первый – «жесткая» безопасность, т.е. «безопасность любой ценой», второй – явная недооценка безопасности.

Для Юга России все или практически все угрозы являются реальностью, либо потенциально возможными. Поэтому обеспечение политической безопасности в данном регионе является для федеральных властей приоритетным. Приоритетными направлениями обеспечения политической безопасности России на юге страны является сохранение государственной и территориальной целостности Российской Федерации, политическая стабильность и недопущение вооруженных конфликтов, эффективное функционирование системы управления, политических институтов в регионе.

Территория южно-российского региона складывалась практически три столетия, последовательно охватывая низовья Волги и Дона, левобережье Терека, Кабарду, Дагестан, степи западного Предкавказья и, наконец горные территории Кавказа и его черноморское побережье. Этот процесс сопровождался интеграцией кавказских народов в систему российской государственности. Произошедшие после распада СССР перемены существенно отразились на региональном статусе и рейтинге Юга России. Будучи ранее внутренним регионом страны, Юг России теперь стал ее приграничной территорией, приобретя стратегическую функцию представления и защиты геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и на Балканах.

Юг России не случайно ученые и политики называют «солнечным сплетением Евразии» или «мягким подбрюшьем России» - это жизненно важный для существования целостности Российской Федерации и в то же время один из наиболее уязвимых сегментов российского геополитического пространства. Еще более полутора столетий назад большинство европейских политиков пришли к заключению, что Кавказ является для России "ахиллесовой пятой". Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить Великую Россию.

В силу этого, по оценкам экспертов, происходящие на Юге страны процессы в основном обусловлены геополитическими факторами, связанными, прежде всего со стремлением мировых держав обеспечить господство на историческом плацдарме между Западом и Востоком, установить контроль над природными ресурсами региона, а также

прогнозировать ход развития процессов, имеющих выраженные исламистские и сепаратистские тенденции¹.

Кроме геополитического определяющее значение для обеспечения политической ситуации имеют внутренние факторы, которые должны учитываться системой политической власти. К ним относятся:

- исторически сложившаяся полиэтничность Северного Кавказа, наличие многочисленных языковых групп народов, обладающих самостоятельными национальными интересами в различных сферах общественной жизни;

- влияние на политические институты традиционных родовых структур, таких как тейпы, тукхумы, вирды и т.д.;

- историческая память этносов как элемент национального самосознания и основа консолидации национальных интересов;

- высокий уровень политизации в обществе, наличие в нем множества национальных, религиозных партий и движений, которые стремятся конкурировать с органами государственной власти за выбор приоритетов национально-государственного развития, обращаются к тенденциям местного объединения;

- разностатусность различных национальных групп, проявляющаяся, прежде всего, в структуре занятости, политических позициях в полиэтничных обществах;

- повышенная значимость этнической идентификации в самосознании кавказских этносов по сравнению с другими типами социальной идентификации;

- последствия многочисленных национально-территориальных переделов, осуществляемых в виде изменения как границ, так и статуса национально-территориальных образований. За годы Советской власти в регионе осуществлено свыше 50 крупных территориально-статусных изменений.

Отличительной особенностью политической жизни Северного Кавказа в 1992-98 гг. явились открытые вооруженные конфликты (осетино-ингушский, грузино-осетинский, грузино-абхазский, чеченский).

Важным фактором России как государства, на наш взгляд, является территориальная целостность. По мнению экспертов, сущность данной проблемы лежит в национально-государственном устройстве России. Асимметричность, разностатусность, наличие суверенитета порождает конфликты, угрозы в политической сфере для обеспечения политической безопасности России на Юге России требуется ее политическое единство, дисперсность же населения в его этнических составляющих, а главное при существующих

¹ Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. 2-е издание. Ростов н/Д., 1999. С. 7.

в субъектах федерации этнократических тенденциях разрушают ее пространственное единство. Результатом реализации этой опасности будет одно – превращение России в аморфное государство с ориентацией ее отдельных конфедеративных частей на другие геополитические субъекты, с разрушением в соответствии с этим единого геополитического и этнополитического пространства с возможными необратимыми последствиями. Негативным результатом снижения уровня безопасности может быть исчезновение государства, либо его частичный распад за счет выхода из его состава отдельных частей. При этом снижение уровня политической безопасности может проходить постепенно и к тому же латентно. В силу этого особенно важно слежение за уровнем политической безопасности для России как федеративного государства, в силу ее полиэтничности, поскольку ее субъекты уже обладают некоторыми атрибутами государственности, которые при их увеличении могут привести к фактической, а затем и юридической самостоятельности.

В качестве наиболее значимых угроз политической безопасности на Юге России, в настоящее время, являются проявления сепаратистских тенденций, а также этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве.

Как отмечают эксперты, современный этап этнополитического процесса принципиально отличается от пика этнической мобилизации, т.е. 1991-1994 гг. и ее колебаний на уровне относительно высокой степени интенсивности в 1995-1999 гг. Проявление государственной воли в 1999-2000 гг. подорвали позиции радикального этнонационализма, а умеренные этнонационалисты интегрировались в государственную систему республик (исключение Чечня и отстающая от регионального данный процесс в Карачаево-Черкесии)¹.

Угрозу политической безопасности на южных рубежах России представляют проблема оттока русского населения из республик Северо-Кавказского региона. Он достиг недопустимых с точки зрения стратегических геополитических интересов России размеров. По оценкам экспертов, он составляет уже около 800 тысяч человек.

Сегодня русские ещё по-прежнему являются интегрирующим звеном, позволяющим сдерживать дальнейшее обострение межнациональных отношений. Однако это уже привело к нарушению этнополитического баланса в республиках Северного Кавказа, формированию угроз безопасности, т.к. интеграция Северного Кавказа в Российское

¹ Русские на Северном Кавказе; вызовы XXI века // Сб. статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ. Вып. 2. Отв. ред. Черноус В.В. Ростов н/Д, 2001. С. 5.

политическое пространство осуществлялось через постепенное наращивание русского населения, которое способствовало формированию в регионе общих государственно-правовых и ценностных ориентаций, созданию многоукладной модернизирующейся экономики. Важной была интегративная роль русских в процессах формирования северокавказских этнонаций, поэтому и отток привел, вопреки прогнозам радикальных этнонационалистов, к архаизации и частичной дезинтеграции местных этносоциумов¹.

Одной из основных угроз политической безопасности является политизация ислама в регионе. Эксперты отмечают, исламский фактор надо рассматривать в первую очередь как политический. И от четкого понимания его структуры и свойств, а также от осуществляемой на этой основе политики по отношению к исламу и исламскому миру будет зависеть состояние безопасности России: будет ли она иметь нормальные, конструктивные отношения с исламским миром или мусульманский мир будет наращивать экстремистский потенциал, неизбежным следствием чего на практике явится активизация террористической деятельности под исламскими знаменами и лозунгами².

Политизированный исламский фундаментализм сегодня представляет для интересов России серьезную идеологическую и политическую угрозу, поскольку для достижения своих целей использует вооруженную борьбу и терроризм.

Эксперты считают, что наиболее опасной угрозой политической безопасности в регионе является размывание единого правового пространства страны, принятие субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, т.к. это разрушает единое правовое и политическое пространство и правовую культуру России, дискредитирует власть, разлагает государственность, институты гражданского общества, т.е. основы Российского государства.

Начавшийся процесс привидения нормативно-правовых актов субъектов в соответствие с федеральным законодательством положительно сказывается на политической обстановке на Юге России. Однако ст. 1 принятой 23 марта на референдуме Конституции Чеченской республики, что Чечня является «суверенной республикой», что означает либо невнимательность государственных органов, отвечающих за эти вопросы,

¹ Русские на Северном Кавказе; вызовы XXI века // Сб. статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ. Вып. 2. Отв. ред. Черноус В.В. Ростов н/Д., 2001. С. 5.

² Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник статей / Северо – Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2001. С. 8-9.

либо опять привилегии отдельным субъектам РФ, что негативно может сказаться в дальнейшем.

В силу вышесказанного, угрозы политической безопасности на Юге России требуют политического управления учитывающего специфику региона как некоей сложной целостности и обеспечивающего эффективность политических решений, не достижимую при реализации иных подходов.

Цель системы обеспечения политической безопасности в Южном федеральном округе состоит в том, чтобы создать механизм, позволяющий вырабатывать политику и стратегию российского государства и общества в области обеспечения политической безопасности в южном регионе России и реализовывать ее через определение конкретных функций властных структур, отдельных органов и лиц. Основу системы обеспечения политической безопасности на Юге России составляют федеральные органы власти, осуществляющие свою деятельность в регионе. Функция координации этой деятельности с мая 2000 года была возложена на аппарат полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, а также структуры, созданные при нем, что положительно стало сказываться на политической стабилизации ситуации округе.

В соответствии с указами Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г.¹ и №1149 от 21 мая 2000 г.² основная функция по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и обеспечению безопасности в Южном в федеральном округе была возложена на аппарат полномочного представителя Президента РФ в ЮФО и соответствующие структуры при нем:

- Консультативный совет при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе. Цель деятельности Совета анализ политических, социальных, экономических, национальных и других факторов, влияющих на безопасность в федеральном округе.

- Коллегия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. Основная функция координация деятельности территориальных органов по обеспечению национальной безопасности, улучшение политического, социального и экономического положения в округе;

- Консультационный совет по делам казачества при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе

¹ О полномочном представителе президента российской федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000 N 849// Собрание законодательства РФ, 15.05.2000, N 20, ст. 2112.

² Вопросы обеспечения деятельности аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах: Указ Президента РФ от 21.06.2000 N 1149 // Собрание законодательства РФ, 26.06.2000, N 26, ст. 2748

Эксперты отмечают, что многих политических угроз и конфликтов удалось бы избежать, если бы эффективно действовали система мониторинга политической ситуации в регионе, институт федерального вмешательства и проявление государственной воли российского государства. Система мониторинга является как бы «системой нервных окончаний» в обеспечении политической безопасности России; «предвидеть - значит предупредить». Ее удалось построить лишь к концу 90-х годов.

Федеральное вмешательство – одна из наиболее активных и результативных форм предусмотренных Конституциями и законами, практически используемая в ряде зарубежных федераций (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика, Индия, Пакистан, США и др.) для восстановления конституционной законности в субъекте (субъектах) федерации в чрезвычайных условиях. В мировой практике мерами федерального вмешательства являются:

- объявление режима чрезвычайного положения;
- введение прямого президентского правления;
- перераспределение полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации;
- импичмент, снятие с должности руководителей субъектов Федерации;
- роспуск законодательных (представительных) органов власти;
- меры финансового воздействия;
- отмена незаконных решений органов законодательной (представительной) и исполнительной ветвей власти субъектов Федерации;
- ликвидация субъекта Федерации как самостоятельного образования;
- перевод под непосредственное подчинение федерального правительства подразделений милиции, внутренних войск, иных силовых ведомств субъектов Федерации.

К сожалению данные нормы вступят в силу лишь с 2005 года с новым порядком разграничения полномочий между центром и регионами.

Особенность современной ситуации состоит в том, что прежние схемы обеспечения политической безопасности уже не работают, а новые подходы и методы еще невозможно полностью использовать в переходных политических условиях. Этим обусловлена необходимость в концептуальном осмыслении проблем обеспечения политической безопасности в условиях становления новой системы государственной власти в современном российском обществе.

ДУМ КАК СУБЪЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ: ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ И РИСКИ НЕУЧАСТИЯ

Рассматриваемая тема предполагает поиск ответов на несколько фундаментальных вопросов, важных для российского общества как в теории, так и на практике. Что понимается под национальной безопасностью? Кто должен и может заниматься укреплением национальной безопасности РФ, только ли государственные органы? Каково соотношение между внутренней и внешней безопасностью с точки зрения субъектности? Какое место могут занимать общество и его структуры, например исламские организации, в обеспечении собственной безопасности? В статье кроме ответов на эти и ряд других вопросов будут рассмотрены проблемы участия духовных управлений мусульман (ДУМ) в процессе обеспечения национальной безопасности РФ.

Проблемы участия отечественных мусульманских организаций в процессе обеспечения национальной безопасности России вызваны причинами правового, политического и психологического характера. Отметим также исторический опыт общения России с мусульманскими странами, который противоречиво и далеко не однозначно отражается на восприятии российским обществом и государством ислама, мусульман и их организаций. Рассмотрим проблемы участия ДУМ в обеспечении безопасности РФ подробнее.

Первая проблема – распределение полномочий между государством и иными субъектами.

В настоящее время научное сообщество пришло к взаимопониманию: под национальной безопасностью понимается такое состояние личности, общества и государства, когда им не угрожают опасности и угрозы или их действие незначительно. Объектом безопасности выступает все общество. «Концепция национальной безопасности РФ» определяет, что национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции РФ и законодательства РФ общественными организациями¹.

Не только государство является субъектом обеспечения национальной безопасности, но и личности, социальные общности и институты, то есть общество в целом. Значит, как минимум безопасность личности и общества могут находиться в сфере влияния

¹ См.: Независимое военное обозрение. 2000. 14 – 20 января.

российских исламских организаций. При этом государство выступает основным субъектом в силу того, что оно наделено соответствующими правами и полномочиями, имеет специальные институты, органы и службы, с помощью которых осуществляет деятельность по обеспечению национальной безопасности. Заявленные в Конституции РФ приоритет прав личности, гражданина и понимание безопасности как равной, неделимой для всего человеческого сообщества показывают, что и другие субъекты играют важную роль в обеспечении национальной безопасности, к ним относятся и религиозные организации. Такой подход нашел отражение в Законе РФ «О безопасности»: «Граждане, общественные и иные организации и объединения являются субъектами безопасности, обладают правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством республик в составе Российской Федерации, нормативными актами органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов, принятыми в пределах их компетенции в данной сфере. Государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом»¹.

Закон определяет, что все субъекты могут и должны принимать решения в области безопасности в равной степени и в полном объеме. На практике это далеко не так. Решения принимаются различными субъектами в разной степени, скорее сообразно их функциям. Кроме того, для принятия эффективных решений необходима соответствующая информация, при этом некоторые сведения не могут предаваться огласке из-за интересов секретности, соблюдения государственной и иной тайны. Следовательно, обладая различной суммой информации и компетенции, не все субъекты национальной безопасности в равной степени участвуют в процессе ее обеспечения. Значит, одни субъекты (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, органы исполнительной власти) могут и принимают решения, то есть осуществляют непосредственную деятельность, по обеспечению национальной безопасности, а другие (например, общественные и религиозные организации) лишь оказывают влияние на принятие этих решений, то есть осуществляют опосредованную деятельность. В этом смысле в сфере национальной безопасности российские исламские организации являются опосредованными субъектами ее обеспечения.

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I "О безопасности" (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). Ст. 2.

Вторая проблема – жесткое и последовательное следование ДУМами действующему законодательству и действия только во благо общественной безопасности.

Государственная политика, при рассмотрении в таком ключе, должна выражать волеизъявление общества, в том числе и мусульман, являющихся его частью. Теоретически участие отечественных религиозных организаций (в том числе исламских) в обеспечении общественной безопасности является законным и должно приветствоваться другими общественными и государственными структурами. Задача самих исламских организаций – самоорганизация, структурирование процесса участия и выработка грамотных предложений для государственных органов. Расширяя масштабы своей деятельности на международной арене и заключая различные договоры и соглашения, российские исламские организации должны обеспечивать их соответствие принятым международным нормам и правилам. По крайней мере, они не должны противоречить им.

Нормативно-правовую базу обеспечения безопасности России составляют, во-первых, Конституция РФ, «Концепция национальной безопасности РФ», «Военная доктрина РФ», «Концепция внешней политики РФ», Законы «О безопасности», «Об обороне», «О борьбе с терроризмом» и другие нормативные акты республик в составе РФ, нормативные акты органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов. Во-вторых, нормативные документы, уставы организаций и объединений, которые с известной долей условности разграничивают функции, полномочия различных субъектов в защите личности, общества, государства от всевозможных опасностей и угроз. При этом крайне важно согласование действий, которое теоретически должны выполнять судебные органы власти. В-третьих, законы, выраженные в традициях, обычаях, менталитете граждан.

Важные положения изложены в статье 7 Закона РФ «О безопасности»: «При обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Граждане, общественные и иные организации и объединения имеют право получать разъяснения по поводу ограничения их прав и свобод от органов, обеспечивающих безопасность. По их требованию такие разъяснения даются в письменной форме в установленные законодательством сроки. Должностные лица, превысившие свои полномочия в процессе деятельности по обеспечению безопасности, несут ответственность в соответствии с законодательством»¹. Эти положения, как представляется, позволяют российским исламским организациям в

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 "О безопасности". Ст. 7.

случаях ограничения их прав со стороны государственных структур или конкретных чиновников добиваться восстановления этих прав.

«Концепция национальной безопасности РФ» четко разграничивает понятия внутренней и внешней безопасности в зависимости от того, где по отношению к социуму располагается источник опасностей или угроз. Так, в качестве внутренних угроз называются этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция, которые способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов. Понятно, что к официально зарегистрированным и действующим на основе Конституции и законодательства РФ исламским организациям данное положение не может иметь отношения. Появление основных угроз в международной сфере концепция связывает с рядом факторов, которые никак не могут быть отнесены к деятельности отечественных религиозных организаций. Таким образом, на основе положений, содержащихся в «Концепции национальной безопасности РФ» можно утверждать, что деятельность отечественных исламских организаций не является угрожающей российским гражданам, обществу или государству.

Третья проблема – теоретическое и практическое разделение мусульманской субъектности в национальном, международном и транснациональном масштабах.

Часто различным обвинениям российские исламские организации подвергаются либо за поддержание отношений с зарубежными исламскими организациями, либо за деятельность иностранных организаций, называемых исламскими, но ставящих перед собой политические цели. Заметим, что «Концепция внешней политики РФ» среди главных целей внешней политики государства выделяет «...поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, строительство на этой основе системы партнерских и союзнических отношений, улучшающих условия и параметры международного взаимодействия». Россия ни одно из мусульманских государств не рассматривает в качестве военного противника либо как государство, деятельность которого априори наносит ущерб ее национальной безопасности. Только ситуация в Афганистане, затяжной конфликт на его территории «создает реальную угрозу безопасности южных рубежей СНГ, напрямую затрагивает российские интересы. Во взаимодействии с другими заинтересованными государствами Россия будет прилагать последовательные усилия в целях достижения прочного и справедливого политического урегулирования афганской проблемы, недопущения экспорта терроризма и экстремизма из этой страны».

Российские исламские организации не сотрудничают с теми структурами, которые хотя и называются исламскими, но реализуют политические цели. Большинство отечественных ученых считают¹, что воздействие внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах России носит ограниченный характер и определяющими для этого процесса являются внутренние условия. Исследователи К.И. Поляков, А.Ю. Умнов, Д. Макаров отмечают, что в начале 90-х гг. XX века страны Арабского Востока являлись важной составляющей внешнего воздействия на ислам в России. Внешняя политика России, «испытывая своеобразный комплекс вины, следовала возникшему в то время тезису о потере интереса арабских стран к России. Но традиционное значение арабских государств для России продолжало сохраняться. Оно определялось их ролью в международных делах: Египет – ведущая страна Арабского региона, Саудовская Аравия – один из признанных лидеров мусульманского мира, Ливия, Ирак и Судан – последовательные противники политики США и Израиля на Ближнем Востоке».

Вместе с тем «исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда арабских стран в отношении России стала вызывать тревогу некоторых исследователей в связи с возможностью создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока. Однако отношение арабских стран к складывавшейся в 90-е гг. в России религиозно-политической ситуации, в том числе и на Северном Кавказе, во многом стало отражением их собственных острых внутренних проблем, в первую очередь проблемы религиозного экстремизма. В этой связи накопленный арабскими странами опыт по противодействию экстремизму представляет интерес для России не только с точки зрения предупреждения и локализации внешних угроз со стороны исламских группировок радикальной направленности. Он важен для анализа внутренних социально-экономических условий, способствующих (потенциально) радикализации ислама в нашей стране.

За прошедшие десять лет расширились связи между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими мусульманскими лидерами по линии духовного, просветительского, научно-религиозного, культурного обмена. Как состоявшиеся исламские руководители, так и молодые люди из России прошли обучение в исламских учебных заведениях арабских стран, активизировалась общественная и религиозно-просветительская деятельность представителей арабо-мусульманской диаспоры (на конец

¹ См.: Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е гг. XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001. С. 268.

90-х гг. ее численность в РФ достигла примерно 50 тыс. человек¹), а также гуманитарная деятельность официальных представительств благотворительных исламских и национальных арабских организаций, проповедническая и организационная деятельность различных исламских миссионерских организаций.

Такая активная деятельность вызвала некоторое напряжение в отношениях нашей страны с рядом арабских государств. У российской стороны не находили понимания попытки арабских представителей использовать исламскую гуманитарную помощь для обеспечения собственных политических позиций в нашей стране. Стремление арабских стран играть активную роль в духовной и общественно-политической жизни мусульманской общины России не всегда совпадало с динамикой развития общественно-политической ситуации в нашей стране. Тем более что отдельными представителями исламских организаций и некоторыми гражданами арабских стран не соблюдалось российское законодательство. Пожалуй, это является единственной возможностью для государственных органов ограничить международные связи российских исламских религиозных организаций, поскольку статья 20 Закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» четко определяет, что «религиозные организации вправе устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе и в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях, для получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан. Религиозные организации имеют исключительное право приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью в данных организациях в соответствии с федеральным законодательством»².

Одна из серьезных претензий, высказываемых в СМИ и рядом отечественных политиков, связана с тем, что арабский мир «обвиняется» в поставках на постсоветское пространство боевиков, наемников, специально подготовленных для дестабилизации ситуации. В связи с этим важно прояснить вопрос, против кого российская армия воюет в Чечне. Некоторые исследователи полагают, что против иностранных наемников, которые буквально «заполонили» весь Северный Кавказ, другие считают, что против чеченского народа. Проблема иностранного военного наемничества в РФ приобрела в конце XX века особую актуальность. Проводимый антиисламский курс, отмечает Н.М. Емельянова, привел к тому, что под наемничеством стали подразумевать в первую очередь наемничество «мусульманское» и особенно «арабское», хотя «по факту наемничества в

¹ См.: Поляков К.И. Указ. соч. С. 274.

² Законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов. М., 2000. С. 19.

России за последнее десятилетие не был осужден ни один араб»¹. Официально признаваемое количество наемников, воюющих в Чечне, значительно колеблется. Так, министр иностранных дел РФ И. Иванов, выступая на сессии ПАСЕ в январе 2000 г., оценил их численность в Чечне в общей сложности в 2000 человек. Подсчитать общее количество наемников не представляется возможным, но СМИ обычно рисуют устрашающие картины.

Главная же проблема видится в том, что приезжающие из различных стран мира так называемые «солдаты удачи», как правило, воюют не ради денег, а за идею. К ним вряд ли возможно применить термин «наемник», поскольку ст. 359 УК РФ «Наемничество» гласит, что «наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте». Таким образом, иностранцы, воюющие в Чечне, не получающие за это денег, юридически наемниками признаны быть не могут, что еще раз актуализирует проблему идентификации противника, против которого воюют российские военно-силовые структуры.

Отечественные СМИ при идентификации воюющих в Чечне активно рассматривают еще два варианта: либо это съехавшиеся со всей России единоверцы, чтобы «защищать ислам», либо это доморожденные (российские) «солдаты удачи», решившие подзаработать участием в боевых действиях. При этом отмечается, что «юридически закрепленных данных пока не имеется, но предпосылки для этого существуют»². Как правило, если верить публикациям, на Северный Кавказ попадают жители Татарстана, Башкортостана и еще ряда регионов РФ или СНГ. До этого лица первой категории почти все проходят через учебные лагеря исламистов, где обязательно изучают Коран и основы военного дела, стрелковое оружие, гранатометы, минометы, взрывное дело, основные понятия тактики боевых действий. Пути своих «наемников» бывают самыми разными. К тем и другим может быть применена статья 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем».

Четвертая проблема – постепенная легитимация в глазах общественного мнения участия ДУМ в обеспечении национальной безопасности РФ.

Исторически в нашей стране так сложилось, что государство в XX в. долгое время было единственным легальным и легитимным участником обеспечения безопасности граждан, целостности общественной и политической систем. В настоящее время

¹ Емельянова Н.М. Есть ли в России «арабские наемники»? // Мусульманская газета. 2000. №5. С. 3.

² НГ-Регионы. 2000. №11. С. 9, 11.

менталитет россиян таков, что попытки участия общественных и религиозных организаций в обеспечении безопасности сразу же рассматриваются как их политизация, крайне опасная для общества. Применительно к исламу это выражается в исламофобии, в обвинении ДУМ (не только и не столько со стороны других конфессиональных групп, но в первую очередь по отношению друг к другу) в ваххабизме, экстремизме, сепаратизме и т.п. «Поле битвы» стало все увеличивающееся информационное поле РФ, в первую очередь электронные СМИ и Интернет.

В этих условиях российские мусульманские организации вынуждены предпринимать поистине титанические усилия для изменения своего имиджа, для преодоления исламофобии. Отметим здесь многочисленные заявления Совета муфтиев России и духовных управлений мусульман по наиболее социально значимым вопросам общественной жизни в России, проведение социологических исследований, активная научная деятельность, создание собственных СМИ, сайтов, порталов и т.п.

Так, в “Заявлении Совета муфтиев России в связи с началом военного нападения США на Ирак”, принятом 20 марта 2003 г. отмечается: “военное нападение на Ирак – это нападение на мусульманскую страну, на верующих, что вызывает у мусульман других стран естественное чувство солидарности с братьями, подвергшимися агрессии. Это обстоятельство может похоронить всю международную антитеррористическую кампанию, поскольку террористы и борцы с ними меняются ролями. Мы не вмешиваемся в чисто политические вопросы и не даем политических оценок действиям иракского Президента Саддама Хусейна, однако это легитимный президент суверенной страны, и только народ этой страны вправе решать свою судьбу. Во время войны гибнут, в первую очередь, не режимы, а живые люди, в подавляющем большинстве своем далекие от борьбы за политическую власть. И мы полагаем, что этой гибели можно было избежать, дав инспекторам ООН возможность довести свою работу до конца».

Все более активной становится информационная политика духовных управлений мусульман. Так, за последний год созданы и функционируют такие сайты, как Muslim.ru, Islam.ru, портал Islaminfo.ru, принято решение о выпуске ежемесячной военно-мусульманской газеты “Азан”. В ряде газет военных округов начали выходить отдельные материалы об исламе методического характера, а в газете Московского военного округа “Красный воин” мусульманская страница. В 2001-2002 гг. проведено обширное социологическое исследование в Европейской части России «Российские мусульмане. Кто они?», в 2003 г. проводится социологическое исследование «Электоральные предпочтения российских мусульман» в связи с подготовкой к выборам депутатов Государственной Думы РФ и Президента страны.

Данные исследования имеют ярко выраженную социальную направленность. Например, исследование России «Российские мусульмане. Кто они?» позволило полностью отбросить версию многих СМИ о склонности мусульманской молодежи к радикализму. Несколько последующих таблиц в полной мере позволяют доказать данный тезис и поэтому даются без комментариев.

Таблица 1 (в процентах)

Основные факторы, помогающие справляться с жизненными трудностями

Возраст	Следование традициям	Исламские нормы
До 19 лет	18	50
20-24 года	17	60
25-29 лет	13	70

Таблица 2 (в процентах)

Возраст	Место ислама в жизни опрошенных			
	Значительное	Незначительное	Затрудн. ответить	Ничего не значит
До 19 лет	89	0	11	0
20-24 года	96	2	2	0
25-29 лет	87	0	13	0

Таблица 3 (в процентах)

Повозрастные особенности выполнения основных положений ислама

Возраст	Иман и шахада	Намаз	Закят	Пост	Хадж
До 19 лет	66	75	23	86	3
20-24 года	79	81	48	96	8
25-29 лет	97	83	70	87	7

Проводимое в настоящее время исследование «Электоральные предпочтения российских мусульман» еще раз призвано показать, что российские мусульмане являются естественной частью российского социума, что они также как и остальные российские граждане имеют свои, в том числе и политические, интересы, что они будут участвовать в выборах, что они «дозрели» до спокойного планового участия в выборах. Кстати, об этом же призван свидетельствовать референдум в Чечне.

Таким образом, проблемы участия мусульманских организаций в процессе обеспечения национальной безопасности России действительно существуют, но они постепенно будут разрешаться, как мы полагаем. Представляется важным обратить внимание на те риски и опасности, которые могут ожидать российское общество, если ДУМы, среди других элементов гражданского общества, окажутся исключенными из этого процесса.

На наш взгляд, исключенность из анализируемого процесса не позволит отечественным мусульманским религиозным организациям действительно стать полноценным элементом гражданского общества в нашей стране, поскольку в последние годы безопасность в самых разных формах и политика ее обеспечения становятся не просто лозунгом момента, но идеологическим императивом. Именно фактом, что в 2001 г. США не смогли обеспечить безопасность своих граждан и тем самым доказать, что американское общество является обществом обеспеченной безопасности, можно объяснить и последующую войну в Афганистане и войну в Ираке (не сбрасывая со счетов и иные причины экономического, политического и иного характера). Поскольку в большинстве своем весь мир стремится к полной международной и национальной безопасности, то понятно и стремление РФ также стать обществом, где обеспечена безопасность личности, общества и государства.

Если произойдет так, что по различным причинам, в первую очередь, политического характера, ДУМ окажутся вне процесса влияния гражданского общества на безопасность личности и общества, то «проиграет» в основном как раз российское общество, поскольку такой важный его сегмент, как мусульманская умма¹, будет «выключен» из общественной жизни. Но мы полагаем, что это приведет и к исключенности ДУМ из процесса патриотического воспитания россиян (а не только мусульман). Нельзя не согласиться с мнением Председателя Совета муфтиев России шейхом Равилем Гайнутдином: «В настоящее время происходит переоценка возможностей и перспектив участия государственных, общественных и религиозных организаций в подготовке детей, молодежи к общественной жизни, поскольку патриотизм – это в первую очередь участие в общественных делах»². Мы полагаем, что если по разным причинам Дум выпадут из процесса социализации российских мусульман, то это как раз и явится угрозой общественной безопасности страны.

¹ По различным подсчетам, количество мусульман в РФ составляет от 12 до 20 миллионов человек. Даже такой разброс в оценках все-таки позволяет определить порядок реальной цифры – более 10 миллионов.

² См.: Гайнутдин Р. Любовь к Отечеству – часть веры российских мусульман // Патриот Отечества. 2003. №3. С. 2.

Высокая степень толерантности всегда была характерна для народов России, во многом ситуация продолжает оставаться прежней (см. таблицу 4). По-этому нарушать существующую степень толерантности, как нам представляется, по меньшей мере опасно для общественного равновесия в многонациональной и поликонфессиональной стране.

Таблица 4 (в процентах)

Повозрастные особенности отношения мусульман к другим религиям

Возраст	Положительно	Терпимо	Мне все равно	Отрицательно	Ничего не знаю	Затруднились ответить
До 19 лет	39	27	14	0	4	16
20-24 года	33	37	13	5	12	0
25-29 лет	30	40	20	7	0	3

Социологические исследования, проводимые среди российских мусульман показывают, что как раз ни государственные структуры, ни общественные, ни религиозные организации не являются основными субъектами социализации молодых россиян, их информирования и формирования у них мировоззренческих основ, патриотизма и т.д. (см. таблицу 5). Эта функция прочно в последние годы перешла к электронным СМИ. И не стоит с одной стороны переоценивать возможности ДУМ. А с другой стороны, процесс духовного воспитания могут в настоящее время эффективно осуществлять только религиозные организации, которые являются естественными и постоянными союзниками российского государства в формировании высокой духовности, соблюдения нравственности, народных и религиозных традиций (см. таблицы 1-3).

Таблица 5 (в процентах)

**Источники получения информации о событиях в стране и за рубежом
(указывалось несколько вариантов ответов)**

Возраст	По ТВ	По радио	Из газет	От родственников	От друзей и знакомых	Затруднились ответить
До 19 лет	86	45	66	16	32	0
20-24 года	92	37	48	25	34	0
25-29 лет	90	60	53	20	33	0

Видимо, нуждается в прояснении и вопрос включенности ДУМ в политическую жизнь России. Нам известны мнения политиков, политологов и исламоведов о том, что в связи с особенностями исламского вероучения и светским характером российского государства не просто не корректно, но и опасно обсуждать этот вопрос¹. Сами исламские лидеры, учитывая недавний советский опыт взаимодействия с политической властью, стараются не обсуждать возможности участия в политической жизни, демонстрируют отстраненность от нее. Это, впрочем, не означает, что в реальной политической жизни, исламские лидеры, мусульманские организации не участвуют. Наоборот, это участие становится все более интенсивным и разнообразным, что нами уже отмечалось. Создаются собственные учебные религиозные заведения, количество мечетей и религиозных организаций растет, интенсифицируются отношения по религиозной линии как внутри страны, так и вне ее, «исламские вопросы» обсуждаются и Президентом РФ (во время почти регулярных встреч с муфтиями – отношений с исламскими странами, ситуации в Чечне, референдума и т.д.), и Правительством РФ (хаджа, налогообложения религиозных организаций, сохранения памятников культуры, переписи населения), и Администрацией Президента РФ (образовательной политики, духовной безопасности, выборов и т.д.).

Мы фиксируем у мусульман России наличие небольшого интереса к политике, в том числе и у молодежи (см. таблицу 6). В то же время, непосредственно политической деятельностью мусульманская молодежь в Европейском регионе России не занимается и в целом по всему массиву опрошенных менее одного процента мусульман занимаются политической деятельностью².

Таблица 6 (в процентах)

Проявленный интерес к вопросам политики

Возраст	Внимательно следят за информацией	Не интересуются политикой	Лично участвуют в политической деятельности	За информацией не следят, но обсуждают ее
До 19 лет	53	22	0	25
20-24 года	63	20	0	17

¹ Такой точки зрения придерживается, например, профессор А.А.Игнатенко.

² Газиева Г., Мельков С. Мусульманская в современном российском обществе. М., 2003.

25-29 лет	23	54	0	23
-----------	----	----	---	----

Полагаем, что де-факто состоявшийся и ускоряющийся процесс участия отечественных мусульманских организаций в политической жизни не желательно для политической власти ускорять, но и тормозить его, ссылаясь на эндогенный радикализм в исламе, исламофобию в обществе, межкультурные различия или иные причины, также опасно для российского общества. Думаем, что рост количества мусульман в России (рождаемость и миграция), профессионализация их организаций с одной стороны будет идти синхронно с их участием в политической жизни – с другой стороны. Хотя, полагаем, что управлять этим процессом необходимо. Изучение евроислама показывает: неуправляемый процесс может привести к возникновению изолированных мусульманских анклавов в крупных европейских городах, что со временем может серьезно влиять на национальную безопасность. Поскольку и в Дании, и в Бельгии, и во Франции, и т.д. - часть мусульман хотят не просто отправлять религиозный культ в соответствии с нормами ислама, но жить по законам шариата.

Государственным и политическим деятелям нашей страны нельзя надеяться на то, что кроме ДУМ в России есть еще структуры, которые будут активно включаться в процесс реализации интересов российских мусульман. А интересы у мусульман есть. Например, на примере оценки своего уровня жизни и состояние доходов семьи (таблица 7) в какой-то степени, но далеко не однозначно, можно определить отношение опрошенных мусульман к состоянию российского общества и проводимой политике. Так, социально-экономическую ситуацию в стране основная масса мусульманской молодежи оценили как тяжелую, либо как тяжелую с признаками улучшения, при этом с увеличением возраста растет число тех, кто оценил ситуацию в России как граничащую с катастрофой. Также довольно велико количество тех, кто не смог определиться в этом вопросе, в самой молодой группе этого не смог сделать каждый пятый.

Таблица 7 (в процентах)

Оценка мусульманами социально-экономической ситуации в стране

Возраст	Ситуация прекрасная, экономика на подъеме	Ситуация тяжелая, но есть признаки улучшения	Ситуация продолжает оставаться тяжелой	Ситуация на грани катастрофы	Затруднились ответить
До 19 лет	0	34	41	5	20

20-24 года	2	41	25	18	14
25-29 лет	0	53	17	20	10

В соответствии с оценкой ситуации в стране поведенческую характеристику прихожан мечетей разных возрастов даёт выбор ими вариантов возможной реакции на значительное ухудшение условий жизни (была дана возможность выбрать несколько ответов). Подавляющее большинство во всех возрастных группах (во всем массиве опрошенных) избрали как основу для своих поступков модель «буду искать дополнительные заработки» – это 43% опрошенных. Вторая и третья по величине группы – это те, кто «что-либо предпримет, но еще не решил что» (32,5%), и те, кто выбрал графу «трудно сказать» – 22%. Возможность переехать в другой регион России или покинуть страну в случае значительного ухудшения условий жизни предположили 4 и 5% соответственно; ничего не будут предпринимать – 7%. Отстаивать свои интересы через профсоюз или путем участия в демонстрациях, забастовках, голодовках готовы 2 и 1,5% соответственно.

Среди молодежи практически нет возрастных отличий среди тех, кто собирается искать дополнительные заработки (таблица 8).

Таблица 8 (в процентах)

Возраст	Буду искать дополнительные заработки
До 19 лет	59
20-24 года	60
25-29 лет	60

На наш взгляд, зрелость ДУМ выражается в целях, которые стоят перед отечественными исламскими организациями по укреплению национальной безопасности страны, полно изложенные в «Основных положениях социальной программы российских мусульман». Мусульмане обязуются:

- подчиняться действующему законодательству РФ;
- проявлять политическую лояльность к государственной власти РФ;
- воспитывать в обществе духовность, высокую мораль, веротерпимость, братские отношения между людьми различных национальностей;
- воспитывать верующих в духе патриотизма по отношению к своей земной Родине;
- не вмешиваться в деятельность органов государственной власти РФ и субъектов РФ;

- разрешать конфликтные ситуации, возникающие в том числе и по вине отдельных государственных и муниципальных служащих, исключительно в рамках действующего законодательства;

- осуществлять взаимные консультации с органами государственной власти РФ и субъектов РФ, стремиться к заключению с ними постоянно действующих договоров о формах взаимодействия;

- вести взаимоуважительный диалог и сотрудничество в социальной сфере с верующими других традиционных российских религий и с представителями светских организаций¹.

Критерием оценки гражданской зрелости и политической лояльности в оценке деятельности ДУМ со стороны государственных структур как раз и является следование мусульманскими организациями заявленных целей и точное соблюдение ими норм законодательства не только в религиозной сфере, но и в области безопасности, терроризма, политической деятельности и т.д.

Таким образом, мы полагаем, что духовные управления мусульман сформировали основы теоретической базы участия в укреплении национальной безопасности России и практически участвуют в этой деятельности. Набирающий процесс роста авторитета общественных структур в РФ не обошел стороной и мусульманские организации. Видимо, в перспективе эта тенденция сохранится. Однако остаются актуальными вопросы готовности государственных структур к сотрудничеству с общественными, религиозными и в том числе мусульманскими организациями.

Кроме того, пока существуют теоретические и практические возможности исключения мусульманских организаций из процесса укрепления национальной безопасности. Мы считаем, что от этого может пострадать все общество, снизиться степень его толерантности, хуже будут реализовываться интересы многомиллионной мусульманской уммы России. Только в демократической и свободной России наиболее полно будут реализованы надежды, мечты и интересы каждого человека и общества.

Е.М. Паленая

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ЮГЕ РОССИИ И РОЛЬ СМИ В ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ

¹ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман. С. 36-37.

Северный Кавказ – один из самых многонациональных и поликонфессиональных регионов России, регион контакта многих культур и этносов. В силу целого ряда причин в 90-е гг. здесь сложилось новое геополитическое и геостратегическое положение, в результате которого произошло серьезное обострение этнополитической ситуации.

Практически два века в результате как мирных, так и военных средств присоединения народы Северного Кавказа находятся в составе России и добились бесспорных успехов в развитии своей экономики, культуры, образования, получили высокий уровень самоуправления, прежде всего в форме республик-государств. Общероссийская культура и, в первую очередь, русский язык и русское население региона стали мощным фактором формирования политической, социальной и духовной общности населения Северного Кавказа и его развития в общероссийском пространстве.

В последнее время Россия вошла в полосу непрекращающихся реформ, которые сопровождались трансформацией ее политической и социальной системы. Происходящие в России изменения повлекли за собой распад многих существовавших ранее социальных связей. Трансформация социальной системы страны в целом привела к возникновению условий институционализации новой позиции регионов, входящих в состав РФ в качестве самостоятельных образований, дающие им большую степень полномочий в сфере самоопределения. Это, в свою очередь, привело, с одной стороны, к значительному росту «атомизации», раздробленности нашего общества, с другой же стороны, начался бурный процесс образования новых социальных слоев, групп и т. д. В настоящее время тенденция децентрализации, выступавшая реальной угрозой безопасности и целостности России в первой половине 90-х годов, переведена в тенденцию укрепления федерализация государства, в ходе которого заметно усиливаются позиции центральной власти. Важный шаг в этом направлении – укрупнение единиц управления, в частности, образование федеральных округов.

Территория Южного федерального округа занимает 3,5 % территории России, на которой проживает 14,3% населения РФ. В состав ЮФО входят 8 республик, 2 края и 3 области. Это один из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов мира. Здесь проживают представители более ста народов, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих все мировые религии. Северный Кавказ – это один из наиболее густонаселенных регионов страны (50 человек на км²).

Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе на рубеже веков характеризовалась наличием вооруженных конфликтов, ростом преступности, попытками реализации различных форм сепаратизма, выхода субъектов из состава РФ, стремлением внутренней федерализации республик по национальному признаку, тенденциями создания

общекавказского политического объединения и построения конфедеративного государства кавказских народов и т. д.

Конец XX века ознаменовался драматическими событиями. Южный федеральный округ и Кавказ вовлечены в процессы глобализации и испытывают все ее противоречия и в то же время переживают такое всемирное явление, как взрыв этничности.

Ослабление российского государства, ошибки политиков и негативные последствия общественных преобразований последнего десятилетия дали возможность проявиться деструктивным силам на Северном Кавказе, которые задались целью разрушить территориальную целостность страны и мирную жизнь людей. Им удалось развязать международные конфликты, которые привели к огромным человеческим жертвам и материальным потерям.

Неурегулированность вооруженных конфликтов на российской территории и в Закавказье, сложные межэтнические отношения, трудности социально-экономического развития являются основой для эскалации кризисных ситуаций в северокавказских республиках РФ. Радикальный национализм, политический и религиозный экстремизм, вооруженные конфликты на Северном Кавказе – реальная угроза национальной безопасности России¹.

Таким образом, современная ситуация требует проведения комплекса мероприятий в плане конструирования общественного сознания регионального единства, где сам регион совпадал бы с границами федерального округа. Особенно настоятельна эта конструирующая, идеологическая в своем содержании работа в таких сложных в этнокультурном плане регионах, как Юг России. Существенная роль в этой работе отводится средствам массовой информации. Именно на их долю выпадает функция усиления ценностной интеграции политического пространства России в целом и конкретных ее регионов, т. е. обеспечения национальной безопасности.

А на деле все происходило наоборот. СМИ Юга России в конце 90-х гг. были втянуты в межнациональные конфликты и нередко преступали нормы закона. Так, например, на страницах крупных и влиятельных по меркам республик газет еще три-четыре года назад шли дискуссии о Кавказской войне XIX века, упорно именуемой русско-кавказской, об односторонних исторических ее уроках, которые не должно забывать молодое поколение. О том, что во всех бедах виноват федеральный центр, но не периферия. В отдельных публикациях поднимался даже вопрос территориальных

¹ Алиев А.К. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации / Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане: Доклады Международной научной конференции, посвященной 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН. Махачкала, 2001. С. 265 – 268.

притязаний и территориального передела. К сожалению, приходится констатировать, что СМИ, в т. ч. учрежденные органами государственной власти, формировали неуважительное отношение к России и народам, населяющим Северо-Кавказский регион, дистанцировались от общероссийских государственных интересов.

Вследствие этого информационная ситуация в регионе отличалась нестабильностью, при этом население, под влиянием местных СМИ, готово было замкнуться на проблемах своего района, области, края, республики. Сложившаяся информационная ориентация на локализацию и преимущественное внимание к «местечковым» сообщениям потенциально способна создать условия для полного обособления информационных пространств регионов, что повлечет за собой неизбежное появление доминирующей силы, проводящей посредством замкнутых на регионе СМИ собственную политику и воздействующей на общественные настроения через манипуляцию общественным сознанием.

Следует также иметь в виду и то, что региональные СМИ в основном черпают информацию из центральных СМИ, которые в большинстве своем ангажированы и выражают интересы либо медиамагнатов, либо политических партий и движений.

Все это давало возможность говорить о том, что республиканские, краевые, областные и районные СМИ Северного Кавказа обслуживают в основном интересы местной политической и финансовой элиты, а не федерального центра. Они не были нацелены на интегрирование в единое информационное пространство, зачастую дистанцировались от освещения общенациональных задач и программ, от разъяснения и поддержки государственной политики России, другими словами, не способствовали укреплению федерализма и безопасности государства.

За последние два года ситуация изменилась. Этому способствовали, в первую очередь, административные решения: создание округов, централизация управления СМИ на региональном уровне посредством создания территориальных органов Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций и передачи им функций контроля и управления в сфере СМИ наряду с ликвидацией территориальных органов в северокавказских республиках. На стабилизацию ситуации в рамках правового поля и поворот к интересам российской государственной политики были направлены усилия аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, федерального министерства печати и его окружного управления.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в немалой степени может и должна стать основой в этой работе, т. к. определяет главные задачи для власти и общества:

- это соблюдение конституционных прав и свобод человек и гражданина в области получения информации, пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества и традиций патриотизма;

- это информационное обеспечение государственной политики, доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике России;

- это развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации;

- это защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых по территории России.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для

реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества¹.

Т.о., информационная безопасность становится одним из важнейших элементов национальной безопасности. Причем речь идет не только о защите баз данных от несанкционированного доступа, но и об общих принципах функционирования информационных ресурсов страны, защите важнейших информационных и телекоммуникационных систем, обеспечивающих деятельность транспорта, энергетики, промышленности, органов государственного управления. В широком смысле слова информационная безопасность включает в себя такие проблемы, как противостояние культурной экспансии со стороны стран с развитой аудиовизуальной промышленностью, сохранение национальной и языковой самобытности.

Особую заботу государство вынуждено теперь уделять не просто обеспечению информационной безопасности в области систем связи, автоматизированных информационных систем, но противостоять возможной информационной агрессии, которая может исходить как из отдельных государств, так и небольших террористических групп².

В настоящее время федеральные власти четко артикулируют безусловное стремление сохранить и упрочить территориальную целостность России, очистить Северо-Кавказский регион от экстремистских и террористических организаций. Эти проблемы рассматриваются в качестве приоритетных в Концепции национальной безопасности РФ, где, в частности, указывается, что национальные интересы России во внутривнутриполитической сфере состоят в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий – социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма³.

Северный Кавказ и Закавказье всегда были и остаются регионом, где сталкиваются стратегические интересы мировых держав. На рубеже тысячелетий регион по-прежнему остается зоной острого экономического и политического соперничества, где четко просматриваются геополитические и геостратегические линии, направленные на

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

² И. С. Мелюхин. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999. С. 160.

³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/Documents/Decree/2000/24-1.html>

ослабление российского и упрочение западного влияния. Свыше 30 государств, многие транснациональные организации и компании объявили Кавказ зоной своих стратегических интересов.

Возникла прямая угроза превращения Северного Кавказа в один из центров международного терроризма. На этнополитическую ситуацию в регионе все более возрастающее влияние оказывают активное проникновение религиозного экстремизма (ваххабизма), попытки политизации ислама, что наглядно проявилось в последние годы в Чечне и Дагестане¹.

Межнациональные конфликты, а также территориальные споры возрождают сохранившиеся в памяти некоторых народов Северного Кавказа исторические обиды на репрессивную по отношению к ним политику царизма, последствий непродуманной переселенческой политики Российской империи, а также советской власти, многочисленные перекройки административных границ без учета исторически сложившихся реальностей Северного Кавказа.

В этой связи необходимо отметить, что помимо информации в синхронном, или горизонтальном, плане, объединяющей нацию в ее настоящем, сиюминутном состоянии, существует еще информация в диахронном, вертикальном плане: это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменной - литературной), а также материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков.

При этом этносы существуют не только в конкретном географическом, но и в «социальном» пространстве: живя чересполосно в большей степени общаются с представителями своего народа, чем с представителями других.

Бесспорно, для существования этноса основной является вертикальная (диахронная) информация, а для нации важнее всего синхронная информация. С обрывом ее национальное единство исчезнет очень быстро, тогда как этническое единство может сохраняться довольно долго, т. к. этнос (этничность) хранит определенный набор условных знаков и применение, хотя бы спорадическое, этих знаков служит средством выражения самоидентификации, выражения своей принадлежности к данному этносу. Минимальным таким выражением является сохранение самоназвания.

¹ Алиев А. К. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации / Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане: Доклады Международной научной конференции, посвященной 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН. Махачкала, 2001. С. 268.

Нации как этносоциальному образованию важны не столько диахронные, сколько синхронные связи, повседневные действия и общение, решение постоянно возникающих задач, общих, координация действия для их решения.

Важная роль государства в формировании нации выступает очень четко, и это совершенно очевидно связано с тем, что в наши дни границы государства в значительной степени совпадают с разграниченными зонами информационных сгустков, а, кроме того, государству принадлежит очень большая роль во всемерном повышении густоты информационных связей в пределах собственных границ.

На уровне первобытного строя как слабая плотность населения, так и отсутствие письменности предопределяет известную плотность коммуникаций, выше которой она подняться не может в этих условиях. Такая низкая плотность коммуникаций характеризует этнические общности первобытнообщинной формации – племена и соплеменности (или группы родственных племен).

Лишь с появлением классового общества и таких связанных с этим явлений, как укрупнение населения, прогрессирующее разделение труда, увеличение плотности населения, сбор воедино больших масс в армию или на трудовые повинности и, наконец, самое главное – возникновение письменности приводит к повышению плотности коммуникаций, в которой - критерий определения народности.

Распространение коммуникативных отношений создает условия, позволяющие еще более повысить коммуникативную плотность. К их числу следует отнести зарождение прессы, общенационального литературного языка, распространение хотя бы зачатков грамотности в более или менее численных слоях населения¹.

Следовательно, в относительно однородном в культурном плане обществе потоки синхронной информации являются гомогенными с потоками диахронной информации с точки зрения основных ценностей, символов, знаковых систем.

В полиэтничных обществах потоки диахронной информации, в которых находятся практически все этносы, кроме доминирующего, являются гетерогенными по отношению к синхронной информации, которая структурирует данное национальное образование как определенную культурную целостность в данных политических границах.

Таким образом, СМИ в полиэтничном обществе для генерирования единого потока синхронной информации должны актуализировать заинтересованность аудитории в принадлежности к данному информационному потоку других этносов; важность тех социальных сфер, вхождение в которые обеспечивается владением доминирующей

¹ Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 20 – 26.

знаковой системой и доминирующей системой ценностей; подчеркивать отсутствие принципиального антагонизма диахронного (исконно этнического) и синхронного потока общенациональной иноэтничной информации, которая функционирует на базе культуры доминирующего этноса.

Проблема усложняется тем, что целый ряд т. н. титульных этносов в результате процессов суверенизации получили возможность создавать мощные потоки диахронной этнонациональной информации в пределах своих республик, которые слабо интегрируются в общероссийское информационное пространство.

Примечательно, что данные диахронные потоки этнонациональной информации обеспечивают информационное воспроизводство этнонациональных общностей, которые реально воспроизводить сами себя не могут, т. к. все республики ЮФО являются дотационными.

Следовательно, интегрирующая функция СМИ в этих условиях состоит в необходимости компенсировать диахронные этнонациональные информационные потоки, подчеркивающие и постулирующие ненужность вхождения конкретного этноса в культурную и социальную среду доминирующего этноса, а также акцентирующие внимание на принципиальном несоответствии их социокультурных систем.

Кроме того, в новых социально-политических условиях, когда общество по своей природе становится информационным, СМИ могут и должны стать эффективным средством и инструментом профилактики и борьбы с сепаратизмом, национализмом и т.п.

В эпоху информационных технологий, когда социальная среда перенасыщена информацией, безопасность любой информационной системы, считают специалисты, уже начинает определяться не только теми знаниями, которые данная система получает о противнике, но и, может быть, даже в первую очередь, теми знаниями, от восприятия которых ей удалось уклониться¹.

Чтобы не «смотреть на мир чужими глазами», глазами информационной системы-агрессора, стать похожей на нее, достаточно «закрывать глаза», не воспринимать входные данные, подаваемые противной стороной. Во многих странах данный способ защиты населения и страны закреплен законодательно (в США, Англии, Франции существует запрет на использование любых кино-, фото-, видео- и печатных материалов, снятых и написанных на стороне противника)².

Таким образом, государственная политика обеспечения информационной безопасности Российской Федерации определяет основные направления деятельности

¹ Расторгуев С. П. Информационная война. М., 1998. С. 100, 310.

² Там же. С. 128.

федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в этой области, порядок закрепления их обязанностей по защите интересов Российской Федерации в информационной сфере в рамках направлений их деятельности и базируется на соблюдении баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Основными элементами организационной основы системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации являются: Президент Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, межведомственные и государственные комиссии, создаваемые Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы судебной власти, общественные объединения, граждане, принимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации участие в решении задач обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Федеральные органы исполнительной власти, а также территориальные органы федеральных органов исполнительной власти обеспечивают исполнение законодательства РФ, решений Президента и Правительства Российской Федерации в области обеспечения информационной безопасности России.

Среди первоочередных мероприятий по реализации государственной политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации выделяются такие направления, как:

- разработка и реализация механизмов повышения эффективности государственного руководства деятельностью государственных средств массовой информации, осуществления государственной информационной политики;
- развитие инфраструктуры единого информационного пространства России, комплексное противодействие угрозам информационной войны,
- развитие системы подготовки кадров, используемых в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации¹.

В частности, Южное окружное межрегиональное территориальное управление (ЮОМТУ) Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, осуществляющее свою деятельность в пределах

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации

Южного федерального округа, является одним из таких элементов системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

ЮОМТУ МПТР России, а также представители управления в республиках Северного Кавказа, осуществляют практический контроль за соблюдением средствами массовой информации субъектов РФ ЮФО российского законодательства в области СМИ и печати.

Отмечая вышеперечисленные в статье недостатки в функционировании информационного пространства ЮФО и констатируя угрозу как конституционным правам и свободам граждан, так и информационному обеспечению государственной политики в России, ЮОМТУ МПТР России предпринимает следующие меры:

1. В целях изучения уровня информационного обеспечения населения проводятся мониторинги СМИ субъектов федерации Южного федерального округа по наиболее актуальным общественно-политическим темам:

- «Проблемы межнациональных отношений, противодействие проявлениям политического и религиозного экстремизма»;
- «Укрепление правопорядка и борьба с преступностью»;
- «Противодействие злоупотреблению наркотическими веществами и незаконному обороту наркотиков».

Мониторинги направляются ежеквартально в МПТР России для использования в своей работе и последующего предоставления в Правительство, Совет Безопасности и т.д.

2. Для более компетентной оценки содержания СМИ при управлении создан экспертно-аналитический совет, в состав которого входят известные на Юге ученые, общественные деятели, руководители СМИ и общественных организаций, так или иначе связанные по роду основной своей работы с общественно-политическими, информационными процессами в регионе и стране в целом.

3. Проведение выездных учебных семинаров с журналистами СМИ субъектов федерации ЮФО.

4. Создание Учебно-Информационного Центра совместно с Северо-Кавказской академией госслужбы в целях направления усилий региональных работников СМИ в русло интересов российской государственной политики, в том числе информационной.

5. Вынесение в соответствии с Положением о территориальных органах МПТР России предписаний редакциям СМИ, нарушающим Закон РФ «О средствах массовой информации».

6. Подготовка заключений по нарушениям редакциями требований ст. 4 Закона РФ «О СМИ», т.е. использующих средства массовой информации для разжигания

национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны и распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости и предоставление в МПТР России для вынесения письменных предупреждений (неоднократные в течение 12 месяцев предупреждения могут служить основанием для прекращения судом деятельности средства массовой информации по иску регистрирующего органа).

Таким образом, сегодня основная задача государства в осуществлении информационной безопасности страны – поставить под контроль общества и государства отечественные СМИ, остановить и нейтрализовать их дегуманизованную направленность, антинародный, антигосударственный характер, создать определенные барьеры и фильтры для иностранных СМИ, оказывающих негативное, разрушительное влияние на российское общество. Выработка механизмов, которые реально сделали бы СМИ зависимыми от тех, кто их читает, слушает и смотрит, должна составлять, по мнению Союза журналистов России, основной приоритет законодательной и законоприменительной деятельности¹.

В. Серебрянников

ИСЛАМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современном мире, в том числе и в России, возрастает активность религий, а также усиливаются противоречия между ними и внутри их, нередко выливаясь в острые конфликты. Возникают концепции о неизбежности на этой основе межцивилизационных, по существу, новых религиозных войн, и предтечей таких войн провозглашают вооруженные конфликты на Ближнем Востоке, постсоветском Кавказе, на территории бывшей Югославии и др. Многие западные, а в унисон с ними и российские политики и ученые в качестве одного из сильнейших источников международного терроризма, сепаратистских движений, затяжных военных конфликтов, восстаний и мятежей, будущих мировых войн называют исламизм. Якобы исламский фактор представляет "глобальную опасность", особый вызов Западу, мину замедленного действия для России. Можно говорить об определенной традиции для части западных и российских деятелей рассматривать исламскую цивилизацию в целом как агрессивную (А. Тойнби, Хосе Ортега Гассет, С. Хантингтон, академик Н. Моисеев и др.), хотя они по-разному объясняют причины этого явления. Прогнозируются на первые десятилетия XXI века войны

¹ Средства массовой информации России. 1997. (Анализ, тенденции, прогноз). С. 220.

исламских государств против Запада, России и т.п. В сознании части людей пустили глубокие корни подозрительность и неприязнь к представителям мусульманства. Оно отождествляется с мракобесием и насилием.

Действительно, по линии разлома между западной и исламской цивилизациями на протяжении долгой истории возникало немало войн. Исламские войска вторгались в Западную Европу (осада Вены в 1529 и 1682-1683 гг.), угрожали всей ее территории. Но даже те, кто считает исламизм агрессивным, вынуждены признать, что это его свойство являлось реакцией на многовековое стремление Запада завоевать, подчинить и ассимилировать Восток.

Еще Геродот в своей "Истории" отмечал, что тяжкая вина за войны между Востоком и Западом лежит именно на европейцах, "так как они раньше пошли походом в Азию, чем варвары в Европу"¹. Что касается XX века, то его военные события не дают никаких оснований провозглашать ислам наиболее агрессивным. Ислам не исторгал войн больше, чем другие цивилизации. Все наоборот: на западные государства падает ответственность за 70-75% войн и вооруженных конфликтов XX века. По данным министерства обороны США, только в период с 1980 по 1995 год Вашингтон провел против исламского мира 17 военных интервенций². Ничего подобного исламский мир против ведущих западных государств в XX веке не совершал. На исламский мир, численность которого составляет около 20% населения планеты, приходится примерно 10% войн и вооруженных конфликтов XX века, почти исключительно внутрицивилизационных.

Важно учитывать, что исламский мир не представляет государственно-политическую целостность, способную применять концентрированно военную силу всех исламских стран с единой целью. В нем существуют внутренние противоречия и конфликты, которые нередко приводят к крупным военным столкновениям. К их числу относится, например, ирано-иракская война, продолжавшаяся 8 лет.

Важно пристально взглянуть в историю взаимоотношений России и мусульманского мира. В этих отношениях было меньше столкновений, напряженностей и жесточенности, чем в отношениях между Западом и исламским миром, а также между Западом и Россией. Не было у России стремления завоевать Восток, как это пытались осуществить Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, Гитлер и др. Вряд ли следует брать в расчет мечты Павла I в XVIII веке и некоторых членов Политбюро ЦК КПСС в XX веке о силовом выходе России к теплым южным морям. Из всех войн, которые вела Россия во втором тысячелетии своей истории, почти 50% приходится на

¹ Геродот. История. М., 1993. С. 12.

² См.: Независимая газета (НГ-Сценарии). 1998. №1. С. 6.

преимущественно оборонительные войны с Западом и только около 20% со странами Юга, в основном с Турцией и Ираном. Некоторые из войн, например Крымская (1853-1856 гг.), были спровоцированы западными государствами.

В период с 20-х до конца 70-х гг. XX века у России не было военных столкновений с мусульманскими странами, хотя это время беспрецедентно по количеству войн и вооруженных конфликтов в мире, включает в себя вторую мировую войну, «холодную войну» и т.д. СССР не раз оказывал действенную помощь исламским странам в отражении агрессии западных стран (например, англо-франко-израильской агрессии 1956 г.), что по достоинству оценивалось народами Востока. Это говорит о многом. К сожалению, большой ущерб отношениям России с мусульманскими странами нанесен иррациональной афганской военной кампанией СССР 1979-1989 гг., прозападной позицией российского руководства во время войны в Персидском заливе в 1991 г., а также во внешней политике вообще после развала СССР, поддерживающей глобализацию по-американски.

Сейчас в моде цивилизационный подход в объяснении источников, типов и видов войн. Утверждается, что их причиной являются существенные различия между цивилизациями, "природа людей разных цивилизаций". Но сами различия не генерируют агрессивность. Социальные различия могут порождать агрессивность, когда в основе их несправедливость, ущемление чьих-либо интересов, насилие, искусственное насаждение чуждых ценностей, принципов и норм морали, образа жизни путем уничтожения исторически сложившихся. Но это уже связано с характером строя, власти, режима, политикой государств (блоков) различных цивилизаций. Политика вестернизации, американизации всех стран и народов, воплощенная в стратегии глобализации Запада, - главная причина нарастающего нового всемирного конфликта. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов наличие экспансионистских режимов в некоторых мусульманских государствах, сильную их милитаризацию и растущую международную активность. Но роковой опасности, как это зачастую изображают, с их стороны нет. Важно, чтобы Россия не поддавалась на новые провокационные попытки Запада столкнуть ее с исламским миром, как это было с СССР во время «холодной войны».

Активность исламских государств во многом связана с таким явлением, как возрождение ислама, стремлением вновь открыть первоначальный смысл его идей, претворять их в жизнь, сделать его более современным, служащим гуманным целям. Развитие многих исламских государств показывает, что ислам совместим с современной наукой, способен принять и плодотворно использовать ее достижения, служить развитию техники, технологий, экономики и т.д. Нельзя не признать, что мир ислама не менее

благоприятен для всестороннего прогресса, чем западный мир. Главное - научиться уважать его, ладить с ним, разворачивать всестороннее сотрудничество, а не относиться к нему как к пугалу.

Вопрос о взаимоотношениях с исламским миром имеет огромное внутреннее значение для России, так как она является в большой мере православно-мусульманской страной, частью исламского мира.

Прочность российской цивилизации во многом зависит от сохранения и укрепления единства всех религий, действующих на территории нашей страны, но в первую очередь от дружбы и взаимоподдержки православия и ислама. Опыт свидетельствует о возможности именно дружеского сожительства этих двух религий. Они у нас никогда жестко не конфликтовали в условиях как царской, так и советской России. Цементом, скрепляющим православие и ислам, было и остается осознание себя как православными, так и мусульманами неотъемлемой и равноправной частью российского народа, живущего в общем, едином и неделимом государстве. Этому способствуют глубокое породнение российских людей разных верований, межконфессиональное смешение в семьях.

Важно отметить значение ряда факторов, влияющих на стабильность российского общества в условиях роста веса и влияния конфессий. Первый среди них - правильная политика в отношении всех религий, создающая условия для равноправного и взаимоуважительного отношения различных конфессий друг к другу. Это важно для всех сфер жизни и деятельности общества. в том числе и в области военного строительства. Имеющийся сильный акцент на православизацию армии и флота может повредить этому. Демократическое государство призвано равно уважать права и других конфессий относительно ведения религиозных дел в вооруженных силах.

Светскость государства многоконфессиональной страны должна выражаться в равноудаленности его от всех конфессий при гарантии гражданам конституционных религиозных прав и обязанностей. Вместе с тем Россия, являясь светским государством, не должна допустить, чтобы в духовном мире такого важнейшего института государства, как армия, господствовала религия. Светское государство и религиозная армия - нонсенс. Обеспечивая свободу вероисповедания для военнослужащих, демократическое государство обязано выработать светскую идеологию, которая служила бы поддержанию высокого духа личного состава армии и флота, укреплению единства и дружбы всех сегментов общества, в том числе существующих и законно действующих конфессий.

Е.В. Шарапова

КОНСЕРВАЦИЯ НЕПРИЗНАННЫХ КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В шкале приоритетов безопасности России сегодня на первое место, наряду с политической стабильностью, должно быть поставлено сохранение ее государственной целостности. Угроза в этом направлении порождается следующими тенденциями: стремлением ряда народов, в свое время добровольно вошедших в состав Российской империи или насильственно к ней присоединенных, добиться политической самостоятельности, ограниченного или полного, что и является темой данной статьи, суверенитета.

Рассматриваемый вопрос сочетает в себе постановку территориальной проблемы с проблемами развития общества и вопросами осуществления государственной власти.

Государство, как организм, артикулирует жизнь народа, взаимоукрепляет ее, делает территорию единым организмом. По мнению Ф. Ратцеля, государство совпадает с государственно организованным обществом. «Государство возникает там, где все общество объединяется во имя целей, которые являются лишь целями всего общества и могут быть достигнуты лишь благодаря общим усилиям в течении определенного времени»¹. Несмотря на давность «органицистской теории», исторический срез позволяет рассматривать систему современных государств, как саморазвивающуюся.

Экспансивные характеристики территориальных образований рождают и проблему появления «новых» субъектов геополитического порядка. Появлению новых государственных единиц, способствует распад прежних. Каждый центробежный процесс в государстве имеет конкретные и четкие причины. По мнению В.А. Колосова и Н.С. Мироненко, распад государства зависит от многих факторов: - геополитических (расколу способствует расположение районов с преобладанием меньшинств и на периферии государственной территории, вблизи ареала, заселенного родственной этнической группой); - демографических (абсолютной численности меньшинства и его доли в населении страны в целом и административного района, в котором оно проживает, степени его территориальной концентрации, доли среди городских жителей); - исторических (наличия у меньшинства опыта собственной государственности или автономии, «стажа» вхождения в нынешнее государство); - экономических (уровня урбанизации, валового дохода на душу населения относительно среднего по стране, сальдо миграций как показателя экономического положения: значительное сальдо

¹ Тихонравов Ю.В. Геополитика. М., 2000. С. 55.

миграций – как положительное, так и отрицательное – обычно ведет в усилению этнополитической напряженности); культурных (доли меньшинства, говорящего на родном языке, различий в вероисповедании с большинством); политических (уровня политической мобилизации меньшинства, в том числе наличия и влиятельности националистических партий и движений, иных проявления национализма)¹.

Анализ причин появления «непризнанных государств» позволяет судить о том, что распад государства связан с формированием на периферии нового оппозиционного центра силы, который обладает собственными интересами, не совпадающими с политикой прежнего центра. На фоне этого между Центром и периферией происходит передача взаимных требований. Распад государства приводит к конфликту отделившейся «провинции» с бывшим Центром.

Новое государство с новыми границами может возникнуть двумя способами: 1) путем отделения части территории и народа от некоего крупного государства; 2) через объединение государственных территорий и народов. Иногда эти способы комбинируются. После произошедшего отделения одной и нескольких частей государства, происходит объединение с уже существующим государством. В эпоху династических государств объединение или раздел государств происходил путем завоевания, наследства, дарения, покупки. В эпоху народного суверенитета подобные основания перестают быть легитимными. Сегодня для образования или преобразования государственной единицы необходима легитимация посредством волеизъявления народа. Однако образование государства не всегда приветствуется существующим геополитическим порядком. Возникает проблема «задержки признания», когда субъекты международных отношений искусственно сдерживают, игнорируют «нового игрока».

По мнению американского географа Р. Хартсхорна государство должно быть способно действовать как единое целое. Эффективность связанности политической государственной единицы не может быть обеспечена одной только системой государственного аппарата, как бы она ни была хорошо продумана и умело использована. Для ее достижения в еще большей степени требуется убежденность в необходимости объединения всех групп населения во всех частях района, то есть чувство их тождества с районом в целом и его организацией как политическим государством. Подобное тождество наиболее актуально так как при его ослаблении, может возникнуть естественный антагонизм – чувство связанности с более мелкой частью государства,

¹ См.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С.374-175.

чувство связанности с религиозной общиной, охватывающей ряд государств, или с людьми говорящими на одном языке, распространенном в другом государстве¹.

«Непризнанные государства» могут быть классифицированы по происхождению. Так, можно выделить квазигосударства, возникшие в результате: - распада многонационального государства (Абхазия, Приднестровье и т.п.); - самоопределения региона с особой этнической и этнокультурной структурой населения (Северный Кипр, Палестина); - гражданской войны или вооруженного вмешательства (Северный Афганистан, Босния).

Существование феномена непризнанности государственных образований связывают со слабым политическим менеджментом дробящихся государств. Сам феномен, часто трактуют с тех позиций, что признание новых квазигосударственных форм приведет к неконтролируемому дублированию подобных процессов в других государствах. Следовательно, позиция признания новых государственных образований, означает потерю контроля над процессами, происходящими на территории с центробежными тенденциями.

Существование де-факто подобных квазигосударственных образований стало неотъемлемым элементом международного геополитического порядка. Квазигосударства обладают всеми атрибутами нормального государства, власти которых полностью контролируют свою территорию. Подобные квазигосударства уделяют большое внимание государственному строительству и, в частности, созданию своей идентичности, необходимой для легитимации их территории и границ. Однако, отсутствие опыта государственования, лишает данные территории самостоятельности в пространственном отношении.

Необходимо остановиться на таком явлении, которое французский геополитик Ж. Готтман называет «iconographic», обозначая систему символов, воплощающих государственную идею: флаг, герб, гимн, с помощью которых культивируется у гражданского населения чувство самоидентификации с государством. В качестве государственной идеи могут выступать возвращение утраченных территорий, объединение этнической группы в пределах государства и т.п. Ж. Готтман подчеркивает, что подобные «образы» не зависят от физико-географических условий, а воспроизводятся как типичные для той или иной общности. Одним из формирующих подобные образы факторов является национализм, который Ж. Готтман определяет как «геополитическую силу», обладающую созидательным характером. Данный момент, существенен для работы в том плане, что т.н. «непризнанные государства», непременно обрастают необходимой властно-идейной атрибутикой. Концепция Готтмана позволяет рассматривать феномен

¹ См.: Хартсхорн Р. Анализ независимого государства // Американская география. М., 1957. С. 190.

«непризнанных государств» как процесс созидания устойчивой общности, наделенной специфическими чертами и обладающей уникальным идейным полем.

Возникновение квазигосударств всегда обусловлено пространственными характеристиками. Большинство «непризнанных государств» возникает вдоль геополитических «разломов». Такие районы, так называемые «буферные зоны», типичны для порубежья между крупными геополитическими субъектами, рассматривающими эти территории как стратегические плацдармы. На протяжении определенного количества лет они находились под контролем то одной, то другой стороны, что приводило к «возникновению сложных смешанных идентичностей, которые, в свою очередь, становились объектом манипуляций заинтересованных политических сил и держав»¹.

Интересна концепция П.В. Чернова, выделяющего так называемые «скрытые этногосударства» на карте мира. Подобные территориальные образования, по его мнению, представляют собой очаги политической, экономической и социальной нестабильности². Подобные характеристики обусловлены источниками существования подобных государственных образований. По мнению А.И. Неклесса, для «непризнанных государств» характерна трофейная экономика, основанная на проедании ресурсов, доставшихся от предшествующего государственного строя. Для социальной организации этих территорий часто свойственен возврат к архаическим формам, клановым формам. Неурегулированный политический статус становится причиной втянутости в международные конфликты, т.к. как уже говорилось выше, «непризнанные государства» становятся предметом интересов сопредельных государств и центров политической силы.

Распад СССР связан с возникновением на ее рубежах геополитической нестабильности и возникновению на ее бывшей территории «непризнанных государств». Россия глубоко вовлечена в конфликты, связанные с четырьмя непризнанными республиками на территории бывшего СССР. Это – Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика. Абхазия и Южная Осетия непосредственно примыкают к российским границам, а события в других затрагивают российские интересы.

Существующие т.н. «непризнанные государства» обладают стабильными характеристиками, что говорит об устойчивости подобного феномена в современном обществе. Для «непризнанных государств» характерна трофейная экономика, основанная на проедании ресурсов, доставшихся от предшествующего государственного строя. Неурегулированный политический статус становится причиной втянутости в

¹ См.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 371.

² См.: Чернов П.В. Россия: этнополитические основы государственности. М., 1999.

международные конфликты, т.к. как уже говорилось выше, «непризнанные государства» становятся предметом интересов сопредельных государств и центров политической силы. Возникновение квазигосударств всегда обусловлено пространственными характеристиками. Большинство «непризнанных государств» возникает вдоль геополитических «разломов». Такие районы, так называемые «буферные зоны», типичны для порубежья между крупными геополитическими субъектами, рассматривающими эти территории как стратегические плацдармы.

Реалии постсоветского пространства отразили необходимость постановки проблемы государственного признания новых квазигосударственных образования. Распад СССР связан с возникновением на ее рубежах геополитической нестабильности и возникновению на ее бывшей территории «непризнанных государств». Россия глубоко вовлечена в конфликты, связанные с четырьмя непризнанными республиками на территории бывшего СССР. Это – Автономная Республика Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика. Абхазия и Южная Осетия непосредственно примыкают к российским границам, а события в других затрагивают российские интересы.

В настоящее время предложен к реализации еще один способ признания суверенитета политического образования через международную неправительственную организацию. С 1991 года функционирует организация, которая стремится к защите народов и реализации их прав – Организация Непредставленных народов и наций (ОНН). Она была создана как инструмент доступа в мировое сообщество и способ влияния на него. ОНН стремится к признанию и защите прав коренного населения, национальных меньшинств, их самоидентификации и сохранению и развитию национальной культуры. Организация была основана лидерами ненасильственных движений прибалтийских государств, Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Абхазии, Чечни, Тибета, Армении, крымских татар, греческого меньшинства в Албании, австралийских аборигенов и другими на Учредительной Ассамблее в Гааге. Задачами ОНН являются эффективное использование международно-правовых, дипломатических и политических средств прав народов на самоопределение, предотвращение вооруженных конфликтов и отказ от террористических методов борьбы.

Вышесказанное, подчеркивает необходимость поиска политических правовых решений по урегулированию внутригосударственного конфликта, возникающего вследствие центробежных тенденций. Очевидно, что существует необходимость разработки международных правовых процедур обретения независимости и признания, т.к. это обосновано повысившейся активностью этнических элит, которые в процессе

самоопределения, зачастую стремятся к образованию новых государств в мировом политическом пространстве.

В заключении, можно выделить два важных момента, приостанавливающих процесс международного признания новых субъектов политики, возникающих на международном и в частности, постсоветском пространстве: опасение появления огромного количества государственных образований, которые нежизнеспособны фактически и нежелание косвенно способствовать перенесению сепаратизма на собственную территорию.

Материалы «Кавказоведческого семинара» Студенческого информационно-аналитического Центра ИППК при РГУ на тему:
«Новые вызовы национальной безопасности на Юге России»
(февраль 2003 г.)

М. Барбашин

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

В последнее время среди наиболее упоминаемых в СМИ глобальных угроз особое место занимают угрозы экологического и биологического терроризма. Современный биотерроризм проявился в США в конце 2001 г. в форме рассылаемого по почте в конвертах белого порошка со спорами бактерий сибирской язвы, хотя специалисты еще в 1970-е годы подсчитали эффективность этого оружия: военная операция против гражданских лиц в заданной зоне размером в один квадратный километр с применением обычного оружия обойдется в 2000 долларов. С применением ядерных снарядов – 800 долларов, с применением нервно-паралитических газов – в 600 долларов и только... в один доллар, если будет применено биологическое оружие. “Если с тех пор цены и выросли, то соотношение осталось примерно тем же...” (См. Д.В. Ольшанский. Психология терроризма. СПб. 2002. с. 271). Возможности международного терроризма в осуществлении экологических диверсий проявляются, прежде всего, в биологических угрозах проникновения в окружающую среду микроорганизмов, опасных для человеческого сообщества и экологических систем в целом (Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. Многомерный мир современного человека. М. 1998. с. 161). Конечно, нужно обратить внимание на опасность распространения эпидемий и не допустить этого (Залыгин С. П. Чечня: трагедия России. В поисках путей мирного урегулирования конфликта в Чеченской Республике. Этнополис. М. 1995. с. 155).

Однако экологический фактор в этнополитических конфликтах - это понятие более широкое, включающее в себя также манипулятивное использование экологических последствий осуществления деятельности различных предприятий, как правило, с определенным преобладающим этносоставом, а также роль экологического фактора при осуществлении миграций. По мнению А.Д. Марфусаловой особенно сильно подвержены воздействию макросреды национальные меньшинства. Вследствие этого всякие неблагоприятные для макросреды явления отражаются на состоянии небольших этнических общностей. К таким явлениям относятся экологические кризисы,

вызванные хозяйственной деятельностью государственных ведомств и предприятий, миграции населения, этнополитические конфликты.

Конечно, этнополитические конфликты оказывают разрушительное воздействие на экологические системы. Однако часто сами экологические движения в радикальных своих проявлениях могут разрушать отдельные элементы природных систем или провоцировать на подобное поведение своих противников. Так, наиболее экстремистская международная экологическая организация “Green Peace” постоянно балансирует на грани откровенного терроризма. (Д.В. Ольшанский. Психология терроризма. СПб. 2002. с. 174). Характерно, что движения “зеленых”, зарождаясь как экологические, как правило, быстро политизируются, приобретают характер национально-демократических (достаточно вспомнить эволюцию партии “зеленых” в ФРГ). И это закономерно - очень быстро участники экологических движений убеждаются, что решение проблем охраны среды обитания наталкивается на препятствия, неустранимые без политических преобразований общества. В то же время экологическая опасность грозит не отдельным гражданам, а подчас всему этносу в целом.

Большие социальные и экологические последствия, как для отдельных этнических групп, так и для всего российского населения в целом может иметь стратегия природного и экологического расточительства, когда акцент делается на природные ресурсы. По мнению многих специалистов, России почти уготовлена участь экологической колонии. “В результате колоссальные природные богатства бывшего советского пространства становятся новым мощным источником жизнеобеспечения развитых стран”. (Крылова И. А. Глобальные проблемы, судьбы гуманизма, будущее цивилизации // Человек. Философия. Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4 -7 июня 1997). В 7 томах. Т. 5. Философия в мире знания, техники и веры. СПб. 1997. с. 258). Конечно, бережное отношение к природным ресурсам, их разумное использование – забота всего населения независимо от национальности, территориальной принадлежности, традиций и т. д. (Яйли Е. А. Самоуправление и рациональное природопользование в полиэтничной социокультурной среде: проблемы и перспективы // Государственное управление и местное самоуправление в полиэтничной социокультурной среде (Материалы к международному симпозиуму в г. Туапсе 7-9 июля 1999 г.) Ростов н/Д – Туапсе. 1999. с. 219). Но в то же время экология этносферы должна трактоваться шире, чем просто проблема сохранения и разумного использования этническими группами природной среды своего обитания, на что делает упор отечественная этноэкология, в исследования необходимо также включать социальную и политическую деятельность этноса, а также влияние, которое оказывает эта деятельность

на природные системы других этнических групп. Наиболее точно предмет этноэкологии определил В.И.Козлов: "как особое научное направление на стыке этнографии и экологии человека, занимающееся изучением особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом, специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду; традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем" (Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. Этнография. 1983. №1. с. 8).

Большое значение при этноэкологическом анализе имеют категории, которые носят не только экологическое или правовое значение, но также включают в себя большое социально-политическое содержание: священные земли, родовые угодья, территории традиционного природопользования, особо охраняемые земли. В некоторых религиях святыми местами могут быть усыпальницы (мазары) благочестивых учителей или мучеников, священные камни, деревья, водоемы, а также места где останавливались или жили некоторое время суфии. (А. Ниязи Возрождение ислама в Таджикистане: традиция и политика // Центральная Азия и Кавказ. №5(6) 1999. с. 154).

Именно в этой сфере наблюдается наиболее интенсивная работа по поиску компромиссов, отражающих интересы государства и отдельной группы населения. Так, урегулированию вопросов природопользования посвящены 10 из 18 страниц (статьи 5-8) Закона о гарантиях прав малочисленных народов РФ 1999 г. (См. Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации закон от 22 апреля 1999 г.). Главной чертой всех российских правовых актов в этноэкологической сфере – вне зависимости от того, касаются ли они регулирования видов традиционного природопользования, или законодательного обеспечения местного самоуправления на территориях традиционного расселения – являются государственные гарантии развития этнических групп. Однако не подкрепленные прочной финансовой базой, эти гарантии пока носят в основном декларативный характер.

В настоящее время происходит усиление роли экологических факторов в этнополитических конфликтах. Однако надо заметить, что по сравнению с традиционными обществами, роль политической составляющей в экологическом факторе современных конфликтов достаточно заметна и легко может стать объектом манипуляции.

А.Л. Карамина

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В настоящее время происходит становление глобального информационного общества. Развитие информатизации, расширение новых информационно-телекоммуникационных технологий, бурный рост использования глобальных компьютерных сетей, электронных СМИ, баз данных и т.п. – оказывает решающее воздействие на изменения, которые происходят в социальной сфере общества, экономике, развитии политических институтов. Без информации не может развиваться экономика. Не могут приниматься политические решения. Таким образом. Информация является основой деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной властей, всей системы государственного управления, в том числе и управления вооруженными силами. Информационная сфера стала главным фактором жизни общества, и чем активнее эта сфера общественных отношений развивается, тем больше политическая, экономическая, оборонная и другие составляющие национальной безопасности любого государства зависят от информационной безопасности, и эта зависимость в процессе технического развития все более возрастает.

Необходимость построения в России информационного общества, вхождение в мировое информационное пространство, сопряжена с тем, что на смену угрозам «холодной войны» пришли вызовы «информационной войны». Кроме того, имеет место информационно-культурная и информационно-идеологическая экспансия развитых стран Запада, в результате чего противоборство стран переместилось в информационную сферу. К тому же, средства, применяемые для негативного воздействия на информационные и телекоммуникационные системы, стали доступны не только государственным спецслужбам, но и отдельным криминалистическим и террористическим группам. Вот поэтому проблема информационной безопасности стала международной и по значимости соизмеряется с глобальной экономической и экологической безопасностью.

На современном этапе борьбы за сферы влияния, в том числе и на Северном Кавказе, акцент с применения силы все заметнее перемещается на использование более гибких средств, позволяющих осуществлять контроль и управление информационными ресурсами противостоящей стороны. Для достижения этих целей не исключена возможность использования высокоэффективного и скрытного информационного воздействия. Которое рассматривается как новый вид оружия, гораздо более эффективное, чем традиционные средства вооруженной борьбы.

Использование информационного оружия возможно для незаметного и практически мгновенного разрушения систем управления различного класса и для реализации политических и военных интересов, а так же для защиты собственных информационных ресурсов. Недооценка роли информации пагубно отражается на политических решениях и на политическую ситуацию. Умелое использование чеченскими боевиками и радикально настроенными исламистами информационных средств с целью манипулирования общественным мнением еще раз доказывает важность информационного компонента в стратегии обеспечения национальной безопасности. Как указывают некоторые авторы, например Паин Э.А. «подготовка чеченского народа к вооруженному сопротивлению федеральной власти велась еще до ввода федеральных сил» с помощью специальной литературы и средств массовой информации, в которых «пестовался трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и чеченцев», звучали призывы к «восстановлению исторической справедливости». Наряду с этим недостаточное информационное обеспечение федеральных сил и недостаточно активная работа по формированию позитивного общественного мнения о целях и задачах контртеррористических операций, и отсутствие полной. Достоверной и необходимой информации о ситуации в Чечне. Как следствие всего этого, федеральный Центр практически проиграл «информационную войну» в Чечне. А также это привело к созданию крайне негативного мирового общественного мнения о действиях федеральных сил на территории Северо-Кавказского региона.

Только в последние годы информационной сфере стало уделяться должное внимание. Предпринимаются попытки ускорить разработку механизма осуществления и контроля мероприятий информационного обеспечения государственной политики на Северном Кавказе. Однако необходимо провести всестороннее многоуровневое рассмотрение проблем информационной безопасности, т.к. содержание этого понятия все более расширяется и существенно повысилась роль и значение этого компонента в системе национальной безопасности.

Информационная безопасность России должна быть направлена также на содействие успешного проведения государственных реформ (экономических преобразований и совершенствование различных структур) и на обеспечение информационного суверенитета. Кроме того, для решения проблем информационной безопасности требуются совместные усилия государственных, промышленных, академических кругов, деловой, научной и культурной общественности. Особенно важно общественное осознание этих проблем, социально-гуманитарные и правовые аспекты информационных отношений.

ПРОБЛЕМА КОРМОВ И ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Выдающиеся отечественные и зарубежные исследователи мировой истории и природы с тревогой ставят проблемы кормов и энергоносителей на современном этапе. Поразительно, но США, разжигающие страсти вокруг Ирака (прежде всего из-за его нефтяных богатств), оказывается придает серьезное значение познанию проблем кормов и подсчета энергоресурсов на Земле. Причем НАТО ведает непосредственно этими исследованиями, о чем убедительно свидетельствует изданный на ее средства труд «Третье тысячелетие, Климатические изменения и коллапс Старого мира», отразивший обзор событий от гибели от потопа Вавилонского царства и климатических потрясений в Древнем Египте и до наших дней. Как видно из разбора научных статей ученых из разных стран мира военный блок НАТО решил выяснить; какую роль в гибели цивилизаций минувших эпох сыграли изменения климата? По это ведь уже 49 порядковый номер серии трудов этого рода. Тоже НАТО выпустило труд «Атмосферный озон как климатический газ». Из других публикаций, как удалось выяснить из книг изданных для очень узкого круга специалистов, стало очевидно, что в ближайшие 40-50 лет, по заключению самых крупных ученых, все земные источники энергии будут исчерпаны (см. «Правда» №19, 18-19 2003 г.), И в таком случае потребуются решение проблемы термоядерной энергетики, для чего крайне необходим гелий-3, которого практически нет на Земле, а на Луне он скопился в огромных количествах. Один рейс космического челнока на Луну, если нагрузить его этим топливом (гелием-3) обеспечит на целый год все энергетические потребности даже США. Считается, что запасов гелия на Луне хватит землянам на 7 тысяч лет. Отсюда неудержимое стремление не только США, но и Японии начать форсированное освоение Луны. Нам же из-за отсутствия финансов сберечь бы пока те природные богатства, которые у нас есть. Великий Д. И. Менделеев, как известно, настоятельно советовал вообще не вывозить сырье из России в течение 20 и 21 веков, если уж продавать что, то только готовую продукцию. И даже, царским указом 1905 года об ограничении экспорта из страны сырья разрешалось вывозить из России его не более 10-12 %. Поскольку экологический кризис уже завершился к 2000 году, и началась экологическая катастрофа, пора бы всем народам, правительству, Всемирному совету церковей вернуться к жесткому государственному регулированию экономики, а не выражать дикий восторг по поводу того, что из России в Турцию проведен гигантский нефтепровод по дну Черного моря (который, нет сомнений, и загубит это море).

Что касается кормов, то это самая важная проблема современности, точного решения которой не знает никто. Мы можем восхищаться и гордиться, что наши предки с успехом создали самое северное в мире земледелие в очень неустойчивом континентальном климате. И сделать это смогли сообща в процессе возникновения русской общины - особого способа жизни и гурда. А ныне согласно фундаментального исследования академика К. Я. Кондратьева «Экодинамика и геолитика», почти недоступного широкому читателю, выносится, так сказать, смертный приговор современному способу хозяйствования, при котором человечество с большой скоростью поедает (а большей частью втаптывает и загрязняет) свою же кормовую базу. Поразительно, но каждый американец в среднем не только потребляет, но и загрязняет планету в 3 раза больше японца и в 400 раз больше, чем житель Тибета. Кормить человечество скоро будет нечем, а поэтому академик Кондратьев предсказывает - XXI век будет ВЕКОМ ГОЛОДА. Отсюда самая неотложная задача у нас в России обеспечить страну пропитанием собственным сельским хозяйством, а следовательно пресечь разбазаривание земель. Ведь на Юге страны в казачьем крае практически не было собственности на землю – а на Дону, Кубани, Терекe сильны традиции общинного землепользования.

Поскольку же возможности суши на планете уже, по оценке профессора К.В. Кондратовича, исчерпаны, а демографический взрыв в мире не оставляет человечеству выбора (русские практически единственная нация, где население сокращается по миллиону в год), то земное сообщество вынуждено обратиться к последнему резервуару животного белка – к Мировому океану. На планете только 10 мест в Мировом океане, где собираются на подводных нивах тучные стада дармового белка. И только одно такое место у России – как раз в пределах 200-мильной рыболовной зоны у Курильских островов, которые японцы при содействии «внутренних агентов влияния» яростно пытаются у нас отобрать. Есть над чем задуматься? А ведь наша Родина и без того лишилась рыболовных запасов на 1 млрд. долларов (в год) из-за бесконечных уступок зарубежью по так называемой линии Шеварднадзе – Горбачева. В связи с этим возрастает роль Юга России в обеспечении национальной, продовольственной и энергетической безопасности страны.

А. Пацев

УГРОЗЫ И ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

В настоящее время внутренние угрозы РФ являются более опасными, нежели основное. Именно они определены в концепции национальной безопасности России как внешние. Наиболее опасные угрозы сейчас идут с территории Юга России, особенно Северо-Восточного Кавказа.

Наиболее опасными угрозами, идущими с территории Юга России являются следующие:

1. Исламский экстремизм и терроризм, который нередко выступает единым фронтом вместе с местным национализмом.

Говоря об истории этой проблемы, следует сказать о том, что обострилось это явление после распада СССР, т.е. в начале 90-х гг. На Северном Кавказе начинает распространяться ваххабизм и национализм. Здесь следует отметить, что активную поддержку антироссийским силам на Северном Кавказе оказывают внешние силы. Эта поддержка осуществляется как неправительственными организациями (Аль-Кайда, Братья-мусульмане, Боз курт и т.д.), так и региональными державами Ближнего и Среднего Востока (Саудовская Аравия, Турция и др.), которые пытаются осуществить свои утопические цели.

Помощь террористам осуществляется в виде финансовых потоков, отправкой добровольцев и т.д.

2. Социально-экономические проблемы региона:

Бедственное положение населения республик Юга России, а также высокая безработица приводит к тому, что отдельные люди теряют доверие к российской власти и примыкают к экстремистам, не говоря уже о криминальных группах.

3. Неурегулированность межнациональных конфликтов и межнациональный противоречий в регионе.

Этот вопрос особенно актуален для Краснодарского и Ставропольского краев, где власти вынуждены прибегать к принудительной депортации приезжих.

Все эти негативные явления происходят на фоне значительного снижения возможностей РФ по нейтрализации угроз ее национальной безопасности на южных рубежах и активизирующихся попыток выдавливания России с внешних границ бывшего СССР. Вызовом национальной безопасности стала агрессия США и Англии в Ираке и уклончивая позиция России в ее оценке.

В результате, на Северном Кавказе происходит ослабление российской государственности.

Чтобы более или менее эффективно противостоять этим и другим угрозам, в регионах нужно усилить влияние центра и, прежде всего представительства Президента в

ЮФО, наделив его необходимыми полномочиями, для того чтобы более оперативно реагировать на возникающие ситуации. Также необходимо восстановить дееспособность спецслужб, армии и ВМФ, чтобы они могли наносить упреждающие удары по источникам опасности.

С. Устьян

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РОССИИ К ВТО В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Условием эффективной внешнеэкономической политики в современном мире является равноправное участие страны во внешнеторговых операциях с зарубежными партнерами. Огромную роль в реализации этого условия играют мировые экономические организации и особенно Всемирная торговая организация. Вступление в нее в качестве полноправного члена является приоритетной задачей Российской Федерации при разработке внешнеэкономической стратегии. Без членства в ВТО Россия ежегодно теряет до 2,5 млрд. долл.

Реальные преимущества вступления нашей страны в эту организацию сводятся к следующему.

1. Присоединение к ВТО станет мощным фактором стабилизации российского внешнеторгового и общеэкономического законодательства, превращения «правил игры» в постоянные и предсказуемые, что будет способствовать развитию внешней торговли и конкурентной среды.

2. Россия станет полноправным участником нового раунда переговоров и сможет самостоятельно или в коалиции с другими государствами отстаивать приемлемые для себя позиции. В противном случае мы будем вынуждены непрерывно вести переговоры относительно приведения своего законодательства в соответствие с нормами перманентно обновляющейся организации.

3. Жесткое временное ограничение переходного периода заставит отрасли промышленности и отдельные предприятия активнее заниматься развитием производства и повышением конкурентоспособности.

Перечень же вероятных негативных последствий присоединения России к ВТО на предлагаемых системных условиях представляется таким.

1. Удовлетворение Россией требования отменить с момента присоединения и не применять впредь все федеральные и региональные субсидии, подпадающие под действие

мерам ССКМ (Соглашение по субсидиям и компенсационным), повлечет за собой полный пересмотр нынешних правил и порядка господдержки отечественных товаропроизводителей путем прямого и косвенного субсидирования из федерального бюджета и из бюджетов субъектов Федерации.

2. Принятие Россией обязательства, позволяющего подходить к ней как к стране с нерыночной экономикой, означает наше согласие на продолжение задействия против РФ односторонних санкций при невозможности использования для защиты российских интересов существующего в ВТО механизма разрешения торговых споров.

3. Согласие РФ не применять меры в области защиты своего рынка до приведения соответствующих механизмов в полное соответствие с Антидемпинговым кодексом, ССКМ и с Соглашением по защитным мерам означает отказ от использования важных инструментов государственной поддержки промышленности.

4. Принятие российской стороной обязательства с момента присоединения к ВТО выполнять без изъятий и переходного периода все требования таких многосторонних соглашений, как Соглашение по процедурам импортного лицензирования, Соглашение по техническим барьерам в торговле, Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам, и др., тождественно отказу от применения существующих в настоящее время в России механизмов господдержки промышленности в виде процедур лицензирования и сертификации, стандартов, ограничений на иностранные инвестиции в отдельные отрасли, и т. д.

5. Присоединение к СТГА (Соглашение по торговле гражданской авиационной техникой) заблокирует перспективу сохранения за Россией роли одной из ведущих авиационных держав.

6. Ослабление прямого государственного регулирования внутренних цен на энергоносители и на транспортные услуги, сближение их с уровнем мировых цен вызовет неизбежный рост затрат в материальном производстве, особенно в базовых отраслях, следствием чего станет снижение ценовой конкурентоспособности продукции обрабатывающей промышленности.

7. Серьезными угрозами чреват отказ от взимания экспортных пошлин и пересмотр существующих соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, в том числе в рамках СНГ.

Даже если России удастся добиться существенной корректировки этой совокупности условий по линии отказа от большинства дополнительных требований, то выполнение непереносимых обязательств, вытекающих из многосторонних соглашений ВТО, все равно повлечет за собой значительное изменение российского законодательства

и серьезно повлияет на общие условия хозяйствования в нашей стране, на формы, методы и механизмы госрегулирования экономики, в первую очередь касающиеся поддержки предприятий. Даже в этом случае потери последних будут носить абсолютно конкретный, незамедлительный и весьма тяжелый характер, тогда как выгоды — характер абстрактно-перспективный. От исхода переговоров по системным условиям присоединения к ВТО напрямую зависят перспективы не только развития, но даже элементарного выживания целых отраслей нашей промышленности, а значит, и экономической безопасности страны в целом.

Переговоры по вопросам доступа нерезидентов на рынки товаров и услуг тоже крайне значимы. Либерализация доступа иностранных фирм на рынок услуг, в первую очередь финансовых, приведет к существенным потерям для соответствующих российских предприятий. Нельзя забывать о том, что при всех своих недостатках финансовая система — это не только производитель услуг, но и важнейший регулятор экономики, а значит, экономическая безопасность России может серьезно пострадать, если наши платежно-расчетная и кредитная сферы в значительной мере попадут под управление мощных зарубежных «игроков».

В целях обеспечения национальных интересов в области экономики и поддержания национальной безопасности страны при формировании переговорной позиции России не должна ускорять переговоры о присоединении к ВТО, соглашаясь на неоправданные уступки; добиваться установления для себя максимального срока переходного периода для осуществления мер по дальнейшей либерализации экономики и по упорядочению российского законодательства с учетом необходимости постепенной адаптации отечественной экономики к нормам ВТО; в целях обеспечения продовольственной безопасности стремиться к признанию права обеспечивать сопоставимый с другими странами-членами ВТО уровень государственной поддержки сельхозпроизводства и уровень тарифной и нетарифной защиты внутреннего рынка сельхозтоваров и продовольствия путем использования предусмотренных правилами ВТО механизмов; при проведении переговоров исходить из того, что вступление в ВТО выгодно не только и не столько России, но, прежде всего, основным странам-членам ВТО со стабильной экономикой, для которых дополнительно откроется огромный российский рынок для сбыта товаров и услуг. Если страны ВТО намерены воспользоваться преимуществами торговли товарами и услугами на российском рынке в ближайшие годы, то не следовало бы искусственно затягивать процесс переговоров по вопросам членства России в этой организации.

РОЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Одним из важнейших направлений развития современной российской государственности остается оптимизация организации деятельности органов местного самоуправления. Можно без преувеличения сказать, что повышение эффективности деятельности таких органов является важным условием обеспечения стабильности в обществе в целом. Широкое вовлечение граждан в решение проблем местной жизни, результативное удовлетворение повседневных потребностей населения, строгое соблюдение законодательных положений при соблюдении и поддержании баланса государственных и местных интересов, т.е. общих интересов жителей каждого муниципального образования, способны заложить прочный фундамент для гражданского согласия.

Местное самоуправление является важнейшим элементом конституционного строя демократических стран. Оно представляет собой ту специфическую "ветвь власти", которая, с одной стороны, участвует в осуществлении воли государства, а с другой - наиболее полно учитывает интересы населения. Органы местного самоуправления укрепляют основы конституционного строя. Они наиболее доступны для людей, максимально приспособлены к использованию ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Местное самоуправление способствует формированию гражданского самосознания. Объединяя усилия людей для решения локальных проблем, оно является важным условием обеспечения социального мира.

В настоящее время местное самоуправление играет значительную роль в укреплении государственности, а также обеспечению безопасности в регионе. Это связано, прежде всего, с тем, что местная власть максимально приближена к населению, затрагивает интересы каждого человека, решает большинство его насущных проблем. Другими словами местное самоуправление занимает «центральную позицию» между государством и обществом¹. Именно такой порядок и принят в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где любой имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок есть демократия.

¹ Мокрый В.С. Местное самоуправление: пути становления и развития // Журнал российского права. 2002. №10.

Однако существует ряд проблем территориальной организации местного самоуправления. Неурегулированность взаимоотношений органов государственной власти, как федерального уровня, так и уровня субъектов, и местного самоуправления является одной из наиболее острых.

На мой взгляд, формированию в Российской Федерации эффективной системы местного самоуправления препятствует отсутствие у населения традиций самостоятельного и ответственного решения задач местного значения.

Также необходимо конкретизировать конституционный статус органов местного самоуправления. Несомненно, оно является одной из важнейших основ современной российской государственности, поскольку позволяет эффективно и оперативно решать широкий спектр вопросов, непосредственно затрагивающих интересы населения. При этом нельзя забывать, что, строго следуя российскому законодательству, субъекты РФ не вправе самостоятельно определять наличие только какого-либо одного территориального уровня организации местного самоуправления, ограничивая тем самым права граждан на иные территориальные уровни его организации¹. Поэтому неопределенность многих статусных и регулятивных норм муниципального законодательства не позволяет четко определить характер муниципальной службы².

Важным фактором в обеспечении безопасности в регионе является укрепление местного самоуправления.

ЮФО специфичен: наличие множества народов, казачества, традиций быта и уклада их жизни требуют своего отражения в деятельности органов местного самоуправления. Тем не менее, все же основополагающие нормы, исходящие из главенства законов, органов местного самоуправления, должны доминировать в нормативных актах, недопустимо вводить в разряд норм положения, вытекающие из этнических, культурологических, национальных, сословных, имущественных и других принципов. Таким образом, напряженность проблем, связанных с безопасностью наиболее четко прослеживается именно в ЮФО. Нужно это учитывать на уровне субъектов при принятии законодательства.

Говоря об укреплении местного самоуправления, мы должны понимать, что это не может произойти без развития механизмов контроля как со стороны государства, так и общества за деятельностью органов местного самоуправления.

¹ Сахарнова В.Н. Проблемы определения территориального уровня местного самоуправления // Журнал российского права. 2001. № 10.

² Куликов В.В. Реформа местного самоуправления в России: теория и реальность // Государство и право. 2000. № 11.

Понятно, что на федеральном уровне многие хотели бы представить местное самоуправление в виде простых управленческих структур. На самом деле процессы включения населения в муниципальную деятельность, разработка механизмов реального влияния на решения, принимаемые органами местной власти, очень сложные. И от этого необходимость решения проблемы становится еще актуальнее.

Следует осознавать, что эффективность реализации конституционного права населения на местное самоуправление во многом зависит не только от наличия всего комплекса необходимых законов, обеспечивающих организационную и экономическую самостоятельность муниципальных образований, но и от понимания населением своих прав и возможностей в осуществлении местного самоуправления.

Поэтому не только институты государственной власти, но и политические и общественные организации должны способствовать развитию гражданской ответственности и самостоятельности населения, формированию человека нового типа – гражданина с определенной организационной культурой и правосознанием, который может не только влиять на власть, но и участвовать в управлении.

Роль местного самоуправления в механизме федеративного государства не в последнюю очередь заключается в том, что оно сотрудничает с федеральными органами власти, участвует в различных совместных программах, будучи значимым элементом внутрифедеративных отношений.

Местные власти играют важную роль и в реализации на местах политики правительства соответствующего субъекта федерации. Подобные отношения строятся не только как отношения подчинения, но и как отношения сотрудничества, в рамках которых местные органы обладают собственным политическим потенциалом. Власти субъектов федерации не могут не учитывать политические настроения в местных сообществах, проводником которых являются различные ассоциации местных властей. От поддержки на местах во многом зависят результаты выборов в различные властные органы субъектов федерации. Кроме того, будучи хорошо знакомыми с положением дел в соответствующих территориальных единицах, органы местного самоуправления зачастую способны более эффективно, чем правительства субъектов федерации, решать отдельные локальные проблемы, реагировать на непредвиденные ситуации. В качестве многоцелевых органов местные советы обеспечивают горизонтальную интеграцию и координацию различных служб субъектов федерации, функционирующих на низовом уровне, трансформируя их деятельность в единый курс и обеспечивая тем самым комплексный подход к решению проблем.

Если говорить о местном самоуправлении в нашем регионе, то основной задачей местной администрации является оперативное управление собственностью, разработка и реализация конкретных программ развития.

К сожалению, с реформированием прежней системы государственного устройства обозначились проблемы во взаимосвязи законодательных органов власти по линии «Федерация – регион – местное самоуправление». Поэтому помимо необходимости укрепления вертикали исполнительной власти необходимо и усиление роли представительных органов власти в плане контроля за деятельностью различных структур управления и финансовой сферой.

Важно также и то, чтобы органы местного самоуправления не допускали нарушений федерального законодательства и законодательства ЮФО, не подменяли самоуправление на самоуправство. Оптимизация взаимодействия органов всех уровней власти: федерального, регионального и местного в условиях современной российской государственности предполагает четкую урегулированность и упорядоченность их взаимоотношений на законодательном уровне¹. Можно отметить, что в целом в нашем регионе сложилось эффективное взаимодействие и взаимоотношение между региональными и муниципальными органами власти, следовательно, эти связи благоприятно влияют на обеспечение и сохранность безопасности в таком сложном и полинациональном регионе как наш.

¹ Михнева С.В. Определение правового статуса муниципального служащего как способ оптимизации взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Игнатов В.Г. Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федеральных, региональных и местных уровней власти в современной России. СКАГС. 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арухов Загир Сабирович – к.ф.н. заместитель министра по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан, ведущий научный сотрудник Регионального Центра этнополитических исследований ДНЦ РАН (г. Махачкала)

Барбашин Максим – студент 5 курса отд. «Регионоведение», председатель Студенческого информационно-аналитического центра

Басханова Люба Саид-Эминовна - руководитель информационно-аналитического центра «Ала» (г. Грозный)

Бондаренко Сергей Владимирович – к.с.н., докторант ИППК при РГУ

Шейх Равиль Гайнутдин – муфтий, председатель Совета муфтиев России, председатель духовного управления мусульман Европейской части России

Дегтярев Александр Константинович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Дьячук Игорь Алексеевич – к.с.н., начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Карамина Алина – студентка 5 курса отд. «Регионоведение»

Кокин Юрий Владимирович – студент 3 курса исторического ф-та РГУ

Крайнюченко Татьяна -

Кротов Дмитрий Валерьевич – к.полит.н., Комитет по молодежной политике Администрации Ростовской области

Мельков Сергей Анатольевич – д.п.н., профессор Военного университета, зав. отделом стратегических и социологических программ развития государственно-исламских отношений Совета муфтиев России (г. Москва)

Паленая Елена Михайловна – аспирант РГПУ, ведущий специалист Южного окружного управления МПТР России

Пацев Александр – студент 3 курса отд. «Регионоведение»

Серебрянников Владимир – заслуженный деятель науки РФ, д.ф.н., профессор, Института социально-политических исследований РАН

Устьян Спартак - студент 3 курса отд. «Регионоведение»

Черноус Виктор Владимирович – зам.директора ИППК при РГУ по науке, директор ЦСРИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН, к.полит.н., доц.

Чубарьян Елена – студентка 5 курса отд. «Регионоведение»

Шарапова Екатерина Владимировна – директор-координатор Студенческого информационно-аналитического центра, аспирант ИППК при РГУ

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Центра системных региональных исследований и прогнозирования

ИППК при РГУ и ИГПИ РАН

2001

Вып. 1 Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001. 188 с.

Вып. 2 Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001. 215 с.

Вып. 3 Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001. 80 с.

Вып. 4 Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001. 156 с.

Вып. 5 Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001. 196 с.

2002

Вып. 6 Ксенофобия на Юге России, сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 230 с.

Вып. 7 Добаев И.П. Исламский радикализм. Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 120 с.

Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 126 с.

Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 194 с.

Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е дополненное. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 167 с.

Вып. 12. Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 168 с.

Вып. 13 Международная безопасность и проблемы терроризма (Учебное пособие) Отв. Ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002. 167 с.

**Центр системных региональных исследований и прогнозирования
Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук
при Ростовском государственном университете и
Институте социально-политических исследований РАН**

Создан в сентябре 1999 года.

Основные задачи:

- создание информационной базы данных по Южному федеральному округу;
- организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных (северокавказских) научных исследований;
- проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров по регионалистике;
- разработка образовательных проектов и программ в области регионоведения.

Центр действует в комплексе с кафедрой теоретической и прикладной регионалистики ИППК при РГУ и Студенческим информационно-аналитическим центром.

С 2001 года издает серию научных проблемных сборников и монографических исследований «Южнороссийское обозрение».

Более подробно о результатах деятельности Центра можно узнать на <http://ippk.rsu.ru>

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследования гуманитарной и социальной проблематики Северного Кавказа.

Контактный адрес:

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160, ИППК при РГУ, к.22

Телефоны: 65-34-51, 64-19-12

Факс: 64-49-33

E-mail: center@ippk.rsu.ru